ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 46 (4436)

14 ноября 1973 г. СРЕДА

ДРУЖЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В КИЕВЕ

Продолжается дружественный визит в Советский Союз Президента СФРЮ, Председателя Союза коммунистов Югославии Иосипа Броз Тито, успешно проходят его встреча и беседы с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым.

Выступая в Киеве на обеде в честь высокого гостя, товарищ Л. И. Брежнев отметил, что советско-югославские переговоры, охватывающие широкий круг вопросов, проходят в хорошей атмосфере. Сотрудничество наших государств наполняется все более богатым содержанием, и это относится не только к сфере двусторонних отношений, но и к области внешней политики.

«Согласованная политика социалистических стран, — сказал в своей речи Л. И. Брежнев, — была и остается главным двигателем разрядки напряженности».

Л. И. Брежнев подчеркнул и возрастающую роль, которую играет тесное сотрудничество социалистических государств в европейских делах. Он заметил, что ныне первостепенная задача — завершение без проволочек второго этапа общеевропейского совещания, успешное проведение его заключительной фазы на высшем уровне.

«Мы не сомневаемся в том, — сказал Л. И. Брежнев, — что углубление взаимодействия КПСС и СКЮ, Советского Союза и Югославии будет и дальше надежно служить нашим общим интересам».

НОВОСТРОЙКИ ПЯТИЛЕТКИ

НЕВИННОМЫССКИЙ ХИМКОМБИНАТ: ЛЮДИ И ДЕЛО ИХ РУК

ВОСПЕВАТЬ ЧЕЛОВЕКА ТРУДА

24—25 октября в Уфе проходил VII съезд писателей Башкирии. С отчетным докладом о состоянии башкирской литературы и перспективах ее дальнейшего развития выступил председатель правления СП БАССР Лукман-Хаким Гиляжев.

В докладе было отмечено, что за период между шестым и седьмым съездами развитие башкирской советской литературы ознаменовалось новыми успехами. Такие важные исторические события, как 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, XXIV съезд КПСС и празднование 50-летия образования Союза ССР, дали писателям республики новый заряд энергии, еще более сблизив их творчество с созидательным трудом народа.

Весомый вклад в развитие родной литературы внес народный поэт Башкирии Мустай Карим, который удостоился Государственной премии СССР 1972 года. Это было признанием высокой зрелости, боевой партийности и народности всей башкирской литературы.

За истекшие пять лет появились значительные произведения. Особый успех выпал на долю историко-революционной темы: сразу три прозаика республики — З. Биишева, Ф. Исангулов и Я. Хамматов закончили свои трилогии, посвященные незабываемым годам Октября. Получили одобрение читателей и критики романы И. Абдуллина, Н. Мусина и многих других прозаиков.

Башкирия — край нефти и нефтехимии, республика высокоразвитой индустрии. И повышенное внимание съезда к рабочей теме было естественным. Одобрив плодотворные усилия ряда писателей в освоении этой темы, докладчик и выступавшие отметили, однако, что героизм современного рабочего класса, его дела и помыслы еще ждут своих вдохновенных певцов.

Активно работали поэты республики. Имена Мустая Карима, Сайфи Кудаша, Назара Наджми, Мусы Гали, Гилемдара Рамазанова известны читателям всей страны. На съезде была отмечена успешная работа драматургов, литературных критиков, а также молодого поколения башкирских писателей.

В прениях выступили Г. Амири, Г. Рамазанов, Р. Хакимов, Я. Хамматов, А. Мирзагитов, председатель правления Союза композиторов Башкирии З. Исмагилов, А. Филиппов, А. Харисов, первый секретарь Башкирского обкома ВЛКСМ Ю. Маслобоев, А. Ахметкужин, Р. Бикбаев, И. Абдуллин, главный редактор Башкнигоиздата А. Гареев, Мустай Карим, председатель правления Союза художников Башкирии Р. Нурмухаметов, заместитель министра просвещения БАССР И. И. Губайдуллин.

Съезд приветствовали секретарь правления СП СССР О. Шестинский, Софрон Данилов (Якутия), Г. Ахунов (Татария), В. Васильев (Чувашия), В. Миронов (Челябинск), В. Очеретин (Свердловск).

На съезде с большой речью выступил секретарь Башкирского обкома КПСС Т. И. Ахунзянов.

Под бурные аплодисменты участники съезда приняли приветственное письмо Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза.

Съезд избрал новый состав правления и ревизионной комиссии Союза писателей Башкирии. Председателем правления избран драматург Асхат Мирзагитов, его заместителями — прозаик Рамис Низамов и поэт Александр Филиппов, ответственным секретарем правления—поэт и драматург Рафаэль Сафин. Председателем ревизионной комиссии стал поэт Шариф Биккол.

А. ФИЛИППОВ

УФА

Сергей МИХАЛКОВ,

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии

СВЕРШЕНИЯ НАШИХ ДНЕЙ

МЫ ГОВОРИМ, что третий год пятилетки — решающий. Я сказал бы еще — это год вдохновенного созидательного труда.

На торжественном заседании, посвященном 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции в Кремлевском Дворце съездов, член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко говорил о том, что Великий Октябрь не только история, но и современность, живая судьба поколений революционеров, строителей нового мира, смело пролагающих дорогу в лучшее будущее.

В нашей стране сложилась добрая традиция отмечать годовщину Октября не только как большое торжество, но и как день, когда советские люди подводят итоги борьбы и труда, мысленно сверяют свои путь по надежному компасу ленинизма. Год 1973-й войдет в летопись борьбы советского народа за построение коммунистического общества как год выдающихся трудовых, творческих свершений во всех областях экономики и культуры.

Недавно побывал я в Ростове. Там под девизом «Мастера литературы и искусства — мастерам высокого урожая» проходила Декада культуры. Это был настоящий праздник — ростовчане отмечали небывалый урожай нынешнего года — пять миллионов тонн зерна. Ну что ж, согласитесь, замечательный вклад в три миллиарда пудов России! Воистину год 1973-й — не только работящий год, но и год радостный. Впервые за всю историю земледелия Россия собрала такой урожай.

И еще одна хорошая новость — я говорю о недавнем сообщении ЦСУ о выполнении промышленностью плана девяти месяцев.

Все идет как надо, как было намечено. И эта определенность, эта уверенность — в самой сути советского строя. Я часто задумываюсь, насколько все мы «вжились» в наш день. Преимущества, которые предоставляет человеку наш образ жизни, стали столь привычны, столь естественны, что мы подчас уже и не относим величайшие завоевания революции к «разряду» преимуществ. Но, как говорится, со стороны виднее. И когда иностранец, скажем, восторгается бесплатным образованием в СССР, мы сдержанно улыбаемся: да, действительно, образование у нас бесплатное. Ну и что? Это ведь закономерно...

Но представьте хотя бы на минуту — вашего сына исключают из школы, так как не внесена плата за обучение. Представьте, как сын с укором вам говорит: «Все мои друзья учатся, у всех есть деньги. А я что — хуже других?» Представьте сочувственные взгляды соседей: «Не повезло парнишке — с таким отцом в люди не выйдет...» И никого рядом, кто бы возмутился и помог. Твой карман — твоя защита. Трудно представить? В самом деле трудно — все это никак не укладывается, не влезает, не втискивается в наши рамки.

Но ведь там, за пограничным столбом, начинается именно такая жизнь. Она не придумана. Она существует.

У нашей революции есть множество завоеваний. Я думаю об одном, которое удивительно точно, на мой взгляд, отражает существо глубоочаянных исторических перемен. Я говорю о духе товарищества.

Уничтожив классовое расслоение, ликвидировав частную собственность, социализм сплотил общество, сформировал новую историческую общность — советский народ. Дух товарищества — неотъемлемая черта наших людей. Она проявляется и в малом, и в большом. Вдумайтесь, обычное обращение «гражданин» сохранилось лишь в официальных документах, да и то не во всех. Слово «товарищ» постепенно, без каких-либо постановлений или решений всеобъемлюще вошло в жизнь. От разговора в троллейбусе до выступления с трибуны.

Когда в месткоме обсуждают кандидатуру будущего новосела, выступают его товарищи. О чем они говорят? О его труде, о взаимоотношениях в коллективе, даже о будущем его семьи — есть у нас ведь такое понятие — «перспективная семья». Ну где, в какой стране — 7 миллионов новых квартир за три года! В какой стране люди задержатся после рабочего дня, сядут за списки, будут размышлять, спорить, может быть, даже ссориться, чтобы их товарищ получил новую квартиру, чтобы она была получше, побольше? И если бы нашелся при этом чудак, который спросил: «А имеем ли мы право заселять дом так, что в квартире № 5 будет жить рабочий, а в квартире № 6 инженер?» — то, уверен, его сочли бы по меньшей мере сумасшедшим. Давно уже стерлись из памяти даже внешние признаки, которые определяли социальную разобщенность в старой России. Но они все еще существуют там, за пограничным столбом.

Всеобщее уважение к труду, к любому труду — вот почва, на которой растет, расцветает наш дух товарищества.

Но наше единство, наше братство было бы невозможно без величайших успехов ленинской национальной политики. Десятки народов входят в состав Советского Союза. У каждого — свой уклад, свой язык, своя история. Сколько в прошлом было междоусобиц, сколько вражды и розни между людьми разных национальностей! И как подпирали националистические заборы все эксплуататоры — от мелких хозяйчиков до крупнейших воротил! Легче было командовать, проще было выжимать доход. Советская власть сломала все эти перегородки. Без нерушимого единства народа страна наша не стала бы государством, с позицией которого сегодня считается весь мир.

Особенно я почувствовал это в дни Всемирного конгресса миролюбивых сил. В полной степени мы еще не можем оценить, наверное, огромное значение этого исторического форума. Но уже ясно — замечательная речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, которая содержала глубокий анализ современной международной обстановки, раскрыла советскую Программу мира, явилась главным событием на Всемирном конгрессе, вызвала живейший интерес всего человечества. Я не припомню ни одного выступления на конгрессе, чтобы оратор не обращался к политике Советского Союза. Конечно, это вовсе не значит, что моя страна единолично решает мировые проблемы, но в то же время, какую бы проблему мир ни решал сегодня, он должен выслушать мнение Москвы по этому поводу. Почему? Да потому, что авторитет нашей страны на мировой арене огромен. Потому, что нельзя уйти от реального разделения сил на планете на два лагеря. Мы видим, как год от года крепнет могущество лагеря социализма. И одно из ярких свидетельств — разрядка напряженности, которая постепенно одолевает любителей решать споры военным путем. Мир нужен социализму, он — в природе нового строя.

И никто — ни банда чилийских реакционеров, ни авантюристы из Тель-Авива, ни всякие прочие противники потепления — не может остановить развернувшееся мирное наступление социалистического лагеря.

Наш исторический оптимизм опирается на твердую почву. В этом сила нашего строя, нашей политики.

Мы с вами, друзья, живем в удивительнейшее время. У этого времени чрезвычайно быстрый шаг. Всего лишь семьдесят лет назад родилось новое слово «большевик». Всего лишь пятьдесят шесть лет назад свершилась наша революция. Прошло чуть больше полувека, а сколько осуществлено! Наша жизнь с ее многообразием, с ее ритмом, с ее людьми, с ее идеями — словно небывалая сокровищница, одаривающая советского писателя необыкновенным обилием тем, характеров, сюжетов. И все новые и новые книги, которые доходят до сердца читателя, свидетельствуют о верном служении наших писателей народу нашему.

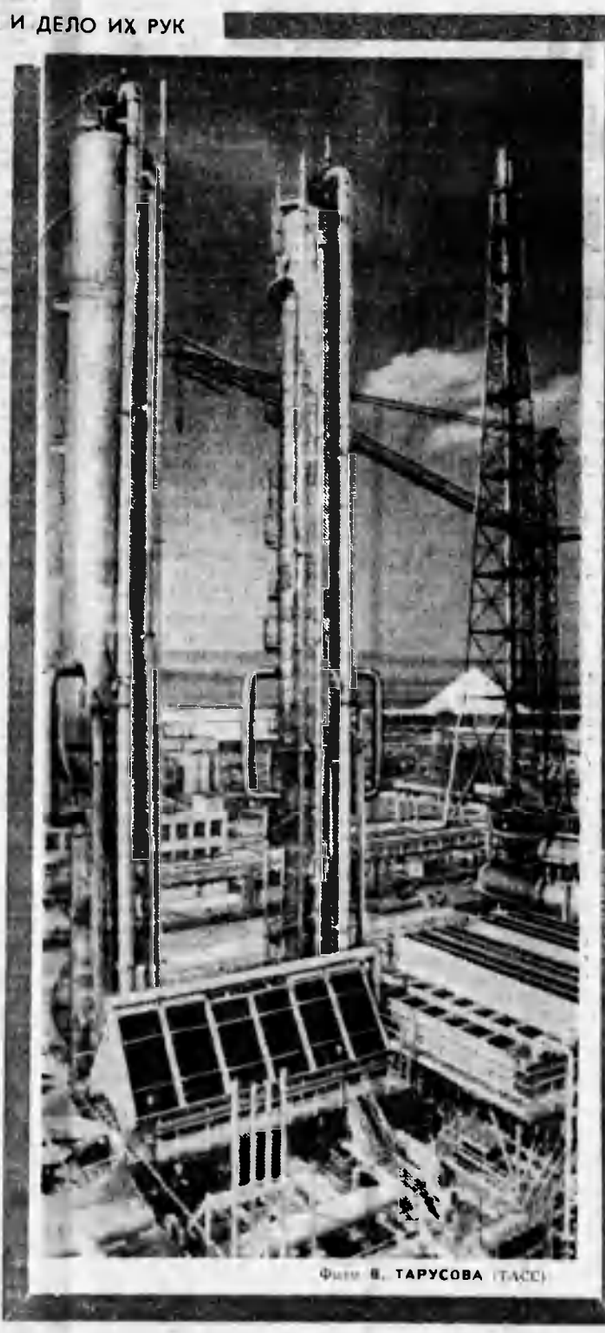


Фото В. ТАРУСОВА (ТАСС)

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛГ»

КРИТИКИ О МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ

стр. 4

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ И. ФОНЯКОВА, «САДИСЬ, МАШЕНЬКА, ПЯТЕРКА!»

ВЫСТУПАЮТ ПИСАТЕЛЬ С. ЗАЛЫГИН И ЧИТАТЕЛЬНИЦА В. КОРОСТЫЛЕВА

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

стр. 6

ПОГОВОРИМ О ПЕСНЕ

ЗАВЕРШЕНИЕ ДИСКУССИИ

стр. 8

* ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛГ»

* СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

* ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

стр. 12–13

«СПАСИБО МАЯКОВСКОМУ!»

Первым актером, который с эстрады прочел «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче», был молодой Игорь Ильинский. А спустя много лет народный артист СССР И. Ильинский стал председателем жюри конкурса московских школьников на лучшее исполнение произведений трибуна революции. Состязания юных декламаторов были организованы Московским городским отделом народного образования, МГК ВЛКСМ и Центральным Домом литераторов имени А. А. Фадеева.

— Конкурс показал огромный интерес школьников к творчеству великого поэта,— сказал после заключительного вечера выдающийся советский актер. — Я получил подлинное наслаждение от услышанного. В исполнении ребят стихи Маяковского звучали в совершенно новом, современном ключе. Какое неожиданное открытие Маяковского было в этих удивительных голосах 12—16-летних мальчиков и девочек!

Похвалы достойны все участники конкурса. Сама поэзия вызвала к жизни их талант, и мне хочется повторить слова члена нашего жюри Константина Симонова: «Спасибо Маяковскому!»...

В заключительном концерте выступили 26 юных декламаторов. Наибольшим успехом пользовались выступления Андрея Алексеева, читавшего «Левый марш», Максима Кротова — «Скрипка и немножко нервно», Натальи Ильиной—«Весенний вопрос», Ильи Тарасова — «Блек энд уайт», Андрея Грязнова — «История Власа — лентяя и лоботряса», Елены Егоровой — «Секрет молодости» и восьмиклассника Бориса Коростылева, получившего приз и грамоту «Литературной газеты» за исполнение «Рассказа литейщика Ивана Козырева о вселении в новую квартиру».

Б. РЯЗАНЦЕВ

НА СНИМКЕ: *Борис Коростылев.*

УКАЗ

ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Ишмуратова Р. Ф. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя **Ишмуратова** Ризу Фахрутдиновича орденом **Трудового Красного Знамени.**

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ
9 ноября 1973 г.

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Конкурс «ЛГ» на лучший очерк

стр. 10

ПИСАТЕЛЬ И ЖИЗНЬ

УЗБЕКИСТАН. Директор совхоза имени Ленина Герой Социалистического Труда Мамаджан Дадажанов тепло приветствует дорогих гостей · Марка Максимова, Александра Смердова, Танзилю Зумакулову, Василия Рослякова, Римму Казакову.

Фото В. КРОХИНА

ГРУЗИЯ. Одно из своих стихотворений поэт Джансуг Чарквиани посвятил знатному токарю, депутату Верховного Совета СССР Зирабу Саралидзе.

На снимке: Зураб Саралидзе рассказывает Джансугу Чарквиани о своей работе.

Фото А. СААКОВА (ТАСС)

ВРЕМЯ И КНИГА

РАЗМЫШЛЕНИЯ КРИТИКА

Вера СМИРНОВА

ПОКА МЫ ПОМНИМ О МЕРТВЫХ, ОНИ ЖИВЫ

О НОВОМ РОМАНЕ ГЕОРГИЯ БЕРЕЗКО «ДОМ УЧИТЕЛЯ»

В 1943 ГОДУ молодой офицер принес в редакцию журнала «Знамя» свою первую повесть «Красная ракета». Военная биография его была по тем временам довольно обычной: пошел воевать добровольцем, был в ополчении, в артиллерийском расчете, потом техником-интендантом. Наконец, попал в дивизионную газету и почувствовал себя писателем. Повесть можно было назвать романтической — таково было тогдашнее восприятие автором войны и людей на войне, но основой ее был подлинный эпизод первого года войны, и герой его сохранил даже свое настоящее имя (тогда старший лейтенант Горбунов, теперь уже полковник, здравствует и поныне). Примечательно, что уже в этой первой повести наметилась очень важная для автора задача: создание образа командира Советской Армии. И далее эта тема последовательно развивалась в книгах Георгия Березко, ставшего после войны профессиональным писателем и написавшего с тех пор немало романов и повестей.

Я не случайно вспомнила сейчас «Красную ракету»: в новом произведении Г. Березко — в романе «Дом учителя» («Новый мир», №№ 4—7, 1973), вновь возвращающем нас к первым месяцам войны, — тоже сильна романтическая струя, тоже есть конкретная (даже автобиографическая) основа и тоже есть стремление показать советских командиров разных рангов — от маленького техника-интенданта до командарма и командующего фронтом, до организатора и командира партизанского отряда.

Место действия романа — небольшой старинный русский городок между Смоленском и Подмосковьем, а время — те первые месяцы войны, когда главной военной задачей было: не пустить врага в Москву, задержать во что бы то ни стало фашистские орды, хлынувшие на нашу землю. Центром событий, можно сказать, главным «героем» романа, становится (и в действительности, и символически) районный Дом учителя, что-то вроде учительского клуба. Мне, да и многим писателям москвичам, невольно вспомнится чистопольский Дом учителя — бывший купеческий особняк, — где мы находили себе приют в эвакуации, где Константин Федин читал вторую часть своей книги «Горький среди нас», где происходили наши писательские «среды».

В романе Г. Березко заведует Домом одна из прежних его хозяек, дочь судьи, уже старая женщина, с трудной личной судьбой, отдавшая все силы и все, что было в семье — мебель, белье, посуду, прекрасную старую библиотеку, — чтобы Дом учителя не был просто учреждением районного масштаба, а подлинным родным домом для тех, кто в него попадал.

Война, уже гремящая где-то рядом, пока еще обошла городок, и в Доме учителя еще надеются, замирая, что, может быть, беда минует их. В Доме мы и встречаем людей, которые становятся основными действующими лицами романа: заведующую Домом Ольгу Александровну Синельникову, ее слепую с детства сестру Марию, их племянницу, дочь давно пропавшего беспутного брата — Лену, мечтающую поступить в театральное училище, уборщицу Настю, старого учителя Самосуда — директора школы в ближнем селе Спасском и члена бюро райкома, которому поручена организация партизанского отряда. Удивительным путем попала сюда и группа иностранцев - эмигрантов: поляки — пианист с женой, бежавшие из гетто, и два солдата, воевавшие еще в Испании с фашизмом, и молодой итальянец Федерико, мечтающий биться рядом с советскими бойцами.

Война является в Дом учителя прежде всего в виде военного грузовика с тремя «фуражирами»: это техник-интендант Веретенников, с ним расторопный Ваня Кулик — водитель и рядовой-ополченец, бывший преподаватель вуза, филолог и автор литературоведческой книги Виктор Константинович Истомин, отказавшийся от «брони» и вступивший в ополчение. Дом учителя встретил их ласковым приветом, уютом, чистыми постелями, самоваром и показался им необычайным «оазисом» покоя и мира, после только что пережитых ими ужасов войны. Тут мне хочется привести небольшую цитату из романа, в которой, по-моему, выражена основная его мысль: «По пути чернели остывшие пепелища, тянуло от головешек холодной окурочной вонью, в потоптанной пшенице валялись смердящие трупы, а ночью по горизонту бродили вишнево-дымные зарева. И неистребимым в этой ночи ужаса было лишь чувство человеческой общности». Этой «человеческой общности» — единству армии и народа, мирного населения и бойцов, интернациональному братству, духовной и кровной близости всех, кто встал на оборону родной земли и родного советского строя, — и посвящен роман Березко.

Мы видим, как «приспосабливается к войне» философствующий филолог — становится метким стрелком, убивает двух диверсантов; как старый учитель собирает в партизанский отряд своих недавних учеников; как Дом учителя превращается в «укрепленный пункт» и, ощетинившись разнокалиберным оружием, отражает атаки фашистов... Прошлое Дома, уже далеко отступившее за годы Советской власти даже от старых женщин Синельниковых, вдруг является на сцену в виде «блудного брата», когда-то убежавшего за рубеж, ставшего усердным пособником фашистских палачей, — теперь он приходит в дом, переодетый в форму советского капитана, с четырьмя парашютистами - диверсантами. Сестры не только не рады ему — когда они видят на нем форму советского командира, то понимают, что он тот самый диверсант, о котором говорят в городе. И тогда старшая сестра требует, чтобы он сдался, пошел с повинной. Озверев окончательно, он стреляет в сестру, но убежать ему не удается...

И этот злодейский брат, буквально упавший с неба в родной дом, и старая, слепая с детских лет сестра, и стремительный роман юной Лены с юным итальянцем Федерико (заставляющий вспомнить влюбленных из романа Хемингуэя «По ком звонит колокол»), и старый учитель, читающий Монтеня и хранящий верность своей давней любви к хозяйке Дома учителя, и поляк-пианист, который не может доиграть до конца ни одной вещи Шопена, потому что не может забыть, как его заставляли фашисты играть для них, когда он был в лагере, и даже уборщица Настя в подвенечном наряде, в котором ей не пришлось пойти в загс, потому что жених ее был убит еще в финскую войну, — все это черты романтической прозы, которой Г. Березко отдал дань и в этом романе. Но так точно и вещно дан весь быт Дома учителя, сохранивший во многом быт старой русской провинциальной интеллигенции, и так беспощаден удар, нанесенный этому войной, что в романе нет места сентиментальности, и правда реальных событий и чувств оказывается сильнее некоторых надуманных сюжетных поворотов.

Характеристики действующих лиц лаконичны и действенны (кроме разве много раздумывающего и вспоминающего Истомина, в размышлениях которого угадывается что-то автобиографическое), а теплота добра и мира, излучаемая Домом учителя, удивительно согревает все повествование. Понятен и хорош в своей прямолинейной ненависти к фашистам Федерико, итальянец, почти позабывший родную Ассизи и прилепившийся сердцем к советской земле и к этой русской девчонке, такой наивной и не искушенной в жизни и в любви. В маленькой вставной новелле их любви мне показалось только немного назойливым постоянное напоминание автора о «театральности» ощущений, переживаемых Леной, о том, что ей все время кажется, будто она играет на сцене. В первый раз это воспринимается естественно, как вообще литературные влияния, каким она подвержена, а потом это кажется уже чрезмерным и мешает образу.

Рядом с жизнью городка и Дома учителя, часто сплетаясь с ней, идет в романе линия собственно военных действий — великой битвы за Москву. С волнением читаем мы трагическую историю командарма, командира еще с времен гражданской войны, силою жестоких обстоятельств поставленного в трудное положение: у него в армии нехватка и людей, и вооружения, и боеприпасов, силы противника превосходят наши, — и все же он должен выполнить приказ: остановить врага, не пустить в Москву. Кровавые бои истощили армию, сам командарм попадает в окружение, в плен. С безумной храбростью он совершает побег из плена и потом ждет вызова к командующему фронтом: он уже подготовил свой рапорт о случившемся поражении — свой приговор самому себе. И когда новый командующий фронтом вдруг благодарит его, объясняя ему, что армия, хоть и ценой тяжких потерь, все же задержала врага, дала возможность войскам подготовиться и отбросить врага от Москвы, командарм, уже осудивший сам себя, переживший свою вину перед народом и родной страной, уже не в силах радоваться, слабеет и умирает. В военной и человеческой трагедии этого своего героя автор заставляет нас почувствовать жестокую правду войны, поверить, что жертвы народа не забыты и не были напрасны, как ни горьки были утраты.

Размеры рецензии не позволяют сказать о многом, что показано сильно и ярко в романе «Дом учителя». Но не могу не упомянуть о тех сценах, которые крепко запомнились: последняя вечерняя трапеза в Доме учителя накануне его разрушения; бой, который ведут раненые из госпиталя и отбивают атаку фашистов; старый городской фотограф, разбивающий свои негативы — всю трудовую и праздничную летопись родного города, чтобы на этих фото враги не могли узнать коммунистов; и те страницы, где рассказано, как командующий фронтом после ожесточенных боев в местах, где он родился и вырос, встречается с женщиной из своей деревни, деревни, от которой остались лишь печные трубы...

Слабее последняя глава, в которой Истомин, ставший уже корреспондентом фронтовой газеты, приезжает в партизанский отряд Самосуда и рассказывает ему о конце Дома учителя, о людях, погибших или воюющих, то есть то, о чем читатель уже знает или догадывается. Этот эпизод был бы совсем лишним в романе, если бы не свидетельствовал о большом душевном перевороте в самом герое. Но это уже не так ново в нашей литературе о войне.

В целом же роман «Дом учителя» воспринимается мною как произведение, где подытожены многие мысли и чувства автора, связанные с войной, которую Г. Березко пережил как боец и как писатель.

НА СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ГДР

14—16 ноября в Берлине состоится VII съезд писателей Германской Демократической Республики. Для участия в работе съезда в Берлин выехала делегация Союза писателей СССР в составе: первый секретарь правления Союза писателей СССР Марков Г. М. (руководитель делегации), Янсонс А. И., Гинзбург Л. В.

ХРОНИКА

В пятнадцатый раз прошла по стране Всесоюзная неделя молодежной книги, которую проводят ежегодно ЦК ВЛКСМ, Союз писателей СССР и издательство «Молодая гвардия».

Более 40 литераторов, пишущих для молодежи, побывали на ударных стройках в Туркмении, Мордовии, Татарии, Чечено-Ингушетии, в Томской, Челябинской, Омской областях. Всего по стране состоялось более 100 встреч.

Открытие Всесоюзной недели молодежной книги состоялось на крупнейшем ударном комсомольской стройке страны — Камском автомобильном заводе. В Набережные Челны съехались многие авторы книг издательства «Молодая гвардия» — Е. Исаев, Д. Злобина, В. Урин, таджикская поэтесса Г. Сафиева, доктор физико-математических наук профессор А. Китайгородский, заслуженный мастер спорта СССР, чемпион Олимпийских игр А. Воробьев и другие.

Открывая литературный вечер «Комсомол и книга», директор издательства «Молодая гвардия» В. Ганичев отметил, что Неделя молодежной книги стала хорошей традицией. Нынешний праздник молодежной книги посвящается XVII съезду ВЛКСМ и 50-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

■

Состоялось отчетно-выборное собрание партийной организации Союза писателей Литвы.

Выступая с отчетным докладом, секретарь партийного бюро А. Балтакис рассказал коммунистам о проделанной работе. Главное достижение писателей республики — новые произведения, которыми за прошедший год обогатилась литовская литература. С большим вниманием и одобрением встречены читателями и литературной общественностью роман В. Бубниса «Под летним небом», повесть Р. Кашаускаса «Мотоциклисты», роман молодого писателя В. Гирдзиаускаса «Люди были добры ко мне».

Выступившие в прениях коммунисты — писатели Ю. Бутенас, М. Слуцкис, И. Ланкутис, В. Реймерис, В. Радайтис, А. Белаускас, представитель издательства «Вага» С. Сабонис, члены Вильнюсской секции молодых писателей С. Ренчис и А. Шимкус, наряду с высокой оценкой достижений писательской организации, говорили и о тех недостатках и упущениях, которые имелись в работе.

В работе собрания приняли участие заведующие отделами ЦК КП Литвы И. Белинис и С. Шимкус, секретарь Вильнюсского горкома партии В. Коялa, секретарь Ленинского райкома партии Г. Радзявичене.

Секретарем партийного бюро вновь избран А. Балтакис.

■

В Алма-Ате состоялось отчетно-выборное партийное собрание Союза писателей Казахстана. С отчетом о проделанной работе выступил секретарь партийного бюро А. Жамишев. В обсуждении доклада приняли участие С. Мауленов, Ш. Муртазаев, С. Омаров, Х. Абдуллин, Ж. Омирбеков, И. Жарылгапов, А. Ахметов, Н. Ровенский, А. Алимжанов, первый секретарь Советского райкома партии Алма-Аты К. Аухадиев.

Писатели-коммунисты дали высокую оценку деятельности писательской организации республики по проведению V Конференции писателей стран Азии и Африки, уделили большое внимание проблемам современности, участию литераторов в выполнении планов пятилетки.

Принято решение, направленное на дальнейшее улучшение работы первичной партийной организации.

Секретарем партийного бюро вновь избран А. Жамишев.

В работе собрания принял участие заместитель заведующего отделом культуры ЦК КП Казахстана А. А. Устинов.

■

С большим успехом в Молдавии прошел праздник поэзии. В Кишиневе и во многих районах республики состоялись многочисленные встречи читателей с любимыми авторами, поэтические вечера, книжные базары. Перед рабочими и колхозниками, студентами и школьниками выступили А. Лупан, Е. Буков, Б. Истру, Г. Менюк, П. Крученюк, П. Заднипру и другие поэты. Два дня продолжались ставшие традиционными встречи мастеров слова со своими друзьями-читателями. Два дня со сцены импровизированных подмостков звучали стихи, шел большой разговор о писательском долге, о роли художника в общем строю борьбы за коммунизм.

В октябре 1974 года будет отмечаться пятидесятилетие образования республики. В Союзе писателей развернулась подготовка к этой славной дате — ведется большая работа по составлению поэтических антологий на молдавском и русском языках, книг боевой публицистики, сборника произведений писателей братских республик, посвященных Молдавии.

ЛИСТКИ ИЗ БЛОКНОТА

Итак, снова Гарвард. Академичнейшая Хаутонская библиотека, хранилище рукописей и редких книг. По стенам, в витринах — древние пергаменты и первые издания английских и американских классиков. Но здесь и архив Джона Рида. Он выпускник Гарвардского университета — окончил его в 1910 году. Это и дало возможность друзьям Рида позднее добиться здесь приюта для его бумаг, пахнущих не архивной пылью, а бурей и порохом революции.

Сейчас перед нами несколько новых блокнотных листков, беглая запись карандашом, как обычно у Рида, с трудом поддающаяся прочтению. Листки относятся к Третьему Всероссийскому съезду Советов, открывшемуся в Таврическом дворце в Петрограде 10 (23) января 1918 года. На сей раз это конспект выступления самого Джона Рида с его знаменитой клятвой рассказать американским трудящимся правду об Октябрьской революции.

«Вот я стою здесь на историческом заседании первого в мире пролетарского парламента», — начинает Рид. Он говорит, что мировая буржуазная пресса, недавно еще третировавшая большевиков, теперь вынуждена отзываться о русской революции с уважением. И это случилось, говорит он, «не потому, что буржуазные правители стали вдруг интернационалистами или же социалистами, а потому, что российская пролетарская республика оказалась реальной силой». Рид отмечает далее, что «сила советского правительства в том, что оно опирается на трудящиеся массы и выражает их волю». Он вспоминает, как у него на глазах вырастала новая советская государственность, говорит, что «Советы — наиболее эффективная политическая организация из всех известных истории». Рид вспоминает революционных борцов, погибших в дни Октября, «в первых боях социальной революции», и выражает уверенность, что их кровь пролилась недаром. Он прощается с делегатами съезда, после чего дает клятву: «Торжественно обещаю...»

Рид выполнил обещание — написал «Десять дней, которые потрясли мир».

ТРЕБУЕТСЯ: ТОРГОВАТЬ!

Малоосвещенная сторона деятельности Рида — его сотрудничество с полковником Раймондом Робинсом, главой американской миссии Красного Креста в Петрограде; их совместные попытки наладить в первые месяцы Советской власти получение продовольствия и промышленного оборудования из США. Наперекор американскому послу Френсису, препятствовавшему нормализации отношений с США, полковник Робинс вступил на путь делового сотрудничества с Советским правительством. В. И. Ленин не раз виделся с Робинсом и одобрил его инициативу. Поддерживая Робинса, Рид побывал во вновь созданных народных комиссариатах путей сообщения, труда, земледелия и социального обеспечения и в самом начале января 1918 года представил «Набросок доклада» с перечислением промышленного оборудования и предметов народного потребления, которые советские организации хотели бы в первую очередь получить из США.

«...Паровозов нам можно более, с запасными частями. Сталь и железо в чушках. Технического персонала не требуется; комиссар путей сообщения сказал мне, что Россия располагает достаточным числом машинистов и других квалифицированных техников... Сельскому хозяйству нужны в огромном количестве простые орудия труда... В комиссариате труда мне сказали, что требуется новейшее оборудование для типографий, текстильной, металлургической, горнорудной промышленности...

Но важнейшее — это заказ комиссариата социального обеспечения... Молоко для детей — КРАЙНЕ СРОЧНО».

Перечисляя эти неотложные нужды ослабленной войной и разрухой молодой Советской страны, Рид в то же время подчеркивает в своем «Наброске доклада», что каждый, кто пожелает иметь деловые коммерческие сношения с Советской Россией, должен исходить из признания социалистических перемен в ее экономике и политике. Он пишет, что эффективные и быстрые поставки будут встречены русскими с благодарностью, но при соблюдении непременного условия: американские представительства не должны использоваться для буржуазной антисоциалистической пропаганды.

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

Зиму 1919—1920 гг. Рид пробыл в Москве. Он привез Ленину выпущенные им в США «Десять дней, которые потрясли мир». Ленин одобрил книгу и написал предисловие для второго издания. Рид знакомился с жизнью Советской России, собирал материал для новой задуманной книги. В марте он выехал в США нелегальным путем, но был арестован в Финляндии. Три месяца просидел в финской тюрьме и снова вернулся в Москву. Теперь он намерен был принять участие в работах Второго конгресса Коминтерна. Было решено, что Луиза Брайант приедет к нему в Москву. Рид писал ей:

«Здесь сейчас необыкновенно красиво. И дела идут замечательно. Близятся великие времена...»

Они встретились в Москве в середине сентября.

Особо надо сказать несколько слов о Луизе Брайант, безусловно, одной из замечательнейших женщин передовой американской интеллигенции. Она была неразлучной спутницей Рида в дни Октября, и ее книге «Шесть красных месяцев в России» вышла в США в 1919 году, еще ранее книги Рида. Глубокая привязанность соединяла Луизу Брайант с Ридом. В его бумагах сохранился листок со стихами, которые Луиза Брайант подарила ему в холодной и темной «Астории» в декабре 1917 года в Петрограде.

«Рождественский подарок
Джану от Луизы Брайант.
Как это прекрасно
встречать Рождество
здесь на Севере.
Рядом с тобой;
В стране, где воистину
верят в мир на земле
И в свершение чудес...
Изо всех, кто знаком мне
по обеим сторонам
океана,
Лучше тебя я не знаю
И быть твоей спутницей —
Это большое счастье».

Надо помнить и то, что Луизе Брайант мы обязаны спасением архива Рида. Нуждаясь, больная и одинокая, она нашла в себе силы сохранить эти драгоценные документы.

Осенью 1920 года в Москве Рид и Луиза Брайант провели десять счастливых дней. Они жили в бывшей гостинице «Деловой двор» на Варварской площади (ныне площадь Ногина). Вместе они пошли к Ленину, посетили других советских руководителей и друзей, с которыми сблизились еще в дни Октября; ходили в театры, сидели в Александровском саду. От этих недолгих дней в бумагах Луизы Брайант сохранились записки ее к Риду, которые они оставляли друг другу, отлучаясь и, как видно, считая минуты, чтобы снова быть вместе. Вот записка Луизы Брайант: «Джон, я вернусь в полторого или же к двум. Целую. Л.» И записка Рида на синей оберточной бумаге: «Луизе, я очень скоро вернусь. Рид».

В двадцатых числах октября Рид заболел брюшным тифом. Его организм был подорван тремя месяцами финской тюрьмы, и в ночь с 16 на 17 октября он скончался. Рида похоронили у Кремлевской стены. На могиле была поставлена гранитная глыба со словами: «Джон Рид, делегат III Интернационала».

Главным памятником Риду была его книга. Все знают краткое предисловие Н. К. Крупской к русскому переводу «Десяти дней..». Но ни разу не перепечатывалась и осталась забытой ее более обширная статья о «Десяти днях...», появившаяся вскоре после кончины Рида в «Еженедельнике Правды» от 20 ноября 1920 года. В этой, по существу, первой в советской печати рецензии на книгу Рида Н. К. Крупская писала: «На первый взгляд кажется странным, что история первых дней Октябрьской революции наиболее полно пока написана иностранцем... Но потом понимаешь, что это вполне естественно. Участникам борьбы было не до собирания документов, не до записывания фактов, их целиком захватила борьба, у них не хватало даже времени для сна, им было не до наблюдений. Наблюдал и описывал все виденное американец. Но этот американец был товарищем, коммунистом, смотрел на развертывающиеся исторические события не глазами равнодушного наблюдателя, а глазами страстного революционера, рисковавшего не раз своей жизнью для того, чтобы самому все видеть и как можно яснее понять смысл великой борьбы. И он понял, умом и сердцем понял, чем была Октябрьская революция...»

АРХИВ «ЛГ»

А. СТАРЦЕВ

Джон РИД: НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ

До конца еще не изученный, архив Джона Рида в рукописном отделе Гарвардского университета хранит много интересных материалов, связанных с жизнью и деятельностью автора «Десяти дней, которые потрясли мир». Это записные книжки, машинописные копии статей, конспекты выступлений, многочисленные письма и записки... В книге «Русские блокноты Джона Рида» доктор филологических наук А. Старцев в свое время привел многочисленные подлинные записи Рида, которые тот вел в Смольном в дни Октября и позже — в 1917—1918 и 1919—1920 гг. в Москве и Петрограде. Сегодня А. Старцев знакомит читателей с некоторыми из своих новых находок. И снова как живой встает перед нами Рид — очевидец революции, Рид-боец.

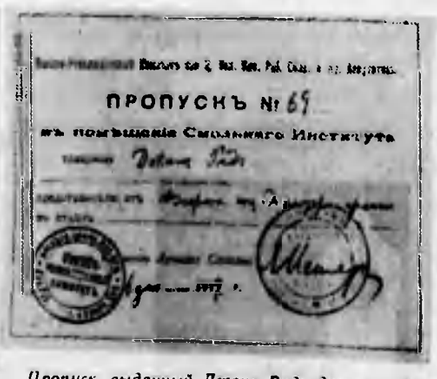
В НАРКОМИНДЕЛЕ

В конце 1917 года и в первые месяцы 1918-го, перед возвращением в США, Рид работал в Народном комиссариате иностранных дел. Он был сотрудником Бюро интернациональной революционной пропаганды, выпускавшего агитационную литературу на иностранных языках для распространения на действовавших еще фронтах империалистической войны. О своей работе в бюро Рид рассказал подробно в статье «Как советская Россия победила империалистическую Германскую империю». Но наблюдения Рида касаются не только его текущей работы. С насмешливым любопытством он вглядывается в развалины чопорнейшего из министерств бывшей Российской империи и с увлечением рассказывает о большевиках, пришедших в кабинеты высокопоставленных царских чиновников. Он активно участвует в повседневной жизни комиссариата. Известно, что в тревожные январские дни 1918 года Рид вместе с Бела Куном входил в вооруженную охрану Наркоминдела. Сейчас обнаружен неизвестный отрывок, посвященный этим событиям.

«4 января, за день до назначенного открытия Учредительного собрания, к нам в бюро явился швейцар с повесткой, в получении которой попросил расписаться. Извещение гласило: «В четыре часа в большом зале созывается митинг всех работников комиссариата иностранных дел. На повестке дня важный вопрос».

В зале, предназначенном для парадных приемов, под роскошными хрустальными люстрами и лепниной из купидонов, куда в прежние времена прибывали послы, где бывали сами монархи, мы собрались на наш митинг. Товарищ Маркин (Н. Г. Маркин — матрос-балтиец, работник Наркоминдела и хороший знакомый Рида. — А. С.) сообщил нам, что получены сведения о готовящейся этой ночью контрреволюционной вылазке. Заговорщики готовят убийства большевиков и попытаются захватить власть в Петрограде. Надо решить, что нам следует делать для охраны комиссариата иностранных дел». Дальше Рид говорит о записи добровольцев в вооруженный отряд. «Кто записан, пусть остается, остальные могут идти».

Лист, по которому мы цитируем, — машинопись с правкой Рида. На полях — карандашные записи, сделанные его же рукой, как видно, заметки для более подробного рассказа о митинге, имена. Среди имен: «Поливанов». Это, конечно, Е. Д. Поливанов, востоковед и выдающийся лингвист-теоретик, с первых же дней Октября предложивший свою помощь большевикам и возглавивший в Наркоминделе отдел сношений со странами Востока. О знакомстве Рида с Е. Д. Поливановым известно не было.



ПРОПУСКЪ № 69

въ помѣщеніе Смольнаго Института

Пропуск, выданный Джону Риду для прохода в Смольный в декабре 1917 г.

Джон Рид. 1919 г.

(Из архива Джона Рида. Публикуются впервые.)

КОНКУРС НА СОИСКАНИЕ ПРЕМИИ ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

Отделение литературы и языка Академии наук СССР сообщает, что в 1974 году будет проведен конкурс на соискание премии имени А. С. Пушкина Академии наук СССР.

Премия имени А. С. Пушкина в размере 2000 рублей присуждается президиумом Академии наук СССР за лучшие работы в области русского языка и литературы.

Работы на соискание премии имени А. С. Пушкина могут представляться научно-исследовательскими институтами, научными обществами, высшими учебными заведениями, научными учреждениями, академиками и членами-корреспондентами Академии наук СССР и академий наук союзных республик.

На соискание премии имени А. С. Пушкина представляются только изданные работы.

Выдвигаемые на конкурс работы представляются (в трех экземплярах) в отделение литературы и языка Академии наук СССР (121019 Москва, Волхонка, 18/2) — с надписью «На соискание премии имени А. С. Пушкина». При этом должны быть приложены: мотивированное представление, включающее научную характеристику работы и оценивающее ее значение; резюме в объеме не более 6 страниц машинописи; краткие сведения об авторе (место работы, занимаемая должность, домашний адрес) с перечнем его основных работ в области русского языка и литературы.

Срок представления работ — до 6 марта 1974 года.

ГОВОРЯТ ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

В день празднования 56-й годовщины Великого Октября было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР в области литературы, искусства и архитектуры 1973 года. Среди лауреатов — известные поэты Михаил Луконин, удостоенный премии за книгу стихов и поэм «Необходимость»; Наби Хазри — за книгу стихов и поэм «Море начинается с вершин» и новые стихи из книги «Стихи и поэмы»; доктор филологических наук профессор Алексей Иванович Метченко, удостоенный премии за книгу «Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы»; доктор филологических наук Виктор Осипович Перцов — за книгу «Маяковский. Жизнь и творчество».

Сегодня мы публикуем интервью корреспондентов «ЛГ» с новыми лауреатами Государственной премии СССР.

Михаил ЛУКОНИН

МЫСЛИ СЕРДЦА

О чем я думаю сейчас, в эти наполненные для меня особым смыслом дни?

Прежде всего, естественно, я испытываю чувство великой благодарности к своей партии, Советскому правительству, к своему щедрому и доброму народу. Я переживаю сейчас большой душевный подъем. Четверть века назад — по случайному совпадению это, как и в нынешний праздник, произошло также в Ленинграде — я узнал о присуждении мне Государственной премии СССР. Такую высокую награду я получал тогда впервые. И видится мне, что я вернулся в те годы, почувствовал себя молодым, глядишь, и начну писать молодо.

Вместе с тем сегодняшние дни — это дни вопросов к самому себе. И снова ко мне возвращается чувство того, что я опять наедине с чистым листом бумаги и что у меня ничего нет, потому что написанное — это уже не твое.

Книга «Необходимость» — это лирика, как я ее понимаю: мысли сердца. Как и всё, я писал эти стихи не торопясь, каждое из них — результат многих переживаний и размышлений о времени. Здесь — и Вьетнам, и Камбоджа. И моя родная Волга... Здесь — и моя любовь, и мои встречи с любимыми людьми.

Я счастлив при мысли, что написанное мной волнует других людей.

Я сказал, что пишу не торопясь. Не в том смысле, что пишу долго, — записать стихотворение не так уж и сложно, особенно если каждый раз не ставить перед собой художественной задачи. Я хочу сказать, что я не спешу ловить каждый «импульс» для написания. Моментов кажущейся поэтичности — хоть отбавляй. Я долго отбираю главное и концентрирую себя, прежде чем обмакнуть перо. Стихи я приберегаю как крайнее средство. На мой взгляд, каждое стихотворение должно быть событием прежде всего для самого поэта. Потом уж, может быть, оно станет событием и для других.

Я не утверждаю, что такое «ограничение» самого себя правильно для всех. Но у меня это так. Очень сейчас много импровизации, отягощающей книжные полки. Стихи — это не счастливые баловни вдохновения. Это насущная потребность, жизненная необходимость.

Что я делаю сейчас? Занят новыми стихами. Отдаю себе отчет в том, с какой ответственностью должен писать дальше. Трудно говорить подробно о еще незавершенной работе. Скажу только, что новая книга, которую я готовлю к изданию, будет называться «Вздох облегчения».

Есть у меня замысел большой вещи, посвященной Сталинградской битве. Мне хочется написать о рабочих, участвовавших в обороне города.

Собираюсь уехать на Волгу, на родину — всегда туда езжу, когда очень трудно и когда хорошо. На днях я прочел в «Правде» статью Я. Каганова «Как спасали Наташу», посвященную ученым Института имени А. Н. Бакулева, которые отмечены Государственной премией СССР. Группа медиков, возглавляемых профессором В. И. Бураковским, применив изобретенную ими барокамеру, сделала операцию на сердце двадцатилетней Наташе и спасла ее для жизни. Как это прекрасно, вдохновенно!

Поэзия — тоже служба крови, тоже служба сердца.

Думаю о поэзии, о ее долге перед людьми, перед Родиной, о высоком назначении поэта.

Наби ХАЗРИ

НА КРЫЛЬЯХ ПРИЗНАНИЯ

В день, когда я узнал радостную весть о присуждении мне Государственной премии СССР, перед моим мысленным взором встали лица друзей — нефтяников Каспия, строителей Сумгаита, хлопкоробов Мугани. Это они, труженики Советского Азербайджана, согрели меня, поэта, своим дыханием, одарили своими горячими сердцами и умелостью рук. И потому свою награду я воспринимаю как признание их труда, как признание исторических преобразований моей республики, умножаемых с каждым днем пятилетки.

Я воспринимаю свою награду и как награду азербайджанской советской литературе. Вспоминал я в этот счастливый день свою мать, ставшую героиней одной из моих поэм в книге, получившей награду. Эта простая неграмотная женщина с большим щедрым сердцем подарила мне огромное количество народных сказок и песен, подарила мне мой родной язык...

Признание — это доверие, а доверие обязывает. В этот день я почувствовал, что стою на незримом пороге между вчерашним днем и днем завтрашним. И вот, стоя на этом пороге, я беру с собой в завтра большую ответственность за свой труд. Ибо ответственность — это и есть прежде всего труд! Неутомимые поиски, бессонные ночи, честное служение своему народу и партии. Ибо если поэта в нашей стране уподобить орлу, то его крылья — это преданность и борьба. Преданность великим ленинским идеалам коммунизма, борьба за эти великие идеалы...

В этот день я почувствовал, как у меня вырастают крылья.

Виктор ПЕРЦОВ

РАДОСТЬ МОЯ ОГРОМНА

Едва ли нужно говорить о том, какое волнение я испытал, когда узнал, что моя монография о Маяковском отмечена Государственной премией СССР. Монография трехтомная, то есть длинная, скажу откровенно, чувствую по этому поводу неловкость перед читателем. Но что поделаешь, если материал творчества великого поэта революции огромен и значителен, и я сознаю, что не исчерпал его не только вглубь, но и вширь.

Я стремился показать развитие Маяковского не изолированно, а в его непосредственной связи с развитием всей советской поэзии, с работой поэтов «хороших и разных». Многое в Маяковском мне открылось по-новому, последнее издание моей монографии 1971—1972 гг. подводит итоги многолетних усилий «дойти до самой сути». И все же конца не видно.

Учителя русской литературы очень меня порадовали, сказав мне, что мои книги помогли им в работе. Не могу и не хочу скрывать, что иногда мне приходилось очень трудно в отстаивании своих взглядов на творческий путь Маяковского: при всей его монолитной цельности главное в нем было становление его как поэта народного, партийного. В свое время большую поддержку оказал мне в этих спорах незабвенный Александр Фадеев, и сейчас я счастлив, что мой скромный труд так высоко оценен.

Впереди еще много работы. Меня очень привлекают творческие индивидуальности наших художников... слова — в их разности и непохожести заключен драгоценный источник для решения общих теоретических и историко-литературных проблем. Михаил Пришвин, Сергей Есенин, Юрий Олеша — все они наши современники, каждый по-своему участвовал в открытии нового мира и утверждении его. Мне посчастливилось встречаться с ними, как и быть около Маяковского в начале моей литературной работы. Я вижу перед собой не только их книги, но и лица — это помогает в понимании особенностей их творчества. Я горжусь тем, что их художественное слово создано при нас, а будет жить всегда, как и наша великая русская классика.

Алексей МЕТЧЕНКО

ДУМАЯ О БУДУЩЕМ

Нет более высокого удовлетворения, чем то, какое дает признание полезности, необходимости сделанного тобой. Такое чувство вызвало у меня присуждение Государственной премии СССР за книгу «Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы».

Но ее успех я не могу приписать одному себе. Ведь основные ее положения нашли отражение в ряде моих статей, опубликованных и, следовательно, получивших поддержку в таких органах, как «Правда», «Коммунист», «Литературная газета», «Москва», «Октябрь», «Наш современник», и др. Положительная оценка книги критикой и читателями вызвана, по-моему, тем, что в ней, может быть, несколько более наглядно — в результате конкретно-исторического подхода, — чем в других, близких ей по характеру и не уступающих по качеству работах, сказано о том главном, что определяет подлинно новаторский характер советской литературы и обеспечило ей ведущую роль в мировом литературном процессе нашего века. В настоящее время в нашем литературоведении и критике есть немало глубоких, интересных работ, заслуживающих высокой оценки. Поощрение лучших из них явится важным стимулом подъема как литературоведения и критики, так и самой литературы.

Что касается моих творческих замыслов и планов, то большая их часть определяется тем, что я прежде всего профессор МГУ и поэтому должен готовить кадры будущих исследователей литературы, возглавлять работу по созданию вузовских программ и учебников, которая не столь заметна, как выступления в печати, но ее необходимость не приходится доказывать. Надеюсь, однако, что мне удастся выступать и в периодической печати, подготовить в ближайшее время книгу, которая будет в основном посвящена анализу и, если удастся, обобщению (а это сложнее) важнейших явлений современного этапа советской литературы.

Одно из них — место и роль литературы, ее различных родов и жанров в осуществлении научно-технической революции, учитывая коренное отличие последней в условиях социализма — ее гуманистический характер.

Увлекает также задача по возможности шире и глубже изучить участие литературы в возникновении и формировании новой исторической общности людей — советского народа, проследить, какую роль играли ее основные идейно-эстетические принципы (прежде всего принцип партийности, народности) и какое влияние осуществление этой миссии оказало на поиски новых художественных средств, стилевое многообразие.

При всем этом я остаюсь верен своей неизменной любви к Маяковскому. Изучением творчества этого великого поэта начиналась моя жизнь в науке. Переключение на другие темы открывало для меня в его творчестве новые аспекты. Надеюсь все это реализовать в новом издании книги «Маяковский. Очерк творчества».

ПЕЙЗАЖИ ПЯТИЛЕТКИ

Лебединский рудник

Линогравюра М. АХУНОВА

ЛИТЕРАТУРА — ЮНЫМ ЛЕНИНЦАМ

Традиционными стали созываемые в последние годы союзами писателей наших республик совместно с Советом по детской и юношеской литературе Союза писателей СССР совещания, посвященные актуальным проблемам литературы, адресованной юному поколению.

Большой форум детских и юношеских писателей всей страны состоялся два года назад в Дагестане. Затем центром обсуждения произведений, обращенных к нашим октябрятам, пионерам и комсомольцам, стал Кишинев. А несколько дней назад члены Совета по детской и юношеской литературе СП СССР отправились в Ташкент для участия в большом творческом разговоре о роли литературы в коммунистическом воспитании молодого поколения.

Совещание открыл заместитель председателя президиума Союза писателей Узбекистана Рахмат Файзи. От имени московских гостей с приветственным словом выступила М. Прилежаева. Проблемы развития детской и юношеской литературы Узбекистана подробно осветил в своем докладе доктор филологических наук С. Мамаджанов. В прениях по докладу и в работе совещания приняли участие заместитель председателя президиума СП Узбекистана Р. Бабаджан, директор издательства «Ёш гвардия» А. Вахабов, московские писатели Л. Воронкова, И. Токмакова, К. Икрамов и критики—кандидаты филологических наук И. Мотяшов и В. Лейбсон; прозаики, поэты и литературоведы Ташкента — Х. Назир, К. Мухаммади, П. Мумин, Х. Тухтабаев, Р. Фазилов, А. Голышев, А. Бендер, доктор филологических наук Х. Абдусаматов, кандидаты филологических наук П. Шермухамедов и А. Суюмов, а также ответственный секретарь Совета по узбекской литературе СП СССР К. Хакимов, переводчики И. Мазнин и Ю. Кушак, представители издательств «Детская литература», «Молодая гвардия», «Малыш» и другие.

Писатели выступили перед пионерами и школьниками Ташкента, Андижана, Чирчика и Самарканда, побывали в ЦК комсомола Узбекистана, в Республиканской детской библиотеке, в издательствах и школах.

Благотворный процесс взаимообогащения братских детских литератур был как бы проиллюстрирован таким фактом: главе московской делегации М. Прилежаевой на совещании была преподнесена верстка ее книги «Жизнь Ленина», переведенной на узбекский язык.

Т. СЕТУНСКАЯ,
ответственный секретарь Совета по детской и юношеской литературе СП СССР

ПРАЗДНИКИ ОСТАЮТСЯ В БУДНЯХ

Дни советской культуры в Болгарии!

Ежегодно в месяцы, когда опадает листва, мы ждем этих дней. Они превратились в развивающуюся традицию народной жизни, в необходимую составную часть будней и праздников Болгарии. Каждый раз что-то неожиданное и новое приобщает нас к художественным открытиям советских деятелей культуры.

В этом году праздники советской культуры в Болгарии проходят спустя лишь месяц после октябрьского пленума Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии, высоко оценившего итоги бесед Л. И. Брежнева и Тодора Живкова, состоявшихся во время недавнего визита Леонида Ильича в нашу страну, отметившего жизненную необходимость дальнейшего сближения СССР и Болгарии во всех областях современной жизни. И еще: Дни советской культуры проникнуты радостью обоих народов по поводу присвоения Леониду Ильичу Брежневу звания Героя Народной Республики Болгарии. Ибо каждый, кто знает историческую судьбу, нынешний день нашего народа, глубоко осознает высокий смысл этого государственного акта.

Что же принесли нам нынешние Дни советской культуры? Долгожданные встречи с замечательным искусством МХАТа, ленинградского балета, театра Образцова, вокальных коллективов и солистов... Они принесли с собой праздничную атмосферу в театры, художественные галереи, концертные залы...

Праздничные маршруты советского искусства пересекают вдоль и поперек территорию нашей страны. И это не только маршруты наших гостей, но и болгарских деятелей культуры, участвующих в театральных и оперных постановках советских автопов, исполняющих произведения советских композиторов, танцы и песни народов СССР.

У болгарских писателей в эти дни также свои «маршруты» дружбы. Они участвуют в торжествах в связи с открытием Декады советской книги и песни, выступают с докладами о советской литературе, проводят многочисленные теоретические и читательские конференции... Мне хочется упомянуть о встрече руководства Союза болгарских писателей с гостящей здесь делегацией писателей СССР.

Эти встречи — еще один шаг в той широкой программе дальнейшей культурной и творческой интеграции, которая развертывается сейчас и еще больше усилит связи между нашими обоими союзами.

И как хорошо, что, когда праздники советской культуры отшумят, могучий дух советского искусства останется в наших буднях.

Наташа МОНОЛОВА
СОФИЯ. (По телефону)

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

С. Д. КЛДИАШВИЛИ — 80 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по грузинской литературе и Совет по драматургии направили Сергею Давидовичу Клдиашвили приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас в день Вашего юбилея.

Еще в годы становления грузинской советской литературы Вы были среди тех ее самобытных и талантливых начинателей, кто сразу сумел разглядеть героев новой жизни. Правдиво, темпераментно и ярко отразили Вы в своих произведениях революционную действительность.

Верный реалистическим традициям грузинской классической прозы, и в частности Вашего отца Давида Клдиашвили, Вы и поныне плодотворно развиваете созвучные социалистическому реализму черты этих великих традиций.

Ваш роман «Пепелище», повесть «Маленькая жизнь», Ваши пьесы, замечательные новеллы и рассказы особо полюбились советскому читателю.

Радостно сознавать, что в свои восемьдесят лет Вы полны творческой энергии, молодого задора: каждый рассказ — откровение для читателей.

Дорогой Сергей Давидович! Желаем Вам долгой жизни, крепкого здоровья и новых творческих успехов».

Ю. Г. ЛАПТЕВУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Юрия Григорьевича Лаптева секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего семидесятилетия и почти полувековой Вашей литературно-творческой деятельности шлем Вам наши самые искренние поздравления и наилучшие пожелания.

Известный советский писатель, лауреат Государственной премии СССР, Вы многие годы отдали воспитанию молодых кадров советских литераторов и по сей день возглавляете Высшие литературные курсы Союза писателей СССР.

Желаем Вам многих лет многогранной общественно-педагогической деятельности, новых творческих успехов».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

А. А. СИЗОНЕНКО — 50 лет

Писателю Александру Александровичу Сизоненко секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили приветствие, в котором говорится:

«Горячо поздравляем Вас, известного украинского писателя, с пятидесятилетием со дня рождения.

За тридцать с лишним лет творческой деятельности Вы создали ряд талантливых книг очерков, рассказов, повестей и романов, посвященных трудовым и ратным подвигам советских людей. Проникновенно и тепло пишете Вы о социалистических преобразованиях в украинской деревне, о рабочих-кораблестроителях, о героях Великой Отечественной войны в романах «Корабелы», «Белые тучи», в повестях «Пауль. Петер. Моган...», «Зеелоевские высоты».

Творческую работу Вы постоянно сочетаете с активной общественной деятельностью в Союзе писателей Украины и на Киностудии имени А. П. Довженко.

Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ХРОНИКА

Постановлением ЦК КП Узбекистана и Совета Министров Узбекской ССР Государственные премии Узбекской ССР имени Хамзы 1973 года в области литературы присуждены Мухтарову Асраду (Асраду Мухтару) за роман «Чинара», критикам В. Закидову — за сборник статей «Созвездие великих», Г. Владимирову — за сборник статей «Великое единство», Л. Каюмову — за монографию «Хамза» и сборник «Современники».

■

ЦК ЛКСМ Узбекистана присудил премии комсомола Узбекистана Хамиду Алчижану (посмертно), творчество которого пронизано высокой гражданственностью, духом патриотизма и интернационализма, неиссякаемой любовью к молодежи.

Премии в области литературы также присуждены Г. Джураевой за книгу стихов «Хаяжон» («Волнение») и поэму «Надежда», Б. Байкабулову за поэму «Третье поколение», сборник «Сонеты», книгу стихотворений «Памятники говорят»; критику М. Гафурову за сборник статей «Горячее слово».

■

В связи с исполняющимся 13 мая 1974 года 100-летием со дня рождения выдающегося украинского писателя Марка Черемшины секретариат правления СП СССР принял решение о создании комиссии по проведению и подготовке юбилея.

В ее состав вошли: М. Н. Алексеев (председатель), В. П. Козаченко (заместитель), Р. А. Братунь, М. В. Горбачев, А. А. Жаров, М. Н. Зозуля, И. Ф. Карабутенко (ответственный секретарь), Н. В. Лесючевский, А. Н. Пузиков, В. М. Россельс, Ю. А. Саенко, Н. В. Семанюк, В. А. Смирнов, Б. А. Турганов, В. Д. Федоров.

■

В старинном нижегородском селе Болдино прошел традиционный поэтический праздник «Болдинская осень». Сюда приехали многочисленные гости из Москвы, Ленинграда, Саратова и Арзамаса. В районном Доме культуры звучали стихи А. С. Пушкина, исполнялись старинные романсы.

В Государственном музее А. С. Пушкина состоялось открытое научное заседание. С докладом «Болдинская осень» (некоторые наблюдения) выступил кандидат исторических наук Н. Эйдельман.

За 12 лет, минувших с момента создания музея, было проведено 158 открытых научных заседаний, свыше 700 Пушкинских чтений, литературных и музыкально-поэтических вечеров.

В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В минувшее воскресенье, 11 ноября, литературная общественность столицы проводила в последний путь выдающегося советского писателя и видного общественного деятеля Всеволода Анисимовича Кочетова.

...Конференц-зал правления Союза писателей СССР в траурном убранстве. В центре зала — гроб с телом покойного. На алых подушках — два ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Красной Звезды и медали... В зал вносят венки от правлений СП СССР, СП РСФСР, писателей Ленинграда и Москвы, от ЦК ВЛКСМ, Советских Вооруженных Сил.

Звучат траурные мелодии. Бесшумно сменяется почетный караул. У гроба покойного — родные и близкие, видные советские писатели, партийные работники, представители общественности столицы, делегация писателей Ленинграда.

— Ушел из жизни Всеволод Кочетов, наш товарищ по литературе и партии, — сказал, открывая траурный митинг, секретарь правления СП СССР, председатель правления СП РСФСР С. Михалков. — С именем Кочетова в нашей литературе тесно связана тема созидательного труда советских людей. Главный герой его произведений — героический рабочий класс нашей страны. Всеволод Кочетов, писатель-коммунист, не представлял себе литературного труда без активной общественной деятельности. Всеволод Анисимович Кочетов был секретарем правления Союза писателей РСФСР. Мы знали его и как руководителя Ленинградской писательской организации, и как главного редактора «Литературной газеты», и как главного редактора нашего старейшего журнала — «Октября», которому он посвятил последние двенадцать лет жизни.

На траурном митинге также выступили секретарь правления СП СССР, первый секретарь Московской писательской организации С. Наровчатов, секретарь правления СП РСФСР В. Федоров, от редакции журнала «Октябрь» — А. Первенцев, от ленинградских писателей — Е. Серебровская, от Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота — полковник С. Борзунов.

На Новодевичьем кладбище у гроба писателя выступили секретарь правления СП РСФСР А. Алексин, заместитель главного редактора журнала «Октябрь» П. Строков, И. Стаднюк, Ф. Чуев.

Н. Н. ПАНОВ

Умер на 71-м году жизни Николай Николаевич Панов, поэт и прозаик, пришедший в нашу литературу более полувека назад.

В 20-е годы, в пору становления новой, советской культуры, читатели узнали стихи молодого поэта Дира Туманного, соратника И. Сельвинского, В. Луговского, К. Зелинского, В. Инбер и других выдающихся литераторов, членов литературного центра конструктивистов, участников бурных литературных схваток того времени.

Увлеченный романтическими сюжетами, Николай Николаевич стал потом автором популярных среди юношества приключенческих книг, но подлинную известность и долгую читательскую любовь он обрел как певец героики Великой Отечественной войны.

С первых дней войны он на фронте, в рядах защитников Заполярья, в матросских газетах Северного флота, в боевых походах на Баренцевом море и в Ледовитом океане.

За участие в боевых действиях Северного флота и за активный литературный труд Николай Николаевич Панов отмечен многими правительственными наградами.

Мужественные моряки-северяне, яркие и сильные духом люди, стали героями его поэмы «Баренцево море», романов «Колокола громкого боя», «Море, корабль и ты» и особенно повести «Боцман с «Тумана», читаемой поколениями читателей разного возраста в нашей стране и за рубежом.

Море, флот, жизнь матросов и офицеров, верная служению Отечеству, — таковы главные темы плодотворного труда Николая Николаевича.

До конца жизни он не ослаблял связи с флотом, ходил в плавания, активно помогал молодым литераторам-морякам и своей общественной деятельностью участвовал в укреплении обороны страны.

Его лучшие книги останутся на вооружении нашего могучего морского флота как живой художественный памятник героям битвы за Родину.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР. СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СП РСФСР СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. КОМИССИИ ПО ВОЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛГ»

В предыдущем номере газеты было напечатано начало беседы критиков за «круглым столом» «ЛГ», посвященной молодым поэтам, выступившим со своими стихами в нынешнем году. Сегодня публикуется окончание записи этой беседы.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРВОГО ШАГА

Лирика «тихая» и «громкая» — а позиция?

П. ЗИРНИТИС. Когда читаешь строки, подобные стихам Юрия Кузнецова и Владимира Жилина, особенно понимаешь, как все-таки это надуманно: раскладывать поэзию по полочкам — это, мол, «тихая» лирика, а вот это — «громкая» публицистика. Есть у нас в Латвии молодой (ему 26 лет) поэт Л. Бриедис. Он пишет стихи, если можно так выразиться, психологического плана. Их тон негромок. То есть перед нами, как это стало сейчас модно говорить, типичная «тихая» лирика. И в то же время не побоюсь сказать, что давно уже у нас не было поэта с такой духовной гармонией, таким ненаигранным оптимизмом.

А как назвать жанр, в котором работают поэт Я. Рокпелнис или, скажем, И. Якайтис? «Тихой» лирикой? Но нельзя же не видеть, что их так называемая «тихая» лирика имеет довольно «громкое» общественное звучание.

В. КОЖИНОВ. Совершенно согласен. Определения лирики — «громкая» и «тихая» — более или менее уместны, когда речь идет о преобладающих тенденциях в поэзии. «Громкая», например, — это тенденция поэзии конца пятидесятых — начала шестидесятых годов, когда многие стихи сочинялись со специальным расчетом на чтение с эстрады. «Тихая» тенденция характеризует позднейший период развития поэзии.

Стихи нужно понимать не по характеру тона, а по тому, что они несут в себе. Кажется, все согласились с высокой оценкой и гражданственным истолкованием стихотворения Юрия Кузнецова (кстати, и другое его стихотворение в «Дне поэзии» превосходно). Но ведь эти стихи, по сути дела, приходится зачислить в разряд «тихих»: их не прочитаешь с полным напряжением голосовых связок.

Да и вообще, на мой взгляд, большинство из лучших стихотворений молодых поэтов, выступивших в текущем году, по внешним признакам следует отнести к «тихой» лирике — скажем, стихи Григория Кружкова «Детские рисунки», Юрия Никонычева «Памяти Рубцова», Александра Медведева «Соликамск». Но, называя их «тихими», что мы скажем об их существе?

Е. СИДОРОВ. Мне тоже думается, что пора кончать с модной терминологией. У каждого из нас в памяти есть «тихие» стихи, громко звучащие в душе.

Может быть, стоит поставить вопрос не о высоте лирического тона, а о пафосе молодой поэзии. Само появление словца «тихая» в применении к лирике стало возможным лишь на том этапе ее развития, когда сдержанность вышла вперед и потеснила открытый, пафосный темперамент. Стало быть, задача критики — разобраться в смысла происшедшего сдвига.

М. АРОЧКО. «Сдержанность» — вы говорите? А по-моему, чаще всего пустота. Посмотрите, как много сейчас у дебютантов стихов, авторы которых словно кокетничают своей наивностью: мило удивляются травке, листочку, бабочке и т. д. и т. п. Прямо какая-то лирическая перестраховка! Словно, если не будет в стихах этого удивления, их авторов перестанут считать поэтами!

Отсюда результат: обильная, густая «красивость», которая буквально захлестывает стихи молодых.

Говорят, что мощный взлет волны этой «тихой» лирики возник как реакция на риторическую крикливость, которая якобы была свойственна поэтам предшествующего поколения. Говорят, что «тихая» лирика — это отход от звучных и не подкрепленных поэтическим чувством деклараций. Так ли это?

Посмотрите: декларации становятся бедствием и этой «тихой» лирики. Голословная риторика и умиленная тихость могут, оказывается, преспокойно уживаться в пределах одного стихотворения. Послушайте, например, Диомида Костюрина:

Я шагаю
Размашисто
Сквозь версты
И годы...
О себе опасений
Нисколько
В душе моей нет
Провожают березы меня,
Провожают меня,
Провожают.
Оглянусь —
А рябины
Все машут
И машут мне вслед

Это из второго номера «Молодой гвардии».

В таком духе можно продолжать до бесконечности еще, скажем, несколько раз повторить слово «провожают». И еще несколько раз сказать «машут». Такая уж эта поэзия...

Кстати, та же картина и в «тихой» лирике наших белорусских дебютантов. Вот пример из минского «Дня поэзии»: «Развеселая картина: пес угрюм и ярок, охмелевшая рябина не скрывает ягод» (Л. Гончарова). Куда уж как «развеселая»!

«Чтоб разглядеть в машинный век»

И. РОСТОВЦЕВА. Мысль М. Арочко мне кажется верной. Действительно, большинство «тихих» стихов, казалось бы, выражающих лирическое чувство, переживание, настроение, рассудочны и заданны, декларативны. Это происходит, на мой взгляд, потому, что именно в «тихой» лирике поэт считает возможным больше чем где-либо освободить себя от личного опыта. Он надеется, что сам жанр дает ему на это такое право и такие льготные преимущества. То есть он как бы заранее соблюдает некие правила игры.

Здесь много говорили о стихах Евгения Глушакова в «Молодой гвардии». Но он напечатал еще одну подборку — в «Юности»: стихи о природе. Причем подборка в «Юности» совершенно не похожа на «молодогвардейскую». Но и в «Юности» стихи Е. Глушакова — это скольжение по поверхности, бегство от себя, от своей биографии, от своего опыта. Природа не открывает перед ним своих тайн. Недаром Глушаков и сам признается: «Все труднее брать на веру освещенный снегом сад», или: «Деревья оказались выше, чем я себе представить мог». Здесь умерщвлено живое чувство, а значит, и поэзия.

Ал. МИХАЙЛОВ. Но и в «Молодой гвардии» Глушаков — не совсем «чистый» эпик. Есть там у него и лирические стихи. Так сказать, с живым чувством.

«Ледоход», например. О том, как бегут к реке, «заслышав ледоход», старшеклассники и как «увязалась» за ними учительница. Она «живет без мужа». Так вот — речь об этой учительнице:

Смеется, большеротая,
и машет,
И, вскинув руки выше
каланчи,
Одна иукует на
пустынном пляже,
И ловит золотистые лучи.

Нахальный ветер
тянется к подолу.
И лезет обниматься
старый вяз...

Видите, какая игривость, и передана она средствами «тихой» лирики, как их понимает стихотворец: ветер тянется к подолу, вяз обниматься лезет. Все это своеобразная «тихая» экспрессия.

А что же дальше? Зачем написано это стихотворение?

А вот зачем:

Учительница, вот
окончим школу —
Мы целым классом
женимся на вас.

«Целым классом»! Как говорится, ничего себе, утешил!

И. РОСТОВЦЕВА. И все-таки это скорее — материал для пародистов. Только пародию, видимо, следует писать не на одного конкретного стихотворца, а на явление в целом.

В четвертом номере «Юности» напечатаны стихи Ольги Чугай, варьирующие бесконечно знакомый мотив: «Что знаю я о лесе, о реке, о птице, пролетевшей вдалеке...»

Автор, кажется, и сам понимает, что этот мотив изрядно поднадоел, и пытается исправить положение, вводя в свои стихи космический образ планеты. Но стихи по-прежнему упрямо движутся в русле банальнейших образцов, откровенных штампов:

В ноябре, когда в природе
Замирает все движенье
И планеты примерзают
К веслам старой
плоскодонки.
В ноябре, когда лишь ветер
Одиноко рыщет в кронах
И каналы с фонарями
Уплывают в небеса,
Только холод, только холод.
Провожает нас с тобою,
Только ломкий шорох
веток,
Да буксиров голоса.

В таком контексте можно, как верно сказал М. Арочко, продолжать до бесконечности маневрировать декларациями типа «только холод, только холод провожает нас с тобою».

М. ЧИМПОЙ. Между прочим, стихи Ольги Чугай, которые цитировала Инна Ростовцева, напомнили мне строки из стихотворения молдавской поэтессы Людмилы Собецкой (привожу подстрочник):

И кажется, что вечность
Сбрасывает мантию
(одежду) с себя.
Чтобы все увидели
Жажду, пыль и скуку.

Верно, похоже? Похоже тем же ощущением смутного получувствования, отсутствием по-настоящему важного душевного повода для стихотворения.

И. РОСТОВЦЕВА. Не могу не обратить внимания на такие стихи Николая Карпова в «Дне поэзии»:

Не надо даже быть поэтом
Чтоб разглядеть
в машинный век
Каким глубоким синим
светом
Сияет сумеречный снег.
Увидеть гнутые колонны
Деревьев, рвущихся в полет
И как прохожий отдаленный
В морозном воздухе плывет

Я думаю, что именно надо быть поэтом даже в наш «машинный век», чтобы разглядеть синий цвет сумеречного снега, чтобы синий цвет действительно был синим, а деревья чтобы рвались в полет, а «прохожий отдаленный» чтобы действительно плыл в морозном воздухе!

Если же нет поэтического видения мира и к тому же ответственности за сказанное слово, то тогда появляются откровения вроде тех, что позволил себе Алексей Дидуров в «Юности»:

Пройду влюбленным,
бледным, невесомым
От розового холода дрожа,
Где кормят голубей
за так бессонных,
Бессонные за деньги
сторожа.
Пройду с блаженной ромеи
страстотерпца,
Перед которым
отступает тьма.
Когда незнакомно
любит сердце
В недолгое отсутствие ума...

Грустно, согласитесь, читать такое.

А среди начинающих есть люди талантливые. Мне запомнились стихи Валентина Лукьянова в третьем номере «Смены». По-моему, это очень своеобразный поэт, который умеет пейзажем выразить глубину человеческого переживания. Запомнилось стихотворение Владимира Жилина «Утраченные деревья» в «Дне поэзии». Как весомо дерево в этих стихах: оно — символ неповторимого мира детства, из которого каждый человек выходит по-своему и в который нас возвращает только память...

В лучших стихах молодых поэтов природа становится мощным эмоциональным усилителем, она приводит в действие память, опыт человека, дает возможность сказать о прекрасном и яростном мире, его окружающем.

Эти стихи уже сегодня дают нам не отраженное, искусственное, а подлинное представление о характере непростой связи человека и природы в наш «машинный век». И потому неубедительным выглядит, на мой взгляд, такой прогноз Н. Карпова:

И тем печальнее сознанье,
Что нашим внукам суждено
Увидеть снежное сиянье
На вернисажах и в кино...

М. ИЛЬНИЦКИЙ. Этот мрачный мотив весьма распространен. Вот и другой дебютант «Дня поэзии» — Игорь Иванов призывает задержать поток информации, чтобы услышать, «как над снегом чуть веет ветер низовой».

Валентин Моляко, молодой украинский поэт, переиначивает в своих стихах знаменитые слова Гамлета. «Человек или машина? — говорит у Моляко Гамлет. — Вот в чем вопрос». Но ведь сумеет ли человек услышать «ветер низовой», зависит не от машины. Прежде всего от самого человека, от того, как воспринимает он природу и не становится ли сам машиной.

«Теперь и люди даже гуляли по Луне и петь о ней, как прежде, уже не стоит мне!» — заявляет в первом номере «Юности» Гулрухсор Сафиева. Как прежде, конечно, нельзя. Но вовсе не потому, что человек побывал на Луне и она перестала притягивать к себе воображение поэтов.

В этой связи вспоминаются слова Джона Китса о том, что после того, как Ньютон разложил радугу, она попросту стала цветовым спектром. Ну и что же? Потеряла ли после этого радуга свою привлекательность для поэтов? Перестала ли быть источником вдохновения? Нет, конечно.

«Когда прилетают журавли, мы не замечаем самолетов», — пишет молодой поэт Борис Корниенко. Да, это так. Но из этого совсем не следует, что мы готовы отказаться от самолетов.

Лучшие стихи дебютантов доказывают, что современный молодой поэт обладает новым видением природы — природы, облагороженной человеческим трудом.

И такая «тихая» лирика, разумеется, имеет общественную значимость. В подобных стихах присутствует то высокое чувство, которое мы с вами называем чувством гражданственности. Вот строки Геннадия Лысенко: «Листва осенняя редела, как список роты на войне...» (первый номер «Юности»).

Но не могу не согласиться и с М. Арочко: детское умиление иных поэтов березкой, цветочком серьезно подрывает доверие к «тихой» лирике, к некоторым — и тоже довольно распространенным — ее образцам. Так что благодушествовать не приходится.

М. АРОЧКО. Вообще странно, что поэтические упражнения-безделки так часто сегодня переносятся на лоно природы. Нейтральная тема? Но ведь природа для каждого, кто умеет слушать ее дыхание, понимать ее потребности, давно перестала быть нейтральной полосой. Она предъявила человечеству бесчисленное множество актуальнейших проблем. Иначе говоря, извечная тема — человек и природа — является не только, как сказала Инна Ростовцева, мощным эмоциональным усилителем. Эта тема переносится из плоскости интимных натурфилософских осмыслений в сферу гражданской обеспокоенности. Смешно было бы подвергать сомнению гражданскую обеспокоенность за судьбу наших рек, лесов — за то, обобщенно говоря, зеленое дерево, которое уже сейчас ассоциируется с древом жизни. Такая «тихая» лирика действительно наполнена общественным содержанием, она как бы эпична.

Л. КАЮМОВ. Именно эпична. Слово найдено точное. Вот к какому жанру следует отнести лучшие образцы так называемой «тихой» лирики нынешних дебютантов. Эти, например, строки из стихотворения Владимира Жилина «Салют победы»:

И он схватил и
бросил круто
мальчонку ровного, меня,
ракетой в синий сад
салюта,
в цветные заросли огня.
Могло лишь Дерево Победы
подобной кроной обладать!

Вот он — эпический пейзаж, запечатлевший активную, страстную, гражданскую позицию поэта!

Нахватанность пророчеств не сулит...

Е. СИДОРОВ. И вместе с тем, как сказал М. Ильницкий: не стоит благодушествовать. Не стоит делать вид, что у нынешних дебютантов все хорошо, все благополучно.

Есть точный критерий актуальности литературы. Представим себе, какое впечатление о нашем времени из стихов сегодняшних дебютантов вынесут люди будущего.

Что они узнают? Что Гамлет сейчас не озабочен вопросом «быть или не быть?», а занят выяснением дилеммы «человек или машина»? Что в наше время шлак научно-технического прогресса пугает многих людей, ибо он способен поколебать нравственные ценности?

Удовлетворит ли все это будущих читателей? Мне кажется, что нет. Ибо в конечном счете такие проблемы одинаково актуальны для любой формации, где НТР стала реальностью. Всегда люди будут беспокоиться о том, не вытеснят ли новые достижения науки и техники нравственное, духовное содержание мира и человека.

Не знаю, как вам, а мне «сплошное» чтение некоторых подборок молодых поэтов — подряд, стихотворение за стихотворением — показалось делом нелегким. Удручает похожесть стихов друг на друга. Речь не о В. Жилине или Ю. Кузнецове — наиболее талантливых из нынешних дебютантов. Речь о других.

Что прежде всего бросается в глаза? Высокое владение техникой стиха. Читаешь, скажем, Диомида Костюрина или Михаила Синельникова — и не веришь порой, что строки написаны молодым поэтом. Настолько крепка их фактура. Хорошо ли это? Хорошо только в том случае, если строки запечатлели неповторимые движения души.

П. ЗИРНИТИС. Знаете, я даже проделывал такой опыт: закрывал фамилии дебютантов и читал стихи, как сказал Е. Сидоров, подряд, одно за другим. Действительно, иной раз складывалось впечатление такое, будто все это написано чуть ли не одним человеком...

Е. СИДОРОВ. В том-то и дело, что в нашей молодой поэзии образовалось явление, которое я бы назвал анонимностью. Попробуйте спутать Твардовского со Смеляковым или с Мартыновым. Возьмите Кедрина, Винокурова или Межирова. Да что там — возьмите ближайших предшественников нынешних дебютантов — Соколов, Рождественский, Евтушенко. Спутаешь одного с другим? Никогда! А сейчас...

Л. АННИНСКИЙ. А сейчас порой получается вот что:

Альма-матер, лицей,
вечерка!
Спят в архиве мои грехи.

Это кто?

Голоса. Вознесенский.

Л. АННИНСКИЙ. Каков единодушие! А это кто?

Не забуду прощального
танца.
Все куда-то
плывет странно...
И печальный завхоз
Наранцев,
и учительница
иностранного...

Евтушенко, правда?

Голоса. Возможно.

Л. АННИНСКИЙ. А это —

Не знать любви,
не знать печали,
своей не чувствовать вины,
лишь брызги эти бы
звучали,
как слезы
в горле тишины.

Тут уж и сомнения никакого нет: Ахмадулина!

А теперь скажу, что это не Вознесенский, не Евтушенко и не Ахмадулина, а молодой поэт Николай Зиновьев. Цитаты — из него.

Вернее, никакой это не Зиновьев. То есть написал-то все это, конечно, он. Но написал не свое.

Сознательно? Не думаю. В этом нет сознательной установки на предшественников. В этом другое: удивительная способность к перемимчивости, которая и в самом деле отличает сегодняшних дебютантов. Так что это на у одного Зиновьева. Зиновьев как раз один из самых одаренных. Но у них вообще, я сказал бы, тонкие, «страдательные» души и хороший слух на музыку, в том числе и на чужую музыку.

Е. СИДОРОВ. Вот-вот... Перед нами чаще всего некое стихотворение-синтез.

Вот Владимир Леванский в «Дне поэзии»:

Шародейство —
живое слово.
Раскатились краски-шары.
Чародейство икон Рублева
или радуги детворы.

Молодой стихотворец вынес в эпиграф слова Даля о том, что шародейство — это живопись. Но не проще ли было честно признаться, что совсем не Даль побудил Леванского написать стихотворение, а Вознесенский?

М. ИЛЬНИЦКИЙ. Между прочим, обратили ли вы внимание на то, что многие стихи молодых обильно уснащены малопонятными архаизмами или такими местными словечками, которые вряд ли могут стать нормой литературного языка?

Или взять фольклорную символику. Не нее сейчас мода. Я внимательно слежу за стихами молодых поэтов из Буковины и Гуцульщины. Их поэзия базируется на принципах народного изобразительного искусства. Что говорить, есть там и удачные стихи. Но это не те, что написаны ради орнаментальной статичности, ради броских цветовых сочетаний типа «охристых вихрей верб», «пеньев серебряных троп», «синих пастелей хат» и т. п. Впрочем, такая нарочитая цветистость встречается и у молодых русских поэтов...

«Чужое вмиг почувствовать своим...»

Ал. МИХАЙЛОВ. Разговор здесь идет о многонациональной нашей поэзии и, мне кажется, было бы уместным коснуться вопросов ее перевода. Не так ли?

М. ИЛЬНИЦКИЙ. У меня как раз заготовлен пример на этот случай. Послушайте, скажем, эти строки:

Такая в душе
молодая весна,
И алый рассвет негасим.
Усталости дай мне,
работа, сполна,
И Днепр мой, и небо
над ним...

А теперь признайтесь: можно ли порадоваться за украинского поэта Владимира Затулывитера, что он в таком виде предстал перед всесоюзным читателем? Ведь это почти абракадабра — эти строки про «негасим» (краткое прилагательное, что ли?), алый рассвет в душе и про Днепр, который почему-то должна дать поэту работа.

Кто переводчик? Его имя уже здесь называлось — Игорь Ляпин.

Вот и получается, что молодой поэт еще собственные-то чувства выражает крайне неумело и неряшливо, а уже берется продемонстрировать нам умение, как сказал Фет, «чужое вмиг почувствовать своим...» — умение заставить зазвучать на своем языке иноязычные строчки.

Ал. МИХАЙЛОВ. Недавно приемная комиссия Московской писательской организации рассматривала вопрос о приеме одного молодого поэта, который, помимо оригинальных стихов, представил и свои переводы. Боже ты мой, с каких только языков он не переводит — от испанского до чеченского! Надо ли говорить, что такие переводы ничего не скажут русскому читателю об индивидуальности иноязычных поэтов. Не могут сказать!

В. КОЖИНОВ. Подобные «переводчики» удручают. Ведь те вещи, о которых говорит Ал. Михайлов, и переводами-то назвать нельзя. Это скорее информация о том, что написал поэт, обозначение того, что он намеревался сказать.

П. ЗИРНИТИС. Именно — чаще всего информация. Можно ли, например, переводить свободный стих ямбом и хореем, как переводят иногда латышских поэтов? Ведь так искажается представление даже о природе стихотворения. И потом — откуда у переводчиков такое недоверие к свободному стиху?

Ал. МИХАЙЛОВ. Только ли у переводчиков? В. Друзин в восьмом номере «Октября» вообще свободный стих относит чуть ли не по ведомству декадентства.

Он уже во второй раз выступил со статьей, в которой предлагает методологически несостоятельную схему развития современной поэзии. Первое его выступление было подвергнуто критике в нескольких органах печати. Однако В. Друзин вновь предлагает нам деление советских поэтов на три категории: реалистов, «незыблемо» следующих традициям, декадентов и «незаконченных» и «несамоопределившихся» декадентов. К последней категории, кстати, он относит и молодого поэта Н. Зиновьева, о котором шла речь в нашей дискуссии.

В. Друзин проделал такую операцию: взял стихи Владимира Бурича и лишил их специфической разбивки на строки и строфы, процитировал, как прозу. Разумеется, стихи немедленно лишились своего особого звучания. Ведь в свободном стихе графика имеет большое значение. Дать же такое стихотворение «в подбор» — значит лишить его характерной интонации, поэтического своеобразия.

П. ЗИРНИТИС. Вот и переводить свободный стих рифмованным ямбом или хореем — такое же равнодушие к поэтической индивидуальности.

М. ИЛЬНИЦКИЙ. Совершенно справедливо. Думаю, что такие переводы делаются холодными руками, без должного интереса к переводимому поэту.

М. АРОЧКО. Не могу не высказать по адресу молодежных журналов, о которых мы сегодня говорим, вот какого упрека — недостаточно внимательно следят они за поэтической порослью в республиках. Да что говорить, когда до сих пор практически не переведены на русский язык стихи нашего известного поэта Василя Витки, лауреата Государственной премии БССР имени Янки Купалы. Я уже не говорю о таких поэтах, как А. Гречаников, Я. Сипаков, Ю. Свирко. Ведь они много моложе В. Витки!

М. ЧИМПОЙ. Я тоже могу назвать несколько имен, которые заслуживают внимания центральных молодежных журналов: Иоан Дебижа, Нина Жосу, Леонида Лари, Юлиан Филипп.

В связи с этим хочу отметить с радостью, что Виктор Боков и Лариса Васильева обратили внимание на нашу способную поэтессу Марчелу Беня.

Вот, между прочим, идеальный случай! Старшие, уже известные литераторы вводят в многонациональную нашу поэзию молодого поэта, представляют его читателю. Это как форма традиционного напутствия, когда человек, имеющий право пожелать начинающему доброго пути, желает его публично, приглашая и читателя порадоваться вместе с ним, старшим поэтом, за младшего.

Художник, воспитай ученика...

В. КОЖИНОВ. Но при этом старшим поэтам следовало бы воздерживаться от излишне щедрых авансов, которые они подчас выдают молодым.

Я уже говорил о том, что стихи Григория Кружкова «Детские рисунки» показались мне интересными. И все же как-то неловко было прочитать во вступительной заметке Арсения Тарковского к подборке Кружкова такие слова: «Верьте мне, это будет хороший поэт». Для меня бесспорно, что для становления поэта одного только таланта недостаточно. Поэт — это прежде всего особенная человеческая судьба, которую не создашь искусственно. И я бы уж на месте Тарковского сказал так: верьте мне, он может стать (а не «будет») хорошим поэтом.

И. РОСТОВЦЕВА. Но это, конечно, не значит, что вообще не нужны представления молодых и напутствия мастера слова. Вот Б. Слуцкий представил читателям «Дня поэзии» Владимира Жилина и читателям «Смены» — Валентина Лукьянова...

Ал. МИХАЙЛОВ. Да, представил. Предисловие к стихам Жилина начинается так: «Хорошо, когда поэт приходит в поэзию поздно. Хорошо для читателя. Он избавлен от ученичества, от экспериментов, от черновиков, притворяющихся беловиками».

Но представьте себе, если бы, следуя этому, мы бы познакомились только с поздним Блоком, с поздним Маяковским, с поздним Есениным. Насколько мы стали бы беднее!

Нет, каждый поэт начинает по-разному, и определять заранее границы начала, обобщать, распространять индивидуальный опыт на всех — неплодотворно.

И. РОСТОВЦЕВА. Но в целом предисловия и к стихам Жилина, и к стихам Лукьянова отвечают своей цели. Мы все-таки запомнили тех поэтов, которых представил Слуцкий, и будем теперь следить за ними, ждать новых встреч.

Другое дело, что таких открытий действительно мало. Гораздо чаще встречаешь подобные том, что вызвали здесь справедливую критику.

Вот в «Молодой гвардии» поэт Геннадий Серебряков представляет Татьяну Шеханову. Сначала он сообщает читателю ее биографические данные, а потом пишет: «Вполне закономерно, что ей не хватает еще жизненного опыта. Но это придет с годами».

Стоит ли ориентировать поэта на то, что опыт — как приданое, которое надо бездумно наживать? Ведь за плечами у Шехановой уже есть детство, юность, книги, которые сформировали ее внутренний мир, отношение к жизни. А если всего этого нет, тогда и вовсе не стоило браться за перо!

И вот что еще настораживает в предисловии Серебрякова. Он говорит, что Шеханова умеет смотреть на мир «светло и солнечно».

Мне кажется, что это убийственный комплимент. Потому что смотреть «светло и солнечно» — слишком мало, чтобы быть поэтом, который как раз должен уметь видеть всю диалектическую сложность мира. Сама же Шеханова и подтверждает, что смотреть на мир «светло и солнечно» — значит чувствовать безлико, примитивно. Поэтесса предлагает нам яснять темные очки» и взглянуть на мир «сквозь капели, сквозь яблоки, что переспели...», «сквозь росистый рай, и сквозь дождинки на ресницах...» И добавляет: «Ведь вам такое не приснится — здесь брызжут краски через край». Вот именно — «брызжут» штампы!

П. ЗИРНИТИС. Но Татьяна Шеханова хотя бы действительно молодая поэтесса. И как бы мы ни ругали иные представления, они все-таки относятся к дебютантам. А бывает, как говорится, совсем наоборот...

Ал. МИХАЙЛОВ. Что вы имеете в виду?

П. ЗИРНИТИС. Журнал «Смена», который печатал подборки поэтов разных республик под рубрикой «Всесоюзный фестиваль советской молодежи». «ЛГ» уже опубликовала реплику Арчила Сулакаури, который рассказывал, каких именно «молодых» грузинских поэтов умудрилась «открыть» «Смена» — известного мастера стиха Шота Нишниадзе, главного редактора журнала «Цискари» Джансуга Чарквиани, у которого 18 (!) поэтических сборников... «Открытия» «Смены» в латышской поэзии тоже не менее удивительны: Имант Зиедонис, Марис Чаклайс — эти поэты давно известны не только латышскому, но и русскому читателю.

Я готов понять «Смену» — с «апробированными» именами хлопот, конечно, меньше, чем с новыми. Но только зачем вводить в заблуждение читателя, не честнее ли было снять эту рубрику — «Всесоюзный фестиваль советской молодежи», — раз молодежь здесь оказалась ни при чем!

И. РОСТОВЦЕВА. И вот еще о чем хотелось бы сказать. Не слишком ли много в последнее время мы встречаем подборок стихов и не слишком ли мало поэтов и поэзии? Прав Виктор Шкловский, когда пишет в «Дне поэзии», рекомендуя стихи Владимира Леванского: «Трудно вводить молодого поэта в книги и в сборники. Всегда кажется, что поэтов много. Но это неверно — их не хватает. И стихов не хватает».

Ясно что Шкловский имеет в виду настоящую поэзию. Поэтому ввести молодого поэта в литературу — значит взять на себя огромную ответственность.

Ал. МИХАЙЛОВ. Но мне кажется, что все выступившие здесь это сознают. Мы имели дело со стихами начинающих поэтов. Кого-то хвалили, кого-то критиковали. Но при этом, конечно, не претендовали на какую-то окончательность оценки. Поэты только начинают свой путь, и все для них только начинается, а какими они станут — это прежде всего зависит от них самих.

Беседу
за «круглым столом»
записали
И. РИШИНА и К. ГУСАРОВ

Подписывайтесь на журнал

«ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ»

На страницах «Вопросов литературы» освещаются актуальные проблемы литературного развития — социалистический реализм в мировом литературном процессе, образ героя современности, политика и искусство, научно-техническая революция и искусство и др. Журнал широко информирует читателя о новых эстетических концепциях у нас и за рубежом.

Большое место журнал уделяет освещению современной советской литературы. С первых номеров будущего года начинается дискуссия на тему «Современная поэзия: проблемы, перспективы, поиски — истинные и мнимые»; будут рассмотрены, в частности, поэма «Василий Буслаев» С. Наровчатова, сборник Е. Евтушенко «Поющая дамба», новые стихи В. Соколова и А. Кушнера. Состоится также обсуждение произведений мемуарного жанра: воспоминаний писателей и о писателях, рассказов о своей жизни видных военачальников, дипломатов, общественных деятелей. Журнал напечатает статьи об историко-революционных романах.

«Вопросы литературы» регулярно помещают материалы, посвященные зарубежной литературе. В портфеле редакции — статьи о литературном развитии в социалистических странах, о так называемой «массовой культуре» в буржуазном обществе, о творчестве Джеймса Олдриджа, Франсуа Мориана, Робера Мерля, Курта Воннегута, Ясунари Кавабаты и др.

«Вопросы литературы» систематически ведут специальный раздел «В творческой мастерской». В этом разделе будут опубликованы статьи и интервью Г. Марнова, И. Авижюса, Ю. Бондарева, С. Сартакова, В. Шукшина, М. Карима, В. Быкова, Ф. Абрамова, П. Проскурина, А. Нурпеисова и др.

В разделе «Публикации. Сообщения. Воспоминания» печатаются материалы архивов, рассказывается о поисках и находках исследователей. Под этой рубрикой в журнале появятся рецензии А. Серафимовича, заметки А. Твардовского, воспоминания А. Белого, переписка М. Исаковского с И. Рыленковым, письма И. Эренбурга, М. Зощенко и др.

Журнал продолжит публикацию статей, посвященных современному прочтению классики, работ критиков — революционных демократов; борьба с реакционными эстетическими и историко-литературными концепциями в литературе XIX — начала XX века — одна из задач этого раздела.

Подписная цена на год 7 руб. 20 коп.

В розничную продажу журнал поступает в ограниченном количестве.

Р. ТРОФИМОВ

ПОРОХОВОЙ ДЫМ ИСТОРИИ

Давно ли из печати вышла сначала на латышском, а затем на русском языке капитальная «История латышских стрелков», а попробуйте-ка сегодня найти этот нарядный увесистый том хотя бы у букиниста! Он стал почти что библиографической редкостью.

Историко-революционная тема в латышской советской литературе — это не только дань героическому прошлому народа, не только история. Книги эти современны и актуальны. И здесь нет ничего парадоксального. Чем более обостряется борьба двух идеологий, тем чаще объектом идейных диверсий империалистов и их прихвостней, реакционной латышской эмиграции, становится дружба советских народов. Стремясь посеять заново ядовитые семена национализма, они берут на вооружение прежде всего те исторические фальсификации, которыми весьма серьезно и кропотливо занималась латышская буржуазия за двадцать лет своего господства.

И сейчас на Западе латышская эмиграция создает «воспоминания» и «исторические исследования», продолжающие эту фальсификацию, клевещущие на красных стрелков и их руководителей. Поэтому каждая новая книга писателя или историка на эту тему становится действенным оружием в непрекращающейся идеологической борьбе. Об этом еще раз свидетельствуют две книги, вышедшие почти одновременно. «Первый главком» — труд историков Валдиса Берзиньша и Яниса Руберта — рассказывает о жизни и деятельности замечательного полководца гражданской войны, первого главнокомандующего Вооруженными Силами Советской республики Иоакима Вацетиса. Уже в предисловии авторы упоминают о книге эмигранта У. Германиса, где искажен облик верного сына латышского народа и советского патриота, сделана попытка изобразить его... носителем узко националистических идей. Труд латышских советских историков убедительно опровергает домыслы Германиса. Опираясь на многочисленные документы, авторы показывают подробно путь батрацкого сына (интересно, что эмигранты пытаются поставить под сомнение даже классовое происхождение И. Вацетиса!) к вершинам военной науки, а потом доказательно объясняют, почему закончивший академию Генштаба полковник русской армии перешел на сторону восставшего народа, на сторону своих стрелков и стал красным полководцем.

Вторая книга — русский перевод романа Алберта Яксонса «На войну уходил я». Сопоставление их наглядно убеждает, как в борьбе с фальсификаторами истории рука об руку идут историк и литератор, как они дополняют друг друга: один — действуя беспощадной логикой факта и документа, другой — воплощая свой исторический изыск в эмоциональную, художественную форму.

Писатель в своем романе показывает, как происходило пробуждение сознания латышских стрелков в самый ранний период их истории — вскоре после того, как добровольцами или насильно мобилизованными влились они в организованные национальной буржуазией латышские батальоны. На полях кровавой империалистической бойни они дорогой ценой обрели понимание того, что сражаются не за освобождение своей родины, а за утверждение чуждых им интересов. Алберт Яксонс рисует и стихийное пробуждение их сознания, и планомерную работу большевистских агитаторов — представителей организованного латвийского пролетариата. Если этот же процесс В. Берзиньш и Я. Руберт раскрывают строго документированным языком науки, Алберт Яксонс изображает его «изнутри», развертывая перед нами пеструю панораму жизни стрелков в военных лагерях и на фронте. Разными путями приходит к одной, ленинской правде и мечтательный увалень, крестьянский сын Артур Спруде, поверивший поначалу в призывы гласных Государственной думы Голдманиса и Залитиса, и юркий, плутоватый горожанин Роберт Силис, и несущий в сердце пламя пожаров 1905 года Эйнис Мяжсат, и направленный партией в ряды стрелков агитатор по кличке Чумазый Лохмач.

«Об этом клочке земли на левом берегу Даугавы, за который зацепились русские войска, говорили как о сущем пекле. Немец, не переставая, обрушивал на него огонь и железо. Тот, кто побывал там и выдержал все это, — настоящий солдат, его ничем уже не удивишь. Итак, настал и их черед пройти через это чистилище». Так Алберт Яксонс приводит своих героев-стрелков на Иншильское предмостное укрепление, так называемый «Остров смерти», а потом заставляет пройти еще одно страшное испытание — рождественские бои 1916 года. «Остров смерти» и рождественские бои — о них написаны сотни страниц в буржуазной Латвии. Взахлеб реакционные писаки умилялись готовностью, с которой «серые герои» отдали свои жизни. Три четверти личного состава двух латышских бригад, участвовавших в боях, — такую цену заплатил латышский народ за сговор националистов с царизмом об этих бессмысленных кровавых боях. Именно здесь началось прозрение. Как стрелки, так и лучшая часть офицерства, люди, подобные Иоакиму Вацетису, не хотели больше рисковать своей жизнью, жизнью товарищей за чуждые народу интересы. Хотя герои романа Алберта Яксонса — вымышленные персонажи, но в образе полковника Вагулиса четко распознаются черты его прототипа — Вацетиса, так же как и в портрете его антипода — полковника Гинтера узнаем одного из предателей латышского народа, реакционного офицера Гоппера.

Полемическая, боевая направленность объединяет книги писателя и историка. Недаром, отказавшись от введения в роман подлинных исторических личностей, Алберт Яксонс вплетает в художественную ткань романа подлинные документы — главным образом разоблачительные, разбивающие лживые стереотипы, созданные буржуазной литературой и историографией. Таковы отрывки из ура-патриотических творений реакционных поэтов Скалбе и Акуратера. Таков приторный приказ царского генерала Радко-Дмитриева, подводящий итог рождественских боев, таков призыв тогда еще неизвестного никому валкского агронома Карлиса Ульманиса к сельским хозяевам Лифляндии выращивать телят, призыв, который комментируется стрелком Межсетом «Людей убивают, телят растят. Нужно мясо, не слишком жирное. Пушки тоже не любят слишком жирное, и жирное не любит пушек. Зато кости только хрустят, когда на зубы пушкам попадаются тощие. Пушки тощими только и кормятся».

И Алберт Яксонс разоблачает «заговор жирных». С сарказмом рисует закулисные сделки коммерсанта Прикулиса и реакционного офицерства, для которых и рабское служение царю, и служение «национальной идее» определяется лишь материальной выгодой. Неспроста в своих фальсификациях буржуазные историки переход полковника Вацетиса на сторону народа объясняли... сугубо личными мотивами. Как говорится, с больной головы на здоровую...

Вот так в своих книгах и историки, и писатель, каждый используя свой инструмент исследования действительности, приводят читателя к одному выводу: сама жизнь, сама логика событий, классовое чувство одетых в шинели рабочих и крестьян Латвии привели их под ленинское знамя, заставили повернуть в правоту и силу большевистских идей. Болтая же о каких-то «внешних влияниях», националисты сами постоянно предавали свой народ то одним, то другим своим хозяевам: то царизму, то немецкому империализму, то своим собственным толстосумам — «серым баронам».

Если говорить о состоянии историко-революционного романа в латышской советской литературе, то его можно кратко определить словами «возмужание жанра», проявившееся прежде всего в том, что этот роман умело восстанавливает историческую правду об узловых моментах жизни народа, идет в первых рядах борьбы против старых и новых буржуазных фальсификаторов истории. Три последних, наиболее крупных по своему значению в литературе произведения объединены этой боевитостью и полемичностью: Алберт Бэл в романе «Голос зовущего» обращается к событиям 1905 года, представить которые в ложном свете особенно старались и стараются посейчас в эмиграции латышские меньшевики; Алберт Яксонс впервые в советской литературе обращается к глубокому показу предыстории латышских красных стрелков, а ЯнисНиедре в трилогии о Петре Стучке художественными средствами широко и разносторонне воссоздает историю Советской Латвии 1919 года. Итак, воинствующий историзм — первый признак возмужания. Второй же заключается, как это ни странно звучит, в освобождении от влияния своего союзника — исторической науки. Разумеется, это сказалось не в утере верности историческим фактам, а во все более уверенном использовании средств, присущих самой литературе. От слегка беллетризованных исторических исследований у самых истоков жанра, потребовавших даже специальных терминологических оговорок, вроде «документальная повесть», «публицистический роман», на мой взгляд, вполне закономерно историко-революционный латышский роман движется к большей глубине, философичности, психологичности. И в этом смысле весьма интересные новые пути намечает роман Алберта Бэла «Голос зовущего» — очень своеобразное произведение, ждущее внимательного анализа и разбора.

История дала латышскому писателю неисчерпаемый, благодарнейший материал для воспитания грядущих поколений на великолепных примерах верности интернациональному долгу, самоотверженного служения народу, стойкости и непоколебимости духа.

«...Знаю: революция еще не седа...» — восклицал когда-то Маяковский. Октябрю уже пятьдесят шесть, но книги о революции по-прежнему пахнут не сладковатой желтой пыльцой архивов, а пороховым дымом. Не потому только, что в них пишется о сражениях, а потому, что они сами на передовой линии огня.

РИГА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

В. Я. КИРПОТИНУ — 75 лет

В связи с 75-летием со дня рождения Валерия Яковлевича Кирпотина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского литературоведа и критика, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора филологических наук, с Вашим знаменательным юбилеем — 75-летием со дня рождения.

Вся Ваша сознательная жизнь отдана служению Коммунистической партии, в рядах которой Вы состоите с ноября 1918 года. Боец коммунистического батальона, редактор красноармейских газет, Вы штыком и пером защищали в годы гражданской войны завоевания Республики Советов.

Вот уже свыше полувека деятельно участвуете Вы в становлении и развитии социалистической культуры. Оглядываясь на пройденный Вами большой и славный жизненный путь, мы отмечаем широту и разносторонность Ваших общественных, творческих, научных интересов.

Яркие страницы Вашей биографии связаны с напряженной организаторской работой по сплочению писательских сил, с подготовкой и проведением Первого съезда советских писателей, когда Вам довелось работать под руководством А. М. Горького.

Вы зарекомендовали себя как видный критик-публицист, прекрасный знаток русской классической литературы, истории общественного движения России. С конца 20-х годов до наших дней Вами написано несколько десятков фундаментальных научных исследований, свыше двухсот статей, посвященных как истории русской и советской литератур, так и актуальным проблемам современного художественного развития. Глубокое владение марксистско-ленинской методологией, широта эрудиции, незаурядное мастерство литератора и критика — все эти качества в полной мере характеризуют Вашу плодотворную работу в советском литературоведении и критике. Серьезный вклад в литературную науку внесли Ваши труды, посвященные творчеству Белинского, Чернышевского, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Достоевского. Нам особенно приятно отметить, что и сегодня Вы являетесь деятельным и активным участником литературной жизни, что новые Ваши книги встречают живой и горячий отклик у литературной общественности.

Заслуживает высокой оценки Ваша большая целеустремленная, неутомимая педагогическая деятельность. Являясь руководителем кафедры истории русской литературы Литературного института имени А. М. Горького, Вы отдаете много сил, знаний, энергии воспитанию молодых писателей.

Примите в этот знаменательный для Вас день наши самые горячие поздравления, пожелания доброго здоровья, больших жизненных и творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

Первая книга В. Я. Кирпотина «Радикальный разночинец Д. И. Писарев» в течение нескольких лет вышла тремя изданиями. Она явилась в те времена (конец 20-х — начало 30-х годов) некоторым событием. Философия и социология смело вторгались в литературную науку и помогали многие явления классического наследия увидеть как бы заново, в свежих ракурсах, крупно и масштабно. Философ и социолог по образованию, В. Кирпотин обогащал литературоведение острой аналитической мыслью, стремлением соотносить явления искусства с большими проблемами марксистско-ленинской теории, философии. Его книга о Писареве сегодня уже в значительной мере устарела — по материалу, по формулировкам, но для своего времени, повторяю, она явилась открытием, ибо демонстрировала во многом новый подход к анализу наследия выдающегося критика.

Следующим увлечением В. Кирпотина стал Пушкин. Он написал о нем две книги, одна из которых — «Наследие Пушкина и коммунизм» обозначила определенную веху в развитии советского пушкиноведения. Впервые наследие гениального поэта предстало в широчайших связях с умонастроением народа, с идеологией своего времени и философией нашей эпохи.

После литературного дебюта В. Кирпотина прошло немного лет, а уж его имя стоит в ряду видных советских литераторов. Он занимает пост секретаря оргкомитета Союза писателей, почетным председателем которого был Горький, на Первом съезде советских писателей выступает одним из докладчиков. В 1936 году президиум Академии наук СССР присвоил В. Кирпотину докторскую степень без защиты диссертации — «за выдающиеся работы в области литературоведения и истории общественной мысли». Это была примечательная формулировка. История литературы в книгах и статьях В. Кирпотина предстает не сама по себе, но в неразрывной связи с развитием общественной мысли. И это открывало новые возможности для исследования литературного процесса и собственно художественного материала.

Закономерен был интерес В. Кирпотина к наследию Щедрина. Широко известна его монография об этом писателе. А его книга «Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина» (1957) — единственное в своем роде исследование об этом предмете.

Интересы В. Кирпотина сосредоточены на самых острых и сложных перекрестках нашей литературной науки. В 40-х годах он стал заниматься Достоевским. Была задумана серия исследований о писателе, которые в своей совокупности должны были составить единую и целостную монографию. Ныне грандиозный замысел близок к завершению. Уже вышло шесть книг, в работе — седьмая. Это сегодня, пожалуй, самый монументальный труд о Достоевском, труд, в котором глубоко осмысливаются все разнообразные грани художественного и публицистического наследия писателя — его философия и политические взгляды, эстетика и композиционное искусство его романов, их стиль и языковое мастерство. Словом, перед нами почти весь мир Достоевского со всеми присущими ему сложными противоречиями, зигзагами, взлетами и издержками.

Более двух десятков книг, несколько сот статей, посвященных самым различным проблемам классического наследия и советской литературы, — с таким «грузом» встречает свое 75-летие В. Я. Кирпотин. Встречает в хорошей трудовой форме, полный новых замыслов и тоски по ненаписанным еще книгам. Пожелаем же нашему юбиляру здоровья и крепости духа, чтобы осуществить все свои замыслы.

С. МАШИНСКИЙ

Д. Ф. МАРКОВУ — 60 лет

Дмитрий Федорович Марков принадлежит к тем видным ученым и организаторам нашей науки, которых отличают не только эрудиция, знание предмета, но и умение сопоставлять, сравнивать, определять главные направления. Для советского литературоведения главные направления связаны с теоретической разработкой эстетических принципов социалистического реализма и историко-сопоставительным изучением литератур, определением характера взаимодействия и взаимовлияния наших национальных литератур, мирового художественного опыта.

Книга Д. Ф. Маркова «Генезис социалистического реализма. Из опыта южнославянских и западнославянских литератур» вызвала к себе самый пристальный интерес прежде всего широтой и новизной подхода, умением охватить единым взглядом подчас весьма сложные явления современного литературного развития.

Д. Ф. Марков не стремится обойти или подогнать под схему трудные для объяснения случаи, он пытается их понять, теоретически обосновать, показать, как по-разному в разных странах, но всякий раз плодотворно происходили становление и развитие искусства социалистического реализма.

Книга его способствовала творческому обсуждению сложных и нерешенных вопросов, свидетельствовала о подлинно творческом подходе к проблемам социалистического реализма.

Но у Д. Ф. Маркова есть еще одна «любовь», если можно так сказать о деятельности ученого. Она связана с многолетними его разысканиями в области болгарской литературы. Его исследования по истории болгарской поэзии, современной болгарской прозы пронизаны духом интернационализма, глубоким пониманием национального своеобразия.

Присуждение Д. Ф. Маркову Димитровской премии было выражением признательности ученому со стороны общественности и правительства Народной Республики Болгарии за его многолетнюю творческую деятельность.

Член-корреспондент АН СССР Д. Ф. Марков является крупным организатором науки, директором Института славяноведения и балканистики АН СССР. Но тем не менее он много сил отдает и педагогической работе, воспитанию научных кадров.

В течение многих лет Д. Ф. Марков — профессор Академии общественных наук при ЦК КПСС. Кафедра теории литературы и литературной критики на каждом шагу чувствует его дружескую помощь и поддержку.

И в эти дни во многих странах социалистического содружества многочисленные ученики Дмитрия Федоровича вспомнят его добрым словом, поблагодарят его за те знания, которые он дал, за ту помощь, которую он оказал им в определении и становлении их научных интересов.

...Все никак не могу «поймать» юбилейную ноту. Потому что привык видеть, слышать Д. Ф. Маркова на научных конференциях, на международных форумах и обсуждениях. Только в сентябре — октябре этого года он выступал с докладом по актуальным проблемам социалистического реализма на международном конгрессе славистов в Польше, на конференции по социалистическому реализму в Чехословакии, на международной конференции «Развитие и интернациональное сотрудничество социалистических стран». Вижу его на кафедре работающим, спорящим, но в роли юбиляра, принимающего поздравления, никак не могу увидеть. Боюсь, что он будет принимать поздравления с иронически-застенчивой улыбкой человека, который думает не о том, что он сделал, а о том, что еще надо сделать. Что ж, дорогой Дмитрий Федорович, может, в этом и есть истинное счастье! Знать, сознавать, что еще многое сумеешь сделать.

Л. ЯКИМЕНКО

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

АНФАС И В ПРОФИЛЬ

ДРУЖЕСКИЕ ШАРЖИ Н. ЛИСОГОРСКОГО

Даниил ГРАНИН

Юлия ДРУНИНА

Алим КЕШОКОВ

Егор ИСАЕВ

Н. КААДО

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«...ИЗ ЖИЗНИ ЖЕНЩИНЫ»

Неустроенные женские судьбы — вечная тема литературы. Сколько произведений, больших и малых, прекрасных и... плохих вызвала тревога писателей за судьбы женщин! И если писатель сумел глубоко проникнуть в женский характер, открывая его своеобразие, а за частной историей видел время, такие произведения становились значительными, всегда новыми...

Передо мной три рассказа этого года о судьбах женщин.

Михаил Панин в рассказе «Чем сердце успокоится» (журнал «Звезда», № 8, 1973) сразу обнаруживает пружину рассказа:

«Лет тридцать назад Маша, в ту пору крепкая, смешливая, но рассудительная и работящая деваха, твердо решила про себя, что выйдет замуж только за лейтенанта, ...и лейтенант этот, Машин будущий муж, заберет ее с собой из Чулковки на Дальний Восток». Мотивы подобного решения Маши, определившие, как увидим дальше, всю ее жизнь, не исследуются подробно. Просто «Маша с трудом узнала в пышной, нарядной даме с чистым, белым лицом и белыми руками свою бывшую подругу», уехавшую из колхоза и сообщившую ей, что «там» пропасть неженатых лейтенантов. И Маша просит: «Возьми мою карточку на всякий случай, может, понравлюсь какому».

Но... заветное приглашение не приходило, а в рязанское село Чулковку лейтенанты почему-то не заезжали, годы шли. Ушли на фронт и отвергнутые Машей женихи-нелейтенанты... Но, плотничая, валя лес («в колхозе Маша была на все руки»), она своей мечты держалась твердо: ждала только лейтенанта. И в ожидании не только скопила приданое, деньги, но и сшила предполагаемому лейтенанту «гору мужских сорочек», купила «костюм шевиотовый, бобриковое пальто и полуботинки сорок второго, самого ходового размера»...

И вот он пришел! Возвратившийся из заключения дезертир Григорий Рудь выдал себя за лейтенанта, и Маша не только приняла его сразу, но и уехала с ним из деревни. И вот... «через неделю она пришла в деревню пешком, простоволосая, в изорванном ватнике с чужого плеча, голодная, с зияющей пустотой на месте передних зубов».

В чем же беда этого рассказа, только скользнувшего по поверхности существенной проблемы, затронувшего трудную судьбу Маши? Беда в том, что время в рассказе идет — огромные события потрясают мир, — а Маша все та же. Кроме мечты о лейтенанте, автор не открыл в ней ничего. Статика героини сводит на нет замысел рассказа. В ее истории не отражается судьба женщин, «не востребованных» из-за войны, из-за того, что в деревнях не задерживаются парни. Нет, причина — в ней, в убогости ее мечты. В убогости, скудости ее духовного мира. Ведь и в финале, когда обманутая Маша живет при школе уборщицей, мечта ее о лейтенанте не иссякла, не вытоптана расплатой за доверчивость. Если «кто-нибудь из бывших учеников, став военным, приходит в школу, первой ему навстречу бежит Маша. Она обнимет, расцелует новоиспеченного офицера, заохает, запричитает... Люблю военных!»

И в финале не драма — примирение. Видно, не случайно рассказ назван «Чем сердце успокоится». Остается анекдот, анекдот о странной судьбе, ибо высмеяны сама Маша, ее мечта. Схема сообщена, а не объяснена. Нет ни характера, ни судьбы. Анекдот не стал рассказом.

Героиня «Рассказа без названия» Сергея Воронина (журнал «Звезда», № 7) уже немолода.

Однако хоть ее взрослый сын Иван «думал, что у матери уже кончено с ее шальными веснами, перегорело и она остепенилась, но вот снова весна, и Райка-почтальонша, как ее звали в поселке, не идет, а летит, и улыбка на все стороны, и глаза сверкают так, что ни за что не дашь ей пятьдесят, и мужики невольно оглядываются на нее». Да и не только оглядываются... И автор подробно описывает, как возникали у Райки близкие отношения с разными людьми и рождались один за другим дети...

Рая не искала никакой корысти от своих случайных сожителей. Ни у кого ничего не просила, никого не упрекала, не стыдила, и детей всех записывала на себя...

Отняла у нее война мужа, отца Ивана. Другого не нашла. Не похоронила себя, но и не сохранила.

Кажется, этим и мог быть исчерпан рассказ. И вызвать только сочувствие к судьбе героини, потому что Рая каждый раз переживала разрыв, и если потом забывала, то лишь потому, что сильно было стремление к человеческому теплу, пониманию, любви...

Но Сергей Воронин не торопится на этом закончить рассказ. Вновь возникает забытый на время повествователь, первенец Раи—Иван. Он помогал матери воспитывать всех появлявшихся нежданно братьев и сестер. Но когда подрос и захотел жениться, Рая испугалась — ведь младшей исполнилось только три года: «Да ты что, сынок!.. Обождать надо».

И Иван обождал. И потом оглянулся на себя: «...ему всего тридцать два, а хуже старика — ничего в душе нету... Да, спасибо, маманя, хорошенькую вы жизнь мне уготовили... Разлетелись — каждый свою жизнь устраивает и не спросят: «А как ты, Иван? Хорошо ли тебе?»

И легкость, с которой Рая перекладывает заботы о своих детях на Ивана, оборачивается женским, материнским эгоизмом. И к ней по праву обращает Иван, а вслед за ним и писатель слова упрека. Сложные взаимоотношения человека и общества открывает автор, полный сочувствия к Рае, но не прощающий и ей ничего. Так утверждается неправедность жизни Раи, неправедность личного счастья, если оно а ущерб другим...

Рассказ Валентина Катаева «Фиалка» (журнал «Новый мир», № 8) написан совсем о другой судьбе и через эту судьбу отображает существенное в нашей жизни, истории.

Иван Николаевич Новоселов, старый, больной, близкий к смерти человек, едет в пансионат для престарелых, чтобы попросить прощения перед смертью у оставленной им много лет назад жены. Он болен, еле держится на ногах, «вид его возбуждал жалость, даже некоторую брезгливость».

Но Екатерина Герасимовна, его бывшая жена, не хочет видеть Новоселова. Жестокость характера? Не угасшая с годами обида брошенной женщины? Вроде бы так. Потому санитарки, некоторые соседки по пансионату осуждают ее непримиримость, призывают к проявлению гуманности...

Но Катаев меряет человека не по шкале поступков, а всей его жизнью, тем, как герой ее прожил и зачем. Осмысление прошедшего с позиций настоящего — вот то новое, что вошло в творчество Валентина Катаева в его последних книгах.

Итак, итог этого рассказа — покаяние Ивана Николаевича. Но в чем? Он кается жене, что плохо с ней поступил, готов признаться даже, что, кажется, наклеветал на нее... И это последнее, что могло бы послужить основой фабулы, решающим разоблачением, не интересует ни писателя, ни... Екатерину Герасимовну.

Екатерина Герасимовна вспоминает совсем иное. Она, разумеется, тоже вспоминает историю их взаимоотношений. Вспоминает безжалостно не только по отношению к нему, но и к себе. Как же получилось, что она тогда им увлеклась? Как не распознала в этом парне с «многозначительным взглядом красивых крестьянских глаз с холодной поволокой из-под золотых колосистых бровей» расчетливого приспособленца? В чем же была ее ошибка? Он, этот крестьянский сын, «как нельзя больше соответствовал ее, быть может, несколько народническому, представлению о простом человеке, которому революция открыла дорогу к знанию». И в том, что он, в котором она видела «человека будущего», подвел ее, оказался беспринципным карьеристом, — главная измена. Измена Новоселова сотворенному ею идеалу. И в этом — главная обида. Простить эту измену — измену идеалу — она теперь, вспоминая прошлое, не может. Ведь «Ленин еще в самом начале революции неоднократно предупреждал, что партии, ставшей у власти, партии государственной, нужно всячески опасаться примазавшихся». А Новоселов был именно примазавшийся...

Вот что вспоминала Екатерина Герасимовна: их разделили взгляды, конфликт был идейный, хотя тогда она сама это еще не до конца понимала... Разные, зачастую противоположные позиции занимали они в отдельные моменты жизни общества.

И потому теперь, когда он взывает: «Катя, это я... Видишь, что со мной сделала жизнь?.. Прости меня, Катя. Ведь Христос велел прощать своих врагов», — у нее нет к нему сочувствия. Катаев очень тонко определяет ее состояние — нет, не лишая ее жалости человеческой, свойственной всем людям, но объясняя ее холодность к этому, когда-то столь близкому человеку, равнодушием к судьбе врага. «Да, врага. Но не ее личного, а врага того святого дела, которому отдала она всю свою жизнь».

Екатерина Герасимовна тогда не понимала, какую «личность» она вырастила. Но в том, что она сегодня непримирима к осознанному, оцененному прошлому и к себе, той, давней, — в этом ее величие как личности. И заслуга писателя, открывшего через судьбу этой женщины часть истории нашего общества.

Жизнь персонажей катаевского рассказа аналитически исследована, а не просто пересказана (как у Панина). Их история мудро осмысливается как поучительный опыт.

И главное в современной жизни героини — это понимание, что ее бывший муж — враг. И не лично ей, как она думала раньше, в ее делу и, значит, лично ей. И вот личный, вроде бы семейный конфликт рассказа приобретает идейный характер. И драматичность судьбы брошенной мужем женщины оборачивается самоутверждением личности: Екатерина Герасимовна прожила жизнь плодотворно, целеустремленно и гордо, и сейчас в пансионате старых большевиков она счастлива тем, что по-прежнему нужна людям.

Валентин Катаев нашел необычайно точный образ для своей героини — фиалка! Этот цветок не растет на клумбе, он пробивается к солнцу, свету, преодолевая непогоду. И вдруг читаю: «Несколько лыжников в ярких свитерах прошли наискось через поле, блестя алюминиевыми палками, и за ними, все удлиняясь, по ослепительному снегу тянулась лыжня фиалкового цвета». Я не удержался и подчеркнул здесь этот фиалковый цвет! Ибо в нем писатель как бы продлевает жизнь героини, утверждает современность ее позиции, продолжение ее личности в новом поколении...

И, надо признаться, осуществляет эту мысль во всей силе и красоте присущей ему изобразительности.

Так, может быть, все дело в том, какова личность женщины? Не только. В первых двух рассказах несчастная судьба женщин определяется особенностями их характера и лишь элементарно соотносится с жизнью общества, чем вроде бы и объясняется. Но жизнь общества — вне исследования, лишь общие, знакомые всем вехи. У Катаева через личность жизнь общества постигается в ее конкретности. Екатерина Герасимовна не живет изолированно, замкнуто в себе, в своих интересах (как Маша, Рая). Нет, ее жизнь вся — и в счастье, и в горе, даже в выборе спутника — являет общность с временем. Соответственно фигуре героини по-своему значителен и Новоселов. Но как величина отрицательная. Подобный потребитель, приспособленец — тоже часть общества. И из истории его не вычеркнешь. В наших силах только вычеркнуть его из нашего настоящего и будущего.

Все три рассказанные истории драматичны. Но может ли быть серьезной драма при столь малых требованиях к жизни, как у Маши, Раи? Нет! Сходные события вызывают разную глубину переживания. Горе доступно каждому. А драма? Тем более трагедия? Лишь содержательная, духовно богатая личность способна на подлинную драму, ибо это — проявление духа.

И может ли возникнуть у читателя сопереживание драме, если не исследованы психология героинь, их взгляды, их переживания?.. Драма без психологии? Стремление объяснить все несчастья случайностями встреч, «судьбой» вызывает и некоторые упрощения встающих перед героинями первых двух рассказов зол.

Так, может быть, повторю, все дело в том, какова личность женщины? Не только. Думается, главное в том, что хочет открыть писатель в этих несчастных женских судьбах, какие общественные закономерности или аномалии. А если писатель только сообщает еще об одной несчастной судьбе, не помогая понять причины, соотношение судьбы человека и общества, то такое произведение остается в пределах информации.

ЯЗЫК И ВРЕМЯ

Статья Н. Фонякова «Садись, Машенька, пятерка!» («ЛГ», № 43, 1973), в которой были затронуты различные аспекты школьного, вузовского преподавания русского языка, а также проблемы жизни слова в более широком плане, вызвала большой читательский интерес. Публикуя сегодня первые отклики, редакция предполагает продолжить обсуждение ее в ближайших номерах.

Сергей ЗАЛЫГИН

О «КУЛЬТУРЕ ВЫВЕСОК» И УРОКАХ СТИЛИСТИКИ

ДАВАЙТЕ ставить вопросы без обиняков: на ком в первую очередь лежит ответственность за обучение учащихся? Говоря на языке недавнего прошлого — на учащих, то есть на учителях.

Почему же они не справляются до конца со своими обязанностями? Потому, видимо, что им не позволяют этого условия их работы, уровень собственной подготовки.

Вот и давайте обсуждать: как учить русскому языку в школе? Давайте говорить о пединститутах — как сделать, чтобы и там был конкурс по меньшей мере такой же, как при поступлении в медицинские институты?

Давайте говорить непосредственно о предмете, который нас действительно волнует: о грамотности выпускников школ.

Но искать прямо ли, косвенно ли ответы на этот вопрос в художественной литературе и как бы даже возлагать ответственность за безграмотность учащихся на писателей, тем более на писателей конкретных, то есть пусть с оговорками, с эквивоками, а все-таки указывая на них пальцем, — нет, это не дело!

При этом у автора персонификация выборочная: вот Фоняков пишет, что ему известен «...доподлинный случай, когда маститый столичный литератор... получив от читателя письмо с замечаниями по языку, ничтоже сумняшеся переслал его своему редактору!..» И тут манера вполне конкретная — маститый, столичный, но не более того. А вот Астафьев написал: «Сколки звезд светились беспокойно и мерзло...», «Хлопались железно плащ-палатки под ветром...». Так это написал уже не кто-то там, а именно Астафьев, именно он вызывает этим гнев и возмущение Фонякова: «Честное слово, так и написано! Не «хлопали», а именно «хлопались» (словно в обморок падали!), и не «словно железные», а «железно», будто заимствовано это словечко из современного уличного лексикона!».

Но я не знаю, кто больше склонен к уличному лексикону — тот ли, кто употребляет слово «железно» в качестве наречия в контексте, или тот, кто моментально усматривает в этом все тот же пресловутый уличный лексикон, да еще и бьет себя при этом в грудь: «Честное слово!»?

Не могу понять и того, как это может прийти в голову, что слово «хлопались» вызывает представление о том, будто кто-то падает в обморок.

Я прочитываю эти фразы и следую за их автором и вижу в них совсем не то, что видит Н. Фоняков. Может быть, я не вправе навязывать это свое видение другим, это так, но почему же с такой категоричностью навязывает свое невидение автор полемических заметок? И если с той завидной старательностью изыскивать смысл и значение каждого слова, противоположные тому, с которым их употребил автор, можно ведь свести на нет многих писателей. Планомо стилистическое совершенство. Но одно дело — отсутствие совершенства, а другое — «уличный лексикон».

Если даже допустить здесь какую-то неудачу, изъян, то и тогда изъян изъяну рознь. В одном случае он возникает в процессе творчества и словотворчества, сегодня это не более чем «сколки звезд» или «хлопались железно», а завтра на этом пути автор может найти (и находит!) нечто прекрасное — новое и неожиданное слово, фразу, выражение. Другое дело — неудача, присущая гладописи, неудача концелярско-выхолощенного стиля, вот уж она-то вполне бесперспективна, из нее-то наверняка не возникнет ничего и никогда.

Пример можно найти в той же статье: «Снижается культура деловой переписки, уличных вывесок и объявлений». Уж не такому ли языку призывает Фоняков учиться Астафьева и Носова?!

И если выбирать, так я, конечно, «сколки звезд» и «хлопались железно» предпочту «культуре уличных вывесок и объявлений». Больше того, я думаю, что «культура вывесок» — это хуже, а главное опаснее, чем те худшие примеры школьных сочинений, которые Фоняков приводит.

Опаснее, потому что в сочинении ошибка явная, ее можно подчеркнуть красным карандашом и поставить за нее двойку. Фразу же о культуре уличных вывесок не подчеркнешь. Она формально неуязвима — она и опасна своей неуязвимостью, ничем не ограниченными возможностями своей эволюции и внедрения в русский язык. И сегодня это «культура вывесок», а завтра — «культура бубликов и детской обуви», «культура мужских брюк шестидесятого размера».

Не понимаю такого отношения к слову. Если это самоцвет в кавычках, подельный, так нечего о нем и говорить. Если же подлинный, тогда какое значение имеет его происхождение — столичный он, «областнический» или районный? Им надо уметь дорожить — и все... И почему лишь опыт собственной жизни в «современном городе» принимается Фоняковым в расчет?

Ведь тот же город Суздаль именно в наше время государство реставрировало и взяло под свою охрану. Не ради же того, чтобы люди там могли подивиться, умилиться, а если уж проникнуться, так только в кавычках: «проникнуться»? Вот так, ратуя за культуру и грамотность, Н. Фоняков преподносит ряд сомнительных сюрпризов.

И вот отношение автора статьи к слову вполне логически завершилось таким же отношением к проблеме, о которой он говорит, — к проблеме грамотности. Поэтому он и не находит союзников в своих призывах, поэтому безграмотны оказались у него буквально все: ученики — безграмотны, учителя — безграмотны, «культура деловой переписки, уличных вывесок и объявлений» час от часу снижается, маститый столичный литератор сваливает вину за свою безграмотность на редактора, а от редактора толку мало. И персонально указанные Фоняковым писатели, которых многие и многие почитают за взыскательных стилистов, тоже подвергаются им туда же. Разумеется, ни Астафьев, ни Носов не нуждаются в индульгенциях. Я вовсе не являюсь сторонником идеи, что о хороших писателях следует писать только хорошие (в смысле хвалебные) статьи. Нет ничего опаснее, чем этакая «критическая неприкосновенность». Но и критика Фонякова тоже не критика.

Конечно, все мы обеспокоены проблемой грамотности школьников, и о правомерности такой статьи не может быть и речи. Однако же сама проблема и необходимость ее постановки — это одно, а вот то, что мы не совсем точно называем «раскладкой сил», «за» и «против», — это другое.

Спросите любого учителя литературы: кто из его учеников пишет наиболее грамотно? — и он ответит: кто больше других читает.

Значит, художественная литература — помощник учителя и его союзник, и естественно ожидать от писателя разговора об этом союзе, хотя бы упоминания о нем.

Илья Фоняков не останавливается на этом союзе, а разрушает его тем, что превыше всего ставит свои собственные, субъективные оценки, возводит свой вкус и пристрастия в эталон. Если, по его мнению, та или иная фраза у писателя плоха, так она не только плоха, но еще и безграмотна. Запомните раз и навсегда, требует автор, «железно» — слово из уличного лексикона, слово «разлюбезная» обязательно несет трактирный оттенок, «хлопаться» — это значит падать в обморок, а если вы написали «сколки звезд», так обязаны разъяснить, сколками с чего являются сами звезды.

Не будем же вносить в серьезную и наболевшую проблему личные вкусы и пристрастия. Не будем вносить в нее и «культуру вывесок».

БАГРЯНАЯ ЗОЛЬ?..

Я ЦЕЛИКОМ разделяю тревогу за уровень грамотности наших школьников, которой пронизана интересная статья И. Фонякова.

Примеры ошеломляющей неграмотности, взятые им из школьных сочинений, красноречиво свидетельствуют о неладах школьников нынешних (и школьников вчерашних) с русским языком.

Каждый из тех, кто связан с преподаванием русского языка в школе, мог бы добавить изрядное количество примеров в «копилку курьезов» Ильи Фонякова. Я, правда, не могу согласиться с тезисом автора, будто уровень грамотности школьников катастрофически упал в последние три-четыре года. Мои наблюдения подсказывают, пожалуй, иной вывод. Уровень грамотности школьников растет, но он растет не так быстро и не достигает того уровня, который позволил бы изъять вопрос о преподавании русского языка в школе из разряда «тревожных».

В чем же дело? Почему неграмотны наши школьники?

Очень многие склонны винить в этом учителей. Действительно, в деле преподавания русского языка немало изъянов. Мне кажется, в первую очередь это перегруженность программы теоретическими разделами. Школьники учат правила — зачастую невероятно сложные — и не могут применить их на практике.

Ученица 7-го класса написала «парекмахерская». Что-что, а уж правило о безударных гласных всем хорошо известно. Прошу найти корень. Слово «парик» она знает, и даже очень хорошо, но вот связь слов «парик» и «парикмахерская» не ощущает. А ведь это случай совершенно элементарный. Нарочно не привожу более сложных примеров.

Дело, следовательно, не в том, чтобы выучить детей правилам орфографии и пунктуации. Дело в том, чтобы у них возникло, сформировалось «языковое чутье». Прав И. Фоняков: грамотность — это не только умение писать без ошибок, это умение строить фразу, пользоваться всеми богатствами языка, умение мыслить, наконец.

И тут, мне кажется, проблема выходит далеко за пределы преподавания русского языка в школе.

Речевая культура родителей, друзей, язык газет, радио, телевидения — все это формирует грамотность школьника, овладевающего основами русского языка.

Но язык этот далек от совершенства. Он пестрит штампами, канцеляризмами, он беден и невыразителен и в то же время засорен совершенно невероятными словами, не имеющими ничего общего с литературной нормой.

Открываю на днях одну из газет — и натыкаюсь, к примеру, на такое:

«Сегодня место фанатов... заняли вполне нормальные люди». Что же это за слово такое — «фанаты»? Автор, оказывается, имеет в виду одержимых, фанатиков.

Многие произведения художественной литературы поражают чрезвычайно вольным обращением с грамматикой.

Вот открываю я поэму В. Сорокина «Пролетарий»:

Спички есть.
Табак найдем.
Большевик
Топтать идем!

Зачем потребовалось автору столь дерзко обойтись с падежным окончанием? Могут возразить — это не авторский текст, это песня.

Вполне возможно, что автор оправдает свободное обращение с грамматикой «художественными задачами». Мне же это кажется погрешностью вкуса.

Но возьмем, однако, другой пример — на сей раз из авторской речи. Поэт пишет про пожар, который, «над вокзалом клубясь, харкал золью багряной». Есть слово «зола». Творительный падеж от него — «золой». Слово же «золь» в нашем языке отсутствует — и я не знаю, какими художественными задачами диктуется его изобретение.

Я не думаю, что писатель обогащает русский язык, если сквозь его текст надо продираться со словарем Даля. Тем не менее я не считаю себя вправе отрицать право поэта на всякие там «кудлорожий», «буранные всполохи», «куделиться» и прочее, которыми изобилует поэма Сорокина. Но как расшифровать такое, например:

Лед на озерах выгнулся
ровной глубокой
БРАШНЕЮ.

Что это за слово такое — «брашня»?

Ни в одном словаре русского языка оно не зафиксировано — ни в качестве литературного, ни в качестве областного. Было, правда, в церковнославянском слово «брашно» (яство, кушанье), но слово это среднего рода, и, следовательно, творительный падеж от него будет — «брашном».

Слово это встречается в русской литературе — но уже Пушкин, скажем, ощущал его как архаизм и употреблял в стилизаторских целях. Вспомним описание пира в «Руслане и Людмиле»; трех витязей, соперников Руслана, которые сидят

...Безмолвны, за ковшом
пустым
Забыли кубки круговые,
И БРАШНА неприятны им...

Решил ли поэт щегольнуть забытым словом? (Но тогда нужно знать не только его значение, но и правила склонения. Да и сомнительно сравнение льда с яствами.) Или создал неологизм? Но как догадаться о его смысле? Ясно во всяком случае одно — это не художественный образ, а образец неряшливости стиля.

Если ученик мой напишет «У нас в дому живет кошка. Однажды она попала под машину, но оказалось живучей и выздоровела», — я поставлю ему двойку.

А вот поэт Ветлугин пишет: «Так привыкают ко всему, что создает уют в дому».

И поэт Сухов не встретил никакого противодействия при попытке одарить русский язык необычайной формой «живучой» (то, что это не опечатка, подчеркивается ударением: «на усохшие заросли живучой лебеды»).

Примеры можно было бы продолжить, но разве дело в количестве их?

Ясно одно — язык литературы должен быть безупречным. Ведь он формирует вкус, чувство слова у самых широких кругов читателей.

Мы, учителя, учим детей. Но писатели, журналисты «учат» самые широкие круги населения. Насколько же больше должна быть их ответственность!

В. КОРОСТЫЛЕВА,
учительница

ЧИТ

«...НО С БЛАГОДАРНОСТИЮ: БЫЛИ»

Ст. РАССАДИН

В последние годы заметно повысился общественный интерес и отечественной литературе, ее истории. Большими тиражами изданы сочинения не только таких корифеев русской поэзии, как Пушкин, Лермонтов, Некрасов, но и поэтов меньших, без которых, однако, невозможно представить себе наше литературное прошлое. — Жуковского, Фета, Полонского, К. Павловой, Случевского... Читатели с благодарностью откликаются на это. Но есть и другие письма. Их авторы недоумевают: а нужно ли сейчас пропагандировать поэтов, в творчестве которых «многое устарело и не соответствует нашему мировоззрению»? Над такими письмами размышляет критик Ст. Рассадин.

У ВАСИЛИЯ АНДРЕЕВИЧА ЖУКОВСКОГО есть четверостишие, мудрое и нежное:

О милых спутниках,
которые наш свет
Своим сопутствием
для нас животворили,
Не говори с тоской:
ИХ НЕТ,
Но с благодарностию:
БЫЛИ.

«Были» — значит, остались с нами и в нас. «Были» — значит, есть.

Те же слова мы можем сказать о наших «милых», вечных спутниках, о больших художниках прошлого, которые до сих пор продолжают животворить для нас мир.

Впрочем, вот письмо, присланное в «ЛГ», где о бедном Василии Андреевиче, а заодно и о других русских поэтах говорится отнюдь не «с благодарностию», даже не с тоской — куда там! С презрением:

«...Известно, что придворный поэт А. И. Толстой, также как и Жуковский были вхожи и царям и царицам, коим воспевали «славу» и «боже царя храни», всячески угождая их внукам и шалостям вольнодумства «славного века Екатерины Второй». Придворная поэзия В. А. Жуковского, А. И. Толстого, Фета и других реакционных писателей, с некоторых пор стала издаваться и популяризироваться, якобы, для ознакомления читателей с «литературными достоинствами» их произведений. «Сентиментализм» и «Гуманизм», выдаваемые эти особые «литературные направления» этих поэтов, никак не вяжутся с любовной и занимающей поддержкой жестокостей царственных особ и их окружения... Что за «литературные достоинства» кое-кто в наших издательствах находит у Жуковского, неоднократно подсовывая его сочинения читателям? В 1960 году издан 4-х томник, в 1973 году «избранное». Как будто у нашей писательской молодежи больше не у кого поучиться писать, а нашей читательской публике нечего больше читать?

МУЧНИК С. Г.,
пенсионер,
«МОСКВА».

Не совсем понятно, как это Жуковский и тем более Алексей Константинович Толстой ухитрялись угождать «шалостям» екатерининского века, но оставим в стороне хронологию (как и орфографию, и синтаксис). Обратим внимание на угрожающую лексику: «неоднократно подсовывая его сочинения». Словно речь о цианистом калии или о бомбе замедленного действия.

К счастью, сегодня это звучит уже не страшно, а — простите, товарищ Мучник, — как бы сказать... несерьезно, что ли. Ибо строки письма удивительно близки к строчкам давнего веселого стихотворения: «Грибоедов — примиренец! Гончаров — приспособленец! Гоголь — рупор мистицизма! Салтыков — продукт царизма!.. Пушкин, Лермонтов, Некрасов — трубадуры чуждых классов!»

Короче говоря:

Лев Толстой кругом неправ,
Потому что был он граф!

Смешные эти стихи крокодилец Сергей Швецов написал еще в тридцатых годах. Уже тогда так называемый вульгарно-социологический подход к классике был настолько опровергнут, что с ним можно было не полемизировать всерьез.

Однако указать на давность заблуждения еще не значит доказать человеку, что он заблуждается. Тем более, что незыблемая позиция, занятая С. Г. Мучником, иной раз предстает, так сказать, с деликатной поправкой на современность.

«...Я со школьных лет глубоко уважаю нашу классическую литературу, — в совсем ином тоне пишет в «ЛГ» Р. Егоров из Иркутска. — Но, мне кажется, наши издательства не совсем правильно подходят к изданиям классиков. Зачем распространять среди широких масс населения произведения, смысл которых опровергнут историей, — многие стихи Тютчева, Фета и т. п. Да что скрывать! Даже у Пушкина есть стихи, которые для него самого лучше бы не перепечатывать. Ведь и он иногда хвалил царей или духовных лиц, даже если делал это не по своей охоте... Я думаю, пришла пора критически пересмотреть и хорошенько просеять произведения литературы прошедших веков»

Да, тон иной. Тут не категорическое требование запретить; тут всего лишь предложение адаптировать. «Просеять». Причесать.

И, как обычно бывает в разговоре с вежливым собеседником («мне кажется», «не совсем правильно»), невольно тянет пойти ему навстречу. Сделать приятное.

Что ж, попробуем.

В 1828 ГОДУ Пушкин написал горькое стихотворение: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?», — очень личное, автобиографическое (недаром оно было написано в день собственного рождения): стихотворение, которое воплотило религиозные сомнения, вспомним строки: «Кто меня враждебной властью из ничтожества воззвал?..»

Не мудрено, что церковники одернули Пушкина. Стихи, напечатанные в 1830 году, получили немедленную отповедь как раз «духовного лица», московского митрополита Филарета, который и разъяснил заблудшему стихотворцу, зачем дана ему жизнь и кто именно воззвал его из «ничтожества» (в пушкинские времена это значило: из небытия): «Не напрасно, не случайно жизнь от бога мне дана, не без воли бога тайной и на казнь осуждена...»

Пушкин тут же откликнулся на опасный упрек:

В часы забав иль
праздной скуки,
Вывело, лиро я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

А кончались стихи словами прямо-таки благоговейными:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Выходит, Пушкин внемлет Филарету «в священном ужасе»? Выходит, русский гений оправдывается и извиняется перед чиновником церкви?

Следуя логике С. Г. Мучника, вероятно, надо было бы за этот «проступок» прекратить переиздания Пушкина. Тем более, что и он был «вхож к царям и царицам», и он, допустим, посвящал лестные строки императрице Елизавете Алексеевне. Что касается Р. Егорова, то он по свойственной ему мягкости, по-видимому, предложил бы не столь крайнюю меру. Он ограничился бы тем, что изъял бы ответ Филарету из собрания пушкинских сочинений.

И, может, в этом был бы резон? Ведь у самого же Пушкина в дневнике есть ироническая запись еще об одном вмешательстве митрополита в поэтические дела — на этот раз петербургского митрополита Серафима. Речь в дневнике идет вот о каком происшествии: «Деларю напечатал в «Библиотеке» Смирдина перевод оды В. Юго, в которой находится следующая глубокая мысль: Если-де я был бы богом, то я бы отдал свой рай и своих ангелов за поцелуй Милены или Хлои. Митрополит (которому досуг читать наши бредни) жаловался государю, прося защитить православие от нападений Деларю и Смирдина. Отселе буря».

Пушкин здесь ироничен вдвойне. Он посмеивается над «глубокой» одой Гюго, с удовольствием приводя эпиграмму Крылова: «Мой друг! когда бы был ты бог, то глупости такой сказать бы ты не мог»; но в то же время его раздражает и бдительный митрополит, «которому досуг» защищать православие от слабенького стихотворца Деларю. Короче говоря, благоговейного настроения здесь нет и следа.

Что же, стало быть, стихотворный ответ Филарету в самом деле компрометирует Пушкина?

Нет! Напротив!

Я уж не говорю о том, что замалчивать противоречия Пушкина или Жуковского значило бы идеализировать их эпоху, — но вот что поразительно и в то же время естественно для Пушкина: в стихах, целью которых было, казалось, успокоить митрополита, вдруг воскресли гордые образы программного стихотворения «Пророк».

«В пустыне **мрачной** я влачился», — говорилось там о пророке-поэте, вернее, о том состоянии его души, пока ее еще не пробудил небесный голос вдохновения. Или — это уже другое стихотворение, «Поэт», но также посвященное чудесному преображению обычного человека в того, чьими устами говорят правда и свобода: «В заботах **суетного** света он малодушно погружен».

А вот что сказано о душе поэта в ответе митрополиту: «Отвергла **мрак земных сует**».

Похоже? Еще бы. Но дальше — больше: «И вырвал грешный мой язык, и празднословный и **лукавый**» (это — «Пророк»). «Но и тогда струны **лукавой** невольно звон я прерывал...» (ответ).

«И шестикрылый **серафим** на перепутье мне явился». — «И внемлет арфе **серафима**...»

«И угль, **пылающий огнем**, во грудь отверстую водвинул». — «Твоим **огнем душа палима**».

Случайные совпадения? Нет, родство мысли: о преображающей и ни от кого не зависимой силе вдохновения, благодаря которому поэт встает над суетой, прекращает «лукавые» и пустые речи, чтобы быть гордым и смелым, чтобы выполнять долг — «глаголом жечь сердца людей».

Нелегко вообразить, что Пушкин искренне объявил графоманские стишки Филарета звуками «арфы серафима», — но допустим, что первый толчок к написанию почтительного ответа был: защититься, оправдаться. Однако что получилось? Вновь прозвучала та же мысль, что и в стихотворении «Поэт», где «божественный глагол» прямо, открыто приравнивался к вдохновению поэта, в чем, пожалуй, было еще больше дерзости, чем в сравнении собственного нерукотворного памятника с самодержавным Александрийским столпом. И что тут может значить какой-то митрополит, если Пушкин сам, без посредников, общается с «божественным глаголом»?

В этом сила и красота истинной поэзии. Поэт — человек, такой же, как все. Его так же может угнетать бедность или зависимость, он способен ошибаться и оступаться («И меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он», — сказал Пушкин с той неумолимой жестокостью, с какой поэты говорят только о себе самих). Но стоит ему услышать голос вдохновения, и «душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел», как гордая и вольнолюбивая птица.

Если бы мы решились адаптировать и просеивать великую поэзию прошлого, если бы стали приглаживать сложные, непрямолинейные отношения поэтов с их тяжелой эпохой, мы бы прежде всего обескровили самое поэзию. Потому что даже те — сравнительно редкие — случаи, когда подлинному поэту все-таки не удается вырваться из плена противоречий и ограниченности его эпохи, когда ему не удается подняться до уровня высшей правды и высшей нравственности, — даже эти случаи бесценны для нас. Хотя бы потому, что говорят об обстоятельствах, в которых жил и над которыми одерживал верх художник. И о том, какою ценой давалась ему победа.

ПОЛНОТА знания необходима не только тем, кто хочет знать поэзию, но и тем, кто хочет ее любить.

В одной из давних статей о Некрасове, посвященной нелегким обстоятельствам жизни поэта, внимание останавливали такие слова: «Во всем этом выступлении Некрасова... была еще одна неблаговидная особенность...» А дальше: «И другая темная черта...»

Я снова представляю себе решительную реакцию С. Г. Мучника: ах, вот как! Темная? Зачем же тогда печатать? И стыдливую реакцию Р. Егорова: темная? Гм-м... Не лучше ли без нее?

Но как характерно, что слова эти написал тот, кто нежно любил Некрасова и доказал свою любовь делом, первым научным изданием великого поэта, — Корней Иванович Чуковский. Он брался говорить о самых мучительных моментах жизни Некрасова уж, конечно, не из любопытства. Восклицая: «Довольно умолчаний и прикрашиваний...» — Чуковский замечательно объяснил, зачем нужно избавить поэта от «хрестоматийного глянца»: «мы из уважения к его подлинно-человеческой личности должны смыть с него эту бездарную ретушь, и тогда перед нами возникнет близкое, понятное, дисгармонически-прекрасное лицо — человека».

Эту задачу Чуковский ставил перед литературной наукой еще лет пятьдесят назад, и слава богу, что сегодня перед нами действительно живое лицо Некрасова, а не карикатура и не икона, не «представитель», не «рупор», не «продукт». И — живой, настоящий, трудно постигающий истину Пушкин, а не первый ученик, заранее знающий все ответы.

Любовь к поэту жаждет полноты знания. А полнота знания усиливает эту любовь. Да, не ослабляет, а усиливает.

Говорят, что культура — память человечества. В этой памяти не должно быть провалов. Ведь к тому же помнят не только рассудком, помнят и сердцем. «О память сердца! ты сильней рассудка памяти печальной...»

Зная все или хотя бы многое о Некрасове или Пушкине, мы **сердцем** переживаем их конфликты с жестокой эпохой, **сердцем** радуемся их победе над нею.

Это прекрасно, что миновала пора вульгарно-социологических окриков на классиков: что сегодняшний дух исследования успешно противостоит и любителям «хрестоматийного глянца»; что в современных школьных учебниках великий писатель Достоевский представлен не мелким шрифтом; что самый массовый читатель узнал не только Жуковского или Фета, но и Иннокентия Анненского, Константина Случевского, Каролину Павлову, Аполлона Григорьева, тех, без кого даже великая русская поэзия стала бы заметно беднее.

А то, что приходят письма вроде того, которое написал С. Г. Мучник... что ж, попробуем быть оптимистами и даже в этом увидим хорошую сторону. Ибо если на классика сердятся, если он кого-то раздражает, значит, он живой. На памятники не сердятся (разве что на их создателей). Памятник всегда можно обойти стороной. Как видим, Жуковского или Фета не обойдешь.

Когда-то Игорь Северянин писал: «Да, Пушкин мертв для современья, но Пушкин — пушкински велик!» Ему казалось, что он защищает Пушкина, а на самом-то деле это было попыткой умерщвления, пусть и невольной. Само почтительное «велик» означало не величие поэта, а величину памятника.

Классика была, есть и будет живой. Именно поэтому мы и говорим о ней не с прощальной тоской, а с «благодарностию», как выразился «придворный»... впрочем, шутки в сторону... как выразился замечательный русский поэт Василий Андреевич Жуковский.

СТЕРЛЯДЬ—РЫБА ДРЕВНЯЯ

Из рассказов об Анискине

Виль ЛИПАТОВ

Рисунок В. КРАСНОВСКОГО

1.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ английского языка, завуч средней школы Леонид Борисович на колхознице Наталье Казаковой женился, как говорится по-старинному, на Покрова, а по-нашему — зимой, под ноябрьские праздники. Наталья из себя девка была видная и складная — рост имела высокий, стройная, длинненькая, колени носила маленькие, но круглые и гладкие, как бильярдные шары. Лицо у Натальи — не оторвешься, такое красивое. Брови черные, рот, словно роза, щеки, точно помидорным соком смазаны, кожа такая нежная и шелковая, как атлас, что в прошлом году деревенские женщины покупали у продавщицы Дуськи на стеганые одеяла. Одним словом, такой красавицы, как Наталья Казакова, ни в итальянском, ни во французском кино односельчане не видывали — все артисточки были поплоше.

Леонид Борисович, конечно, влюбился в Наташку без ума и памяти, но Наталья — не будь дурой! — сразу за него замуж не пошла. С полгодика она поманежила Леонида Борисовича на клубных танцах, месяц-другой прогуливалась с ним по обскому яру, и деревенские сплетницы утверждали, что Наталья завучу сказала: «Вы, Леонид Борисович, как человек образованный и по-английски разговаривающий, должны понятие иметь, что нам нужно свои чувства проверить... Ах, оставьте ваши ревности! Меня тракторист Петька Мурзин не завлекает... Во-первых, водочку употреблять начал, во-вторых, на колхозной работе плетется в хвосте...»

И вот, как только пали снега и над кедрачами завьюжило, Леонид Борисович и Наталья сыграли свадьбу, на которой гуляла вся деревня — два дня и две ночи.

На свадьбе Наташка Казакова повела себя гордо, не по-товарищески, как хором говорили ее подружки.

— Я вам больше не Наташка,— сказала она им, задирая нос.— Я, если хотите знать, Наталья Кузьминична... Я, конечно, книги на английском читать не буду, но английский разговор, если сгодится, вскорости начну понимать...

На колхозной работе Наташка Казакова после свадьбы с завучем тоже начала себя показывать с плохой стороны. И три дня после свадьбы не прошло, как Наташка Казакова самолично является в колхозную контору при мини-юбке, садится на диван, кладет ногу на ногу и при самом председателе Иване Ивановиче и бригадире дяде Аниките Гуляеве говорит:

— Пусть кто-нибудь другой вилами навоз от стаек отгребает, а я отказываюсь... Сто раз, товарищ председатель и товарищ бригадир, мы на колхозных собраниях голосовали за механизацию, деньги на это дело вырешивали, голосовали единогласно, а где она, спрошу вас, эта самая механизация? Не корова ли ее языком слизнула?

И хохочет при этом, и ямочки на щеки напускает, а бригадир Аникита Гуляев — человек нервный. Он такого разговора не стерпел, кулаком себя по колену стукнул:

— Ты мне, Наташка, лучше ответь, где ты обреталась, когда мы воскресник по усилению механизации проводили?

— А там была, где теперь нету! — тоже обозлилась Наталья Кузьминична.— А по твоему же наряду, дядя Аникита, торфоперегнойные горшочки лепила... Прошу меня на другую работу перевесть... Желаю состоять на молочнотоварной ферме учетчицей-контролером. Но ты не робей, дядя Аникита! Бидоны с молоком я сама таскать буду, это у меня не заржавеет...

Трех месяцев не прошло, как Наташка Казакова, то есть теперь Наталья Кузьминична Пылаева, набрала большую силу. На колхозных собраниях выступает среди первых, воду на графина при этом пьет открыто, разные непонятные словечки употребляет и на все наводит критику — это ей плохо, это ей не так, то ей не нравится. Дело дошло до того, что Пылаева добралась до дяди Анискина — участкового инспектора райотдела милиции. Это произошло на зеленой лужайке, когда колхозный народ готовился достойно встретить весну, а Наташка опять влезла на трибуну, то есть на пенек.

— Имеются серьезные недостатки и в работе милиционера товарища Анискина Федора Ивановича, то есть дяди Анискина,— сказала она.— Он, например, товарищи соотечественники, или, как говорится, сограждане, на охрану колхозного инвентаря обращает сугубо мало внимания...

Вот с этого, наверное, момента баба-сплетница Сузгиниха и другие плохие люди в деревне стали поговаривать, что дядя Анискин на Наташку за критику затаил зло. Понимающие люди — умные и добрые — этому не поверили, но так случилось, что Наталья Кузьминична Пылаева, то есть Наташка, от дяди Анискина на самом деле имела неприятность, хотя уголовной ответственности не понесла.

2.

Наталья Кузьминична Пылаева оказалась замешанной в деле о незаконной ловле стерляди гражданином Анипадистом Сопрыкиным — давним другом и фронтовым товарищем участкового Анискина. Неприятная произошла история, если правду сказать, и по этому поводу самый старый старик в деревне дед Крылов высказался откровенно:

— Если не знаешь, то почем знаешь,— сказал он философски, прижмуривая один глаз.— Ты иногда думаешь, что на человека силок поставил, а он, человек-то, глядишь, из силка самострел построил и на белку охотится... Ох, трудное это дело — все дело понимать. Трудно, хоть и пошел тебе девяносто какой год неизвестно...

Анипадист Сопрыкин, он запрещенной для ловли стерлядью баловался, и весь деревенский народ, бывало, такую картину наблюдал: сидит на высоком яру участковый дядя Аниский, от жары отдувается, зубом цыкает, а рыбак Анипадист Сопрыкин под яром обласишко к рыбалке готовит: сети капроновые в корыто укладывает, самоловы в лодчонку кладет, ружьишко, патронташ и прочее, и прочее. На участкового он вроде бы внимания не обращает, но все равно время от времени в его сторону глазами невольно поведет — сидит ли... Сидит, дьявол толстопузый! Лицо у Федора Ивановича грустное, глаза туманные, погоны с плеч валятся, китель расстегнут — такой он, что у Анипадиста Сопрыкина сердце кровью обливается. Ведь и воевали вместе, и в одном госпитале рядом лежали, и на одном пароходе в родную деревню после войны возвращались, и до сих пор ходят друг к другу чаи распивать.

— Анипадист, Анипадист,— зовет старого приятеля Анискин.— Ты посидел бы со мной на яру минуточку... Все одно всю рыбу не выловишь, всю дичь не возьмешь. Так что дай себе передых, парнишша, посиди со мной рядом...

Анипадист Сопрыкин поднялся на верхотинку яра по земляным ступенькам, вырубленным женщинами, чтобы носить ведра с водой, присел рядом с участковым — не близко, не далеко, а так себе, посередочке.

— Здорово тебе, Федор! — вежливо произнес Анипадист.— Как живешь-можешь?

— Здорово и тебе, Анипадист! — ответил Анискин.— Живу я, грех жаловаться, терпимо, все у меня вроде есть, дочку Зинку замуж наконец определил за городского волосатика. В общем, неплохо живу, Анипадист, да вот есть у меня одна беда...

— Какая же это беда-то, Федюк?

— А вот та беда, Анипадист, что в моей, то есть нашей деревне браконьер завелся... Промышляет он запрещенную для ловли стерлядь, да и осетра не гнушается, если тот в плавежну сеть угодит... Вот какая у меня большая беда, Анипадист!

Рыбак Анипадист Сопрыкин — сразу хохотать, и от хохота себя железными ладонями по брезентовым коленкам колотит.

— Это какой же такой лиходей в нашей деревне завелся? — спрашивает он, прохохотавшись.— Ты чего же его к ногтю-то, Федор, не возьмешь?..

После этих слов Федор Иванович Анискин вздохнул совсем тяжело.

— Как ты его к ногтю возьмешь, Анипадист, если он меня хитрее,— мрачно сказал он.— Стерлядишку он, к примеру, под простую рыбу прячет, а осетров продает в соседние деревни... Вот и не могу я поймать браконьеришку, хотя знаю его не хуже, чем самого себя...

Анипадист еще раз себя по коленям хлопнул.

— Да кто же это, Феденька? — спросил он.— Как по имени прозывается?

— Анипадист Сопрыкин — вот кто это,— серьезно и грустно ответил участковый.— Ты это, Анипадистушка, хвороба тебе в поясницу, браконьерство производишь...

От такого сообщения Анипадист Сопрыкин — второго такого нахала белый свет не видел — вторично впадает в хохот. Ну так сильно хохочет, что грудью на землю валится, ногами по сырой земле колотит, и рот у него — до ушей. До того браконьер дохохотался, что и слова выговорить не может, а только икает...

А Федор Иванович Анискин от его хохота еще в большую тоску ушел — сидел на своем пенечке, смотрел в ту самую далекую даль, за которой, наверное, самая последняя даль-дальняя хоронится, если, конечно, за ней, этой далью, еще одной дальней дали не имеется...

— Эх, Анипадист, Анипадист! — чуть слышно сказал участковый Анискин.— Не понимаешь ты, полчек, какая это есть рыба — стерлядь... Я вот в одном журнале читал, что ей, стерляди, миллион миллионов лет. Не то что обезьяны или человека на земле не было, а вот этих самых... Как их?.. Эх-ти-азавров еще не видывали, а она, стерлядь-голубушка, уже в морях, океанах и реках обреталась...

Обь катилась плавно на север, три старых осокоря пошумливали над головами Анискина и Сопрыкина, в бане стариков Ожиговых кто-то ухал по-совиному: парился, наверное, сам дед Ожигов, любитель этого дела и до того крепкий, что не было во всей округе молодого мужика, который мог бы деда перепарить... Поднималась уж над Заобьем молодая мордастая луна, похожая на самого рыбака Сопрыкина, который за последние годы здорово потолстел; и синий бор за деревней стоял темной стеной, как крепостной вал. Тихо было, дремно, собаки лаяли, конечно, но ни Анискин, ни Сопрыкин их не слышали.

— Не узнаю я тебя, Анипадист! — тихо и горько сказал Анискин.— Погляжу сбоку — это вроде ты штурмовал Курск, гляну прямо — нет, не ты, не ты...— Он совсем тяжело вздохнул.— Я тебя завтра-послезавтра, Анипадист, за браконьерство возьму,— неохотно сказал участковый.— Мне ведь, парень, доподлинно известно, кто у тебя рыбу покупает.

Участковый встал с пенька, застегнул китель на все пуговицы, подтянул голенища сапог, фуражку надел по полной милицейской форме.

— Я тебя завтра возьму за браконьерство, Анипадист! — жестко и грозно сказал он.—...А теперь прощевай! Мне надо идти посты проверять возле колхозного инвентаря, который теперь благодаря критике усиленно охраняется... Прощевай!

— Бывай здоров, Федюк! — ответил Анипадист Сопрыкин и непонятно улыбнулся.

3.

Наталья Кузьминична и Леонид Борисович Пылаев доживали в браке девятый или десятый месяц, а сильная их любовь все не проходила да не проходила... По улицам ходят рядышком, под ручку, в кино как с первого кадра обнимутся, да так и не разнимутся до самого конца сеанса, купаются вместе где-нибудь на отшибе, а если завуч-англичанин, скажем, на недельку в командировку уедет, то почтальонша Зина в адрес Натальи Кузьминичны Пылаевой сразу три письма в один день тащит, и на каждом конверте картинка — два голубка сидят и воркуют...

Как-то участковый Анискин в дом завуча Пылаева пришел под вечер, когда, по расчетам участкового, завуча дома в этот час быть не могло.

— Здравствуйте-бывали! — вежливо поздоровался Анискин, войдя в дом и снимая форменную фуражку. — Как ваше ничего, Наталья Кузьминична? Ух, какой фонарь, то есть... торшер! Поди, из областного центра привезли? Ух ты, а это что же такое будет, что не разберипоймешь?

— Это декоративный камин! — гордо ответила Наташка Казакова и мгновенно всунула вилку в электроштепсель. — Ты глянь, дядя Анискин, как он полыхает, как светит, как всеми цветами переливается!

— Ох, ох, ох! — по-бабьи заохал участковый, приседая и вертя головой на все четыре стороны. — А это, надо понимать, что об трех дверях, шифоньер, а это, я так разумею, сервантес, а посуда — сплошной хрусталь... У! А это что за молотилка?

Наташка снисходительно улыбнулась:

— Это не молотилка, дядя Анискин, а кофеварка... Вот сюда я воду заливаю, сюда — кофью сыплю, а здесь — огонь. Пять минут — и готово! Несу Леониду Борисовичу в постелю, а вторую чашку сама пью... На весь дом аромат, словно ты не в избе, а в каком московском ресторане...

И пошла хвастаться напропалую, и до тех пор хвасталась, пока участковый не остановил ее.

— Нддааа-а! — сказал он как бы с завистью. — У продавщицы Дуськи товаров в магазине, наверное, и того меньше, чем у тебя в наличии имеется. Богатая ты женщина, Наталья Кузьминична, но вот с Веркой Косой, которая теперь по мужу Голикова, ты, поди, сравниться не можешь. У нее, например, джерсовых костюмов четыре, а нейлоновых кофточек — так тех просто шесть штук... А еще у нее есть...

— Что? — прошептала Наташка.

— Сам не знаю, что... — тоже шепотом ответил Анискин. — Тут вот так, здесь — наперекосяк, с другой стороны — навыворот, а изнутри — шерсть...

— Ха-ха-ха! — раскатилась на весь дом Наташка. — Так это же у нее дубленка — шуба такая... Дубленка, говорю, шуба такая.

— Во! Во! — обрадовался участковый. — Шибко здорово на фронтовой полушубок сходит, только все наперекосяк да боком.

Он, пыхтя, сел на стул, что располагался посередь комнаты.

За стенами добротного дома пошумливала вечерняя улица, на реке шипел паром и колотил о воду плицами какой-то небольшенький пароход, поселковая электростанция на базе локомобиля тоненько свистнула, что означало — половина девятого. С тяжелым гулом и гусеничным звяком прошел по улице трактор и вдруг заглох, отчего наступила такая тишина, что в ушах зазвенело.

— Да-да! — негромко и грустно произнес Анискин, опуская голову. — Хорошо живете, Наталья Кузьминична, а вот свое здоровье не бережете... Нет, нет, не бережете! — Анискин поцыкал зубом и укоризненно покачал головой: — Сегодня утром встречаю на улке вашего Леонида Борисыча, гляжу на него, а у самого сердце кровью обливается... Это чего же, думаю, с мужчиной-то произошло, что с ним, соображаю, такое поделось, что он сам не в себе...

— Как сам не в себе? — всполошилась Наташка Казакова. —Ты о чем это, дядя Анискин? Ой, не пугай меня, у меня сердце сильно слабое... Ну, не томи, говори, чего ты у Леонида Борисовича приметил!

Однако участковый не сразу дал ответ Наташке Казаковой. Он еще несколько раз тяжело вздохнул, еще разочек цыкнул зубом, вытер пот с широкого лба.

— Шибко похудели Леонид Борисович, — сказал наконец Анискин. — С лица здорово спали, и я так думаю, что это он от того, что...

— Отчего? Дядя Анискин, отчего это? Ну, скажи, ну, ответь!

Участковый в последний раз тяжело вздохнул.

— Я по киномеханику Голикову, который Верки Косой муж, суждение имею, — неохотно сказал он. — Киномеханик такой худущий, да такой с лица бледный, что — страсть! А отчего? Да оттого, что Верка Косая его одной картошкой да капустой кормит... Ни тебе масла, ни тебе сала, ни тебе мясца. Все у нее на тряпки уходит, а муж бегат по деревне тонкий да звонкий, ровно гончая собака.

Наташка Казакова сердито поджала свои красивые, вырезанные сердечком губы.

— А к Леониду Борисычу како это прикосновенье имет? — на местном наречии спросила она. — Какой такой есть у тебя, товарищ Анискин, замет или факт, что Леонид Борисович на одной картошке да капусте сидят? Ты, может, фактом располагаешь, а, товарищ Анискин?

— Да, — ответил участковый. — Ты почему четыре дня мясо в сельпо не брала? А тот килограмм, который ты пять дней назад покупала, он ведь давно, поди, съеден... Леонид-то Борисович — мужчина крупный, видный, красивый... Вот ты мне и ответь, почему ты его на одной картошке и капусте держишь? Ну, отвечай!

Наташка Казакова от злости прямо задохнулась. Красивая она была женщина, даже очень красивая, а вот сейчас красивой быть перестала — постарела, глаза потухли, рот не сердечком сделался, а начал походить на замочную скважину; и ростом она, казалось, стала меньше, и стройности лишилась, и ноги вроде покривели. Вот до чего человека злость доводит!

— Ты у меня, товарищ Анискин, много горя натерпишься! — тихим от ярости голосом произнесла Наталья Кузьминична Пылаева. — Говоришь, я Леонида Борисовича на одной картошке да капусте держу! Так говоришь? Ну, Анискин, за это сама не знаю, что с тобой надо произвесть... Да я Леонида Борисыча так питаю, что ни в одном московском ресторане того не поешь... Да я его, любимого, так кормлю, что твоя толстозадая и во сне не видела, хотя в тебе весу сто пудов. Да я... А ну, пошли на кухню, Анискин! Посмотришь, как я своего любимого Леонида Борисовича питаю... Пошли, пошли, раз клевету на меня наводишь и хочешь меня с мужем развести...

В кухне Наташка Казакова подтолкнула участкового к столу, потом, махом открыв заслонку русской печки, чуть не затолкала его голову в топку.

— Я Леонида Борисыча плохо питаю? — кричала на весь дом Наташка Казакова. — Я его на одной картошке и капусте держу? А это что, Анискин? Это пироги с осерднем или нет? Я тебя спрашиваю: это пироги с осерднем или нет?

— Они! — признался участковый.

— А это что? — вопила жена завуча. — Это твердокопченая колбаса или капуста? Я тебя еще раз спрашиваю: колбаса твердокопченая или капуста?

— Колбаса. Твердокопченая.

— Ладно! Хорошо! А это что? Это картошка или чебак горячего копчения?

— Чебак.

— Еще ладнее прежнего! — завыла Наташка Казакова. — А вот это что? Это стерлядь вареная или обратно капуста? Я в последний, остатний, сто пятый раз спрашиваю: это вареная стерлядь или капуста?

— Стерлядь это, — сказал Анискин и подошел поближе. — Это, Наталья Кузьминична, самая что ни на есть вареная стерлядь и самая, скажу я тебе, свежая стерлядь... Мало того, добавлю еще: хорошая стерлядь. Крупная, жирная, нагульная... И дорогая, наверное, а, Наталья Кузьминична? Ты, поди, за нее рубля три за килограмм платила? А? Три?

Наташка Казакова так и охнула.

— Три! — всплеснула она руками. — Да ты в своем уме, дядя Анискин? Где ты такую стерлядь по три рубля возьмешь? По четыре с полтиной — вот сколько я за нее платила, и не копеюшкой меньше... — И даже захохотала от анискинской глупости: — Ха-ха-ха! По три рубля он хочет купить такую стерлядь! Ну, насмешил...

Однако Анискин даже и не улыбнулся, а только серьезно сказал:

— А ведь ты, Наталья Кузьминична Пылаева, зазря веселишься. Конечно, у тебя с мужем завучем при английском денег куры не клевали, но за стерлядь ты переплачиваешь... Да, да, переплачиваешь.

— А ты дешевле возьми! — опять засмеялась Наташка.

— И возьму! — спокойно ответил участковый. — К примеру сказать, за такую же вот стерлядь Анипадист Сопрыкин берет по три рубля... Сам покупал, и другие по три рубля брали... Да чего там далеко ходить: та же Верка Косая, которая теперь по фамилии Голикова, у него по три рубля такую стерлядь берет...

От этих слов Наташка Казакова так и шмякнулась задом на кухонную табуретку. На этот раз она не разозлилась, а, наоборот, сделалась печальной и от этого такой красивой, какой не бывала в нормальном состоянии.

— Эх, Анипадист, Анипадист! — проговорила она. — Он ведь мне, дядя Анискин, сродственником приходится, он моей матери двоюродный брат, а вот берет с меня по четыре с полтиной за килограмм... Это разве по-родственному, дядя Анискин, это разве по совести, Федор Иванович? Эх, Анипадист, Анипадист, бессовестный ты человек!

Теперь обратное произошло: не Наташка взяла за руку участкового, а он ее; и, взявши, осторожно вывел из кухни в горницу. Здесь Анискин — опять осторожно и бережно — посадил Наташку на гнутый венский стул, сам садиться не стал, а, наоборот, выпрямился во весь свой высокий рост, но заговорил мягко.

— Я, Наталья, — сказал Анискин, — за тобой с той самой секунды сильно внимательно слежу, как ты замуж за Леонида Борисовича вышла... Я тебе в отцы гожусь, Наталья, ты с моей Зинкой почти одногодок, так что не обессудь за то, что тебе разбор делаю, твое поведение обсуждаю, а если что лишнее сказал, ты меня, Наталья, прости...

— Да чего ты, дядя Анискин, — смущенно прошептала Наташка. — Чего ты извиняешься, ты ведь мне тоже не чужой, а дальний сродственник... Да и не в этом дело, а в том, что я тебя, дядя Анискин, здорово уважаю...

— За это спасибо, Наталья, — ласково сказал Анискин, — но я тебя о трудном деле просить буду... — На этих словах участковый замялся и только через несколько секунд продолжил: — Тебе, может быть, придется показания на Анипадиста насчет стерляди давать... Да, нет, нет! Я так думаю, что он сам во всем признается, но если... Если его, Наталья, рубль совсем по рукам-ногам спутал, тогда тебе придется дать показания... Ведь это надо придумать — со сродственников по четыре с полтиной за килограмм брать, а с Верки — я тебе, конечно, про три рубля врал — он по пятерке берет.

4.

Медленно-медленно, еле взмахивая веслом, усталый, как медведь после длинной зимней спячки и голодухи, возвращался к родному деревенскому берегу рыбак Анипадист Сопрыкин; нагруженный до отказа рыбой обласок сидел в воде низко, был готов на любой некрупной волне зачерпнуть бортом воду, но Анипадиста это не смущало — был он человеком смелым, рыбаком опытным, лодочным умельцем. Сидящего на берегу участкового Сопрыкин заметил издалека, но вида не показывал, а, наоборот, старался держаться так, точно Анискина поблизости и нет.

Пристав к берегу, Анипадист Сопрыкин из последних силенок начал выгружать обласок, что было делом сложным — много было напихано всякого добра в немудреную и маленькую на вид долбленую лодчонку. Ружьишко с патронташем, корыто с острогой и сетью, тулуп для ночного сна, простые и резиновые сапоги с голенищами до паха, огромный берестяной туес, который носится на манер рюкзака за плечами, телогрейка и армячишко, огромной длины самоловы с опасно острыми крючками, две-три удочки, взятые для отвода глаз, да три сети-частушки для ловли разрешенных ельцов, чебаков, окуняшек и прочей рыбьей мелочи. Все это добро надо было поднять на крутой яр, снести домой, развесить для сушки, разложить по полочкам и разместить по местам — ох, мороки, ох, дел, с ума сойти можно!

Анискин сидел неподвижно, глядел на реку, жарко ему в эту пору не было, и участковый наслаждался жизнью — улыбался чему-то втихомолку, поглаживал лапищей волосатую грудь под расстегнутым кителем, дышал полной грудью с таким видом, словно не воздух заглатывал, а пил нектар из райских рос.

Анипадист Сопрыкин еще на середине Оби понял, что Анискин поджидает его, и не уйдет до тех пор, пока он, Сопрыкин, весь лодочный скарб не вытащит на высокий яр, и был теперь ко всему готов, и ничего, конечно, не боялся, так как обыскивать его участковый инспектор Федор Иванович Анискин права не имел. На обыск ордер иметь надо, основания, факты, свидетельские показания, а у Феденьки, посмеивался про себя Анипадист Сопрыкин, были в наличности одни лишь догадки, сплетни да сны...

Вытаскивать скарб на верхотину яра Сопрыкин, естественно, начал с сетей-частушек, удочек, ружьишки с патронташем, тулупа, телогрейки и прочего.

Когда рыбак в последний раз поднялся на яр, Анискин негромко окликнул его:

— Анипадист, а, Анипадист!

— Федюк! — шибко удивился Сопрыкин, играя плохо и неумело удивление. — Это ты, Феденька, а я тебя, голубь ты мой, и не заметил... Здоров, парнишша!

— Здорово, здорово, Анипадист! А ты-бы, парнишша, присел, а то ведь до того упарился, что на тебя водой брызни — зашипит! Сядь, полчек, посиди, охолонись...

— Это можно, Федор, это у нас запросто, товарищ! Отчего бы и не посидеть с хорошим человеком да не побалакать о том да о сем...

Курил Анипадист Сопрыкин до сих пор махорку, что выпускает Бийская фабрика, и как только припалил он цыгарку, участковый Анискин выпрямился и даже едва приметно вздрогнул. Боже мой! Боже! Не махоркой запахло, а войной потянуло со стороны рыбака Анипадиста Сопрыкина!.. Исчез сразу высокий обский яр, перестали шелестеть над головой три старых осокоря, замолкли живые человеческие голоса... Открылась перед мысленным взором Анискина крохотная по сравнению с Обью река Снежка, что в Брянской области, потянуло запахом танкового дыма, повисли в голубом небе, похожие на хризантемы, разрывы зенитных снарядов.

Анискин сам себе удивился, когда услышал свой собственный голос: он, участковый, и не предполагал, что говорит, а вот, оказывается, лились из его рта тихие, больные слова...

— Что ты сделал с самим собой, Анипадист? — говорил Анискин тихо и болезненно. — Во что ты себя превратил... Ну, вспомни, вспомни, дружище, как лежали мы с тобой на берегу тонюсенькой речушки Снежки и что ты мне тогда говорил... Ты ведь вот что говорил, Анипадист: «Эх, увидеть бы в остатний раз Обишку, и тогда помирать можно! Эх, говорил ты, сесть бы в последний раз в обласок да взмахнуть веслишком — вот и помирать не жалко!» А потом ты и такое сказал, Анипадист: «Жила бы Обишка, а все остальное — тлен, ерунда, чепуха на постном масле!» Ты так говорил, Анипадист? Я тебя, друг, спрашиваю, ты так говорил? «Жила бы, дескать, лишь Обишка, а мы и в сырой земле полежать можем»... Ты это говорил на той самой Снежке?

— Говорил! — ответил рыбак Анипадист Сопрыкин и встал с земли. — Говорил я так, Федор, в точности так и говорил...

Он поднял с земли туес, перевернул его и стал вываливать на землю рыбу. Сначала падали чебаки, ельцы и окуни, а потом серебром заструилась царь-рыба, сама стерлядь, сама она — рыба древняя... Стерлядь сыпалась да сыпалась, гора ее все росла да росла.

— Эх, ты, — сказал Анискин. — Что теперь делать прикажешь? А?

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Н. Д. АГИАШВИЛИ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по грузинской литературе направили Николаю Дмитриевичу Агиашвили приветствие:

«От всей души поздравляем Вас с семидесятилетием со дня рождения.

Вот уже около пятидесяти лет Вы работаете на благо грузинской советской литературы. Писатель, литературовед, журналист, переводчик, автор многих интересных книг — такова Ваша деятельность за эти годы.

Ваши книги — «Жизнь Сервантеса», написанная для молодежи, но ставшая любимым произведением не только подрастающего поколения; «Остались юными навсегда» — о наших замечательных поэтах, погибших молодыми; «Александр Невский» — о патриотическом подвиге русского народа — переиздавались много раз и завоевали заслуженное уважение читателей.

Таким же успехом пользуются Ваши переводы классиков и современных русских писателей.

Вы всегда были и остаетесь образцом трудолюбия, профессиональной честности. Вы дали путевку в жизнь не одному молодому литератору.

Желаем Вам многих лет жизни, крепкого здоровья и новых творческих свершений».

Д. М. МАВЛЯНОВУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по киргизской литературе направили Джукаю Мавляновичу Мавлянову приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного киргизского поэта и прозаика, с пятидесятилетием со дня рождения.

В годы своей литературной молодости Вы опубликовали несколько сборников стихов и поэм, стали затем одним из интересных киргизских прозаиков. Последовательно разрабатываете Вы темы минувшей войны и жизни советской школы, хорошо знакомые Вам, участнику Великой Отечественной войны и педагогу.

Проблемам обучения и воспитания детворы посвящены Ваш роман «Ясное небо», повести и рассказы, в которых правдиво рассказано о героическом труде учителей в первые послевоенные годы. Ваши произведения являются для подрастающего поколения своеобразной школой гражданского мужества и преданности Родине.

Писатель-коммунист, Вы много сил и энергии отдаете работе в писательской организации, воспитанию литературной смены, активно участвуете в общественной жизни республики.

От души желаем Вам крепкого здоровья, счастья и новых творческих удач».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Морис ПОЦХИШВИЛИ

ФИРМЕННЫЕ ОГОРЧЕНИЯ

ОТКУДА появился у нас так называемый «поэт-песенник»? Может быть, сие звание подразумевает какие-то поблажки и послабления для тех, кто не добился успеха в сфере поэзии и потому переквалифицировался в автора песенных текстов? Если так, то это скорее должно считаться постыдным ярлыком. Если же нет, то как быть с Михаилом Светловым и Расулом Гамзатовым, Виталием Коротичем и Янисом Петерсом, Кайсыном Кулиевым и Евгением Евтушенко, Эдуардасом Межелайтисом и Ираклием Абашидзе? Ведь на их стихи созданы великолепные песни. Однако мы не называем их «песенниками»!

К сожалению, за последнее время песня приучила наш слух не к поэзии, а именно к «текстам». И не удивительно, что некоторые композиторы сами принялись «писать слова» для своих песен. Роль подлинного поэта в создании песен оказалась, таким образом, сведенной к нулю!

Даже в такой «стране поэзии», как Грузия, где в песнях всегда доминировали высококачественные стихи, появились «делатели текстов», не имеющих ничего общего с настоящей поэзией. И под моросящими дождиками мелодий, как грибы, расплодились песни-«тексты», песни, которым не суждена долгая жизнь, — они скоропостижно исчезают, расползшись по микроскопическим эстрадным группкам, имя которым в последнее время—легион. Но ведь они все-таки были, эти «тексты», звучали, делали свое дело в искажении вкуса слушателя и исполнителя!

Дошло до того, что, за малым исключением, в концертных программах или музыкальных передачах радио и телевидения автором песни объявляется только композитор. Иногда даже сами исполнители не знают, чью песню они поют, — речь, разумеется, идет о тексте, ибо с автором музыки такого не бывает, во всяком случае мне слышать не приходилось. Или же (что, пожалуй, еще хуже!) путают имя автора слов, одна песня с легкостью приписывается другому. Недавно я, к примеру, вдруг обнаружил, что стал «автором» текстов, написанных Н. Арешидзе и Л. Чубабрия! Даже уважаемая всесоюзная фирма «Мелодия» в выпущенных ею пластинках порой вводит слушателей в заблуждение. Примеры? Их немало, и пусть не зачтется мне за нескромность, если я приведу их из своего опыта. Пластинка, на которой записана песня «Я и ты» (0044609), извещает, что слова принадлежат Л. Чубабрия, а между тем музыка Г. Цабадзе написана на мои стихи. В другом случае все произошло наоборот: авторство слов песни «Неспроста люблю» (29549) приписано мне, хотя я их не писал. Так же случилось и со словами в песне «Жужуна цвима» (00031878, композитор А. Басилая).

Место поэта охотно занимают всякого рода «стихослагатели», «текстовики». С другой стороны, очевидно, что претворение в музыке высокохудожественного стихотворения — задача трудная и сложная. Не из-за этого ли некоторые композиторы предпочитают работать не с поэтами, охотно открывают «зеленую улицу» текстовикам?

«Песенное стихотворение», конечно, имеет свои специфические нюансы, но во всех случаях оно должно быть поэзией. Крылатая фраза Галактиона Табидзе — «Поэзия прежде всего!» — в равной мере относится и к словам, и к музыке.

Выход песен из национальных республик на широкую всесоюзную арену, конечно, сразу ставит и проблему поэтического перевода. Здесь многое следует выяснить и установить. Дело в том, что нередко в переводе стихи уже говорят совсем не о том, что было в оригинале. Между музыкой и словами возникает разлад, а между песней и слушателем — своего рода «отчуждение». Стихотворение уподобляется тому беспомощному младенцу из народной грузинской поговорки, чья речь понятна только матери. И с горечью думаешь порой, что уж лучше бы вовсе не переводили твою песню, чем предлагали ее в искаженном и изуродованном виде.

Перевод слов песни — сложнейший творческий процесс. Появляются и звучат у нас песни, переведенные с армянского и литовского, азербайджанского, узбекского... Мне думается, здесь нелишне вспомнить о распространенной у нас практике авторизации переводов, когда речь идет о поэзии или прозе. Не применить ли это хорошее правило и в переводах песен?

Впрочем, кто-то должен защитить и права тех поэтов, которых, увы, уже нет с нами. И даже поэтов-классиков. Один пример. О каком эстетическом восприятии поэтической первоосновы песни может идти речь, когда изумительный лирический шедевр великого Важа Пшавелы с очень хорошей музыкой, написанной Георгием Цабадзе, в русском переводе зазвучал таким образом:

Ты стоишь на том берегу,
Вай, как перейти мне реку?

Ты стоишь на том берегу.
Прыгнуть я к тебе не могу.
Я хочу тебя целовать.
Но поток не могу унять,
Мне обнять тебя
хоть бы так,
Но меня не пускает река...

Этот перевод Л. Колесникова не только исполнялся с десятков эстрад, но и вошел в сборник песен Г. Цабадзе «Ты стоишь на том берегу», выпущенный в Тбилиси Музфондом в 1966 году. Но это еще не все. Та же песня в том же переводе была опубликована также в сборнике песен того же композитора, изданном в Москве издательством «Музыка» в 1970 году, но... теперь уже за подписью Ю. Цейтлина. Слово в слово повторяются в нем все строки, кроме: «Мне обнять тебя хоть бы так» заменено на «Ты и сердцу, и взору близка». Лучше? Не знаю. Но неужели замена одной-единственной строки дает право авторства на перевод?

В сборниках песен под переводами стихов в одном случае пишут «русский перевод», в других — «русский текст», хотя по степени точности и верности оригиналу они не разнятся. Что кроется за этим смешением терминов? То ли скромность переводчика, испугавшегося, что он отошел от подлинника, то ли неуверенность в собственных возможностях? А может, еще что-нибудь?

Хорошая песня не может и не должна оставаться достоянием лишь одного народа, и лучшие песни, обретшие всесоюзную известность, являются доказательством того, что перевод, выполненный истинным поэтом, — непременное условие успеха песни. Словом, поэт, как это ни прискорбно, все еще нужен — и для создания стихотворения-песни, и для перевода.

ПОГОВОРИМ О ПЕСНЕ

ЗАВЕРШЕНИЕ ДИСКУССИИ

Марк ФРАДКИН

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ!..

В ДИСКУССИИ, начатой «Литературной газетой», речь шла о жанре искусства, близком и понятном не узкому кругу ценителей, а громадному большинству людей. Шел разговор о произведениях, которые сходят с подмостков, экрана, пластинки и начинают жить самостоятельной жизнью, вновь рождаясь по воле многомиллионных слушателей, превратившихся в исполнителей.

Не могу согласиться с мнением, высказанным в ходе дискуссии, что талантливые композиторы равнодушны к слову и стихи для них — «досадное подспорье». Или что иные поэты, «обезумев от успеха», изменяют своему таланту и принимаются «печь» тексты песен в огромных количествах.

Настоящий композитор не может быть безразличен к слову. Чем он талантливее, тем серьезнее относится к стихам, которым предстоит стать песней.

Приход в песню таких поэтов, как Е. Евтушенко, К. Ваншенкин, В. Солоухин, внес благотворную струю в песенную поэзию. И работа, к примеру, Р. Рождественского, на стихи которого в последние годы положено много песен, придала этому жанру совершенно новое поэтическое качество.

Конечно, от художника-песенника требуется известное мужество — ведь вот он, успех: и бурные аплодисменты, и «просьбы слушателей», и первые места в радиоанкетах. Что ж, настоящий художник обязательно должен считаться с тем, что нравится или не нравится сегодняшнему слушателю. Но не надо забывать, что именно он призван воспитывать вкус. А это обязывает прежде всего быть взыскательным к самому себе.

Да, спору нет, в зрительном зале всегда находятся люди, которым все равно, что и как поется, а важно лишь, кто поет. Это они, визжа от восторга, бегут к рампе, чтобы осыпать цветами своего кумира. Но «громких» слушателей — ничтожное меньшинство. Взыскательное большинство не так громко и часто аплодирует и не вскакивает с мест. Но именно оно решает судьбу песни. Наши лучшие песни — песни глубокого лиризма и высокой гражданственности — популярны именно благодаря этому чуткому, внимательному и куда более многочисленному слушателю.

Возьмите две лирические песни — «Темная ночь» и «В нашем доме появился замечательный сосед». Одна существует со времен войны, другая — совсем недавно. У каждой из этих песен был момент наивысшей популярности, когда ту и другую пели повсюду. Что же, это означает, что у них равный успех?

Ничуть! «Темная ночь» поется до сих пор с увлажненными глазами. А где наш «Замечательный сосед»? Где эта песня? Ее же пели на каждом углу! А теперь ее постесняется петь даже самый нетребовательный исполнитель.

Впрочем, пошлость, к сожалению, бывает очень липкой. Все мы знаем, как могут привязаться простенький мотивчик и незамысловатые слова. Все дело в легкости, кажущейся простоте, запоминаемости. Эта «легкая простота», лежащая на поверхности, опасно заманчива. И не только для публики, но для композитора и поэта, которым мерещится в ней пресловутая «эстрадность». Но это не та мудрая простота, которая так трудно дается. Это упрощенность.

Может показаться, что вся беда заключена в словах, что именно слова могут сделать хорошую песню плохой. Но, заметьте, совсем не так уж часто плохие стихи становятся песней благодаря хорошей музыке. Гораздо чаще им сопутствует столь же посредственная музыка. Словесный штамп опошляет и музыку, которая в этих случаях обычно бессодержательна и безлика. Сколько современных песен основано главным образом на ритмическом строе и ничтожной музыкальной фразе! Разве этого достаточно для хорошей песни? Можно ли вообще назвать хорошую песню без красивой мелодии? Возьмите музыку «Вечера на рейде» В. Соловьева-Седого или «Нежности» А. Пахмутовой, исполненной такого проникновенного лиризма! Разве их сравнишь с «Королевой красоты» или подобными?

Спору нет, современность принесла в песню новую ритмику, отказываться от этого не надо. Но бездумное использование новых ритмов в русской советской песне, имеющей свои глубочайшие традиции, калечит ее так же, как и легковесные стишата. Помножьте бессодержательный ритм на бесчувственные слова про номер телефона — и готов очередной шлягер. Живое ритмическое начало может на какое-то время увлечь молодежь, но затем, если в музыке и словах нет подлинного чувства, такая песня погибает навсегда.

В ХОДЕ дискуссии говорилось о том, что советская песня чутко реагирует на изменения, происходящие в сознании современного человека. Сегодня мы уже не можем писать, как несколько лет назад. Но вместе с тем мы обязаны сочетать изумительную традицию советской песни, накопленную за долгие годы, с новой гармонической структурой и новыми ритмическими приемами, свойственными современной музыке.

Почему снискала всеобщую любовь и признание во всем мире такая песня, как «Подмосковные вечера»? Ведь в ней нет модных ритмов, а ее поют везде. Во всякой хорошей песне, обогащенной народной традицией, нас всегда привлекает национальная основа. В «Подмосковных вечерах» чувствуется дыхание современного Подмосковья, а в музыке и словах, очень точно найденных, есть эта народная основа. Сочетание современного и традиционно народного привлекает к песне сердца.

Общечеловеческие понятия и чувства, выраженные в песне, всегда самые доходчивые. Так происходит с любой песней, которая отзывается на лучшее в человеке, говорит ему о чем-то сокровенном, навевает какие-то воспоминания.

А как только начинается перепев, подражание, плагиат, так сразу же теряется оригинальность, появляются банальность и штампы. Сколько возникло и у нас вокально-инструментальных ансамблей, которые усваивают лишь самое легкое и дурное: форсирование звука, танцевально-ритмическую структуру, убогость словесного оформления, но не могут найти ни музыки, ни подлинного чувства.

ПЕСНЮ создает триумвират — композитор, поэт, исполнитель. И мне кажется, что самое неустойчивое здесь звено — пожалуй, исполнитель. Есть композиторы, которые пишут для определенных исполнителей. Есть композиторы, которые сначала пишут песню, а потом уже думают о том, какому исполнителю ее отдать. И вот тут-то оказывается, что круг исполнителей узок и что вырваться из него чрезвычайно трудно.

Значит ли это, что у нас мало хороших певцов? Нет, конечно.

Но И. Кобзон, В. Трошин, Э. Хиль, М. Магомаев, Г. Ненашева, Л. Лещенко, Э. Пьеха при всем их таланте не могут исполнить все те тысячи песен, которые составляют сегодняшний песенный репертуар. Его исполняют сотни других певцов. А сколько среди них случайных на эстраде людей! Чтобы быть эстрадным певцом, мало иметь небольшой голосок и более или менее хороший слух. Все мы знаем певцов, одаренных природой, которые головокружительно быстро завоевали любовь и признание, но из-за полного отсутствия профессионального мастерства и желания совершенствоваться так же быстро превращались в посредственность.

Проблема культуры исполнительского мастерства — одна из самых наболевших. Даже в стихах песен, так много цитировавшихся, нет стольких примеров серости, штампов, безвкусицы, как в исполнении. Ведь песню еще надо сделать. Каждое ее исполнение должно быть маленькой премьерой, требующей от исполнителя полной самоотдачи, поисков неиспробованных средств выразительности — с обязательной поверкой их критериями взыскательного вкуса и высокой культуры.

У нас есть несколько певцов высокого класса, имеющих все потенциальные возможности разнообразить собственную манеру исполнения. А некоторые композиторы предлагают им песни, основанные на одних и тех же вокальных и исполнительских приемах. Чуткий, по-настоящему творческий контакт композитора с певцом взаимно обогащает обоих, помогая исполнителю находить какие-то новые грани своего дарования.

Здесь хочется сказать и о контакте певца со зрительным залом. Не о том контакте, когда определенная группа зрителей находится на грани истерики при одном только виде своего кумира, а об умении увлечь песней весь зал, о передаче слушателям внутреннего состояния певца. К сожалению, на эстраде преобладает малоэмоциональное исполнение, песня не **переживается**, а **излагается** более или менее хорошим голосом и с неизменной «открытой» улыбкой на лице.

А ведь хороший голос — далеко не главное качество хорошего исполнения. Песню можно и напевать вполголоса, а эффект будет потрясающим — вспомним хотя бы неподражаемого Леонида Утесова или Жоржа Брассанса.

Как мало песен ассоциируется в нашем сознании с именами определенных исполнителей молодого поколения, которые дали бы этим песням яркую творческую жизнь! В старшем поколении мы знаем Утесова, Бернеса, Шульженко. Мы связываем с ними даже не отдельные песни, а целые репертуары. Ведь именно они дали песням **неповторимую** жизнь. «Свои» песни есть и у Кобзона, Магомаева, Трошина. А много ли таких примеров в младшем поколении? И сколько прекрасных песен так и не нашли своих интерпретаторов, остались «нераскрытыми», «неспетыми»!

В заключение одно замечание. Центральное телевидение и Всесоюзное радио, получая множество писем, следя за репертуаром и за массовым распространением песни, сделали заключительный концерт «Песня-72». Об уровне этого концерта говорит даже перечень некоторых песен, исполненных в нем: «Березовый сон», «Гляжу в озера синие», «За того парня», «Ярославна», «Старый марш», а были еще и песни С. Тулинова, А. Пахмутовой, Я. Френкеля, О. Фельцмана и других. Жаль, что В. Соловьев-Седой в своей полемической статье так несправедливо оценил труд товарищей по искусству, сказав, что большинство песен, прозвучавших в концерте, «посредственные, тусклые, стертые». Конечно, не все песни были равноценными, но тусклых и стертых, как мне кажется, все же не было.

Песня неразрывно связана с жизнью народа, развитием вкусов, изменением мироощущения. Но наши новые создания тогда будут хороши, когда мы сохраним народное — национальное и социальное — своеобразие нашей песни. Таким, мне кажется, и должен быть путь ее развития — обогащаться, вбирая в себя все лучшее, но не изменяя самой себе.

ОТ РЕДАКЦИИ

Статьей критика Ал. Михайлова «Почему-то грустно кошке...» «Литературная газета» (№ 19, 1973) начала дискуссию о песне. Представив читателю многочисленные образцы крайне слабых песенных текстов, критик поставил вопрос о необходимости повысить внимание к поэтическому слову в песне. В следующем номере «ЛГ» дискуссию продолжил композитор Н. Богословский. В его статье речь шла о том, что композиторы не всегда требовательны в выборе стихотворного материала, а также об уровне исполнительского мастерства певцов, несущих песню в народ. Так определился тройной аспект дискуссии: поэт — композитор — исполнитель.

В ходе дискуссии выступили поэты К. Ваншенкин, Б. Окуджава, Л. Ошанин, Н. Тарасов, И. Шиляревский, композитор В. Соловьев-Седой, писательница И. Грекова, актер и автор песен М. Ножкин, критики М. Каратаев, Ст. Лесневский, С. Смоляницкий, В. Сухаревич, С. Чупринин. Дискуссия вызвала большой читательский интерес, и некоторую часть обширной читательской почты мы напечатали.

Сегодня выступлениями композитора М. Фрадкина и поэта М. Поцхишвили мы заканчиваем дискуссию о песне.

Что же показала дискуссия? Все ее участники сошлись на том, что разговор был начат очень своевременно. У нас создается немало хороших песен, отмеченных глубиной содержания и эмоциональным богатством. Но вместе с тем многое вызывает и тревогу. Кто в этом виноват — поэт, композитор или, может быть, исполнитель? И вообще — что «главнее» в песне, что определяет ее принадлежность к искусству, ее успех или неуспех — слова или музыка? На этот счет были высказаны разные точки зрения. И все-таки песня — особый жанр, равно принадлежащий и поэзии, и музыке. Жанр массовый, любимый народом, имеющий давние и прекрасные поэтические и музыкальные традиции. И потому успех песни возможен лишь тогда, когда совершенной музыке сопутствуют совершенные стихи. Другими словами, ответственность за песню в равной степени несут и поэты, и композиторы, и, конечно же, исполнители. С них спрос за положение в песенном хозяйстве, от них зависит будущее советской песни, которая не должна, не имеет права сдавать свои позиции. Именно это имел в виду В. Соловьев-Седой, когда писал:

«Разговор о песне, весьма своевременно начатый «Литературной газетой», оказался значительно шире, глубже и острее, чем он первоначально представлялся, а сила его детонации будет, вероятно, достаточно велика, чтобы эта проблема встала в повестку дня предстоящего съезда советских композиторов».

ТВ

МНОГОСЕРИЙНЫЙ ФИЛЬМ: ПОИСКИ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ

Михаил АНЧАРОВ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ — это мощное оружие человеческого разума — кое-кому все еще представляется малым дитятею: им можно умиляться, но всерьез о нем говорить рановато. Оттого-то иные статьи, посвященные телевидению, даже серьезные, интересные, начинаются с утверждения, ставшего уже тривиальным: «Телевидение прочно вошло в наш быт».

А может быть, хватит выдавать за откровение хорошо всем известный факт?.. Да, вошло! Да, прочно! Прочнее, пожалуй, и не придумаешь. Я убежден, что сегодня ни один разговор об интеллектуальной жизни нашего современника не может обойтись без учета влияния телевидения. С какой стороны ни подойти к этой теме — с политической, психологической, социологической, эстетической... А мы все еще пытаемся делать вид, будто этот ящик, стоящий на почетном месте почти в каждой квартире, существует сам по себе, отдельно от жизни его владельца. А это, между прочим, наше с вами окно в мир. Попробуйте-ка его заколотить!..

Вот уже несколько лет, как я не мыслю себя без этого нового, необычного, во многом еще непонятного, но властно притягивающего к себе искусства — искусства телевидения. Опыт мой, наверное, не очень велик, но для меня он был уникальным — все-таки семнадцать серий телеспектакля. «День за днем» с самого начала был экспериментом. Абсолютно неясно было, что из этого выйдет. Ясно было одно: надо пробовать, надо идти на риск, поскольку речь шла о новом жанре. А это, согласитесь, не каждый день происходит.

Что же это за жанр? Попробую рассказать. Наверное, мне неловко будет делать какие-то общие выводы, относящиеся ко всем многосерийным фильмам, спектаклям, передачам. Хотя, возможно, что-то из сказанного кому-нибудь и пригодится. Словом, я буду опираться на свой личный опыт — уж он-то для меня безусловен.

СРЕДИ огромного количества писем — откликов на «День за днем» особо выделяются две группы, как бы спорящие друг с другом. Одни зрители пишут так: хорошо, что спектакль развертывается медленно, что в нем нет острых сюжетных поворотов: наша жизнь столь динамична, насыщена информацией, что хочется иногда отдохнуть, поразмышлять, понаблюдать за неспешным течением будней. Другие товарищи, напротив, считают, что напряженный темп жизни заставляет ухватывать максимум информации в минимум времени, а потому наблюдать за действием, в котором, как они пишут, «ничего не происходит», — трата драгоценного времени.

Так вот, с этой точкой зрения я категорически не согласен. Мне кажется, нужно, наоборот, ограничивать такой поток информации, который сознание просто не успевает профильтровать, отделить необходимое от ненужного, случайного.

Что же, скажут мне, вы противник информации, вы хотите обречь людей на информационный голод? Не знаю, отвечу я, в этот момент я думаю о другом. Глубоко убежден, что не человек существует для информации, а как раз наоборот. Мы ведь прекрасно знаем, что любое растение может погибнуть от голода, а может и от перекорма.

Есть здесь и другая сторона. Я не могу согласиться с тем, что искусство — это информация. Если бы оно полностью исчерпывалось этим понятием, то было бы попросту не нужно. Тогда Пушкин мог бы написать: дядя мой самых честных правил, когда занемог не в шутку, он заставил себя уважать и выдумать лучше не мог. Такое получилось бы произведение. Информации в нем столько же, сколько в нетленных строках...

Вот что бывает, если влюбиться в новый термин и пытаться вложить в него все, чем искусство занимается. Конечно, пристрастие к этому термину понятно. Ведь речь-то идет о телевидении. Что оно такое? То ли средство информации, то ли особое искусство... «Информативное», что ли, искусство?

Не знаю. На эти вопросы пусть отвечают теоретики. А для меня, как, думаю, и для любого писателя, режиссера, актера, пришедшего на телевидение, вопрос звучит так. Как искусство должно выглядеть в этом загадочном ящике, который стоит у меня в комнате и который я могу выключить в любой момент? Вот в чем проблема... Как мне, автору спектакля или фильма, «зацепить» такого человека, сторонника «агрессивной» информации, которую он стремится скорее заполучить к чаю? Чем его «зацепить», если я не хочу делать остросюжетную вещь, а хочу показать повседневную жизнь, текущую вокруг меня?

А показать ее, на мой взгляд, просто необходимо. Ведь острый сюжет — это история о случае аварийном. Не каждый день такой в жизни человека возникает. Мне показалось обидным, что обычная, без происшествий жизнь хорошего человека вроде бы большого интереса не представляет. По мнению некоторых, нормальный человек тогда только становится интересным, когда ему кирпич на голову падает. А между прочим, он эти самые телевизоры делает и вообще создает ту самую информацию, которую так жадно хочет заполучить.

Конечно, чисто психологически я понимаю человека, который требует увлекательного зрелища. Но почему-то этот человек убежден, что интересным может быть абсолютно все, кроме... него самого. Вот мне и захотелось доказать обратное. Захотелось доказать, что он сам по себе интересен — сидящий с женой у телевизора.

ЗДЕСЬ мне могут сказать, что я ломлюсь в открытую дверь, что литература по крайней мере полтора столетия только тем и занимается, что показывает обычному человеку его самого.

Конечно. Кто же станет с этим спорить. Литература разработала сложнейшую систему выразительных средств, позволяющих микроскопически анализировать характер, слова, поступки человека.

А есть ли такое право у телевидения? По силам ли ему такая задача? Ведь куда как проще, надежнее, проверенное вставлять человека в различные острые ситуации, а потом благополучно извлекать оттуда, не потревожив и пылинки в его духовном мире. И все довольны — и авторы, и редакторы, и зрители. А где же характеры? Где течение жизни — неспешное, но полное скрытого смысла? Что с ними?

Однако имеет или не имеет такое право телевидение, может показать только дело. И оно показало, что огромное количество людей можно удержать у телевизоров. Не все приняли нашу работу, но даже многие из тех, кому она не понравилась, смотрели спектакль от начала до конца.

Конечно, я с удовольствием прошелся бы по всей этой вещи еще раз, если бы было время. Но его не было. Была задача — сделать максимальное в данных условиях. Телеповесть не была написана заранее, она писалась параллельно со съемками. Конечно, потери были неизбежны. Но я не сомневаюсь, что спектакли и фильмы, подобные нашему, приживутся на телевидении. Кто-то другой сделает лучше нас — и очень хорошо. Но он уже будет знать, что есть такой жанр. Ему не будут говорить, что нужен обязательно острый сюжет, что медленное, неспешное повествование оттолкнет зрителя от экрана. Ему не будут твердить, когда уже не остается аргументов, магическое заклятие: специфика телевидения требует...

Честное слово, как только мне говорят, что специфика какого-то искусства чего-то требует, мне хочется эту «специфику» немедленно опровергнуть. Когда мне говорят, что в искусстве из-за его «специфики» чего-то нельзя, я тут же начинаю доказывать обратное, ибо все эти требования отдают нормативной эстетикой.

НУ, А ВСЕ ЖЕ, существует эта пресловутая специфика телевидения? И если существует, то как ее учесть при работе над многосерийным фильмом или спектаклем?

Взглянем прежде на соседние искусства — театр и кино.

Особенность кинематографа, как известно, заключена в монтаже. Я бы сказал так: кино работает осколками. Но хорошее кино из этих осколков делает концентрат. Скажем, показывают жизнь человека от младенчества до старости в одном фильме. Если фильм хороший, то пропущенное неважно, ибо мы получаем общий взгляд на жизнь этого человека. Пропуски в кино — огромная сила. Я сижу в кинотеатре, в массе зрителей, зараженных одним и тем же волнением, и это волнение, передаваясь мне, дополняет пропущенное в фильме.

Совсем иное дело — театр. Собственно, что такое специфика? Это когда все можно отменить, кроме какого-то последнего качества. Так вот, в театре можно отменить все, кроме живого актера. Актер — пехота театра. Там, в штабах, заранее составляли планы, продумывали, готовились. Но осуществить эти планы может только он один — актер. Он выходит на сцену, и никто его спасти не может, перед ним зрительный зал, который он должен привязать к себе крепчайшими узами, заставить его рыдать, смеяться или негодовать...

Телевидение не имеет «живого» актера. И оно не может использовать кинематографический монтаж, не соответствующий плавному, неторопливому, размеренному ритму восприятия телепередачи. Но у телевидения есть своя, незаемная особенность. Соприкоснувшись с телевидением, я вот что понял: телевизор смотрит не тот человек, который идет в театр или кино. Тот хочет вырваться из будней, из домашней обстановки, хочет встряхнуться. А человек, сидящий перед телевизором, наоборот, весь день был в горячке, а теперь хочет посидеть, подумать. Но человек — существо социальное, ему нужен собеседник. Вот телевидение и поставляет ему такого собеседника, который, не мешая уединению зрителя, создает тем не менее атмосферу общения.

Словом, телевидение — это особая форма общения. Это особое искусство, которое позволяет зрителю размышлять, мечтать, думать, общаться с самим собой. И это уникальное качество телевидения надо не отстранять, а, наоборот, использовать, эксплуатировать, закладывать его в фундамент произведения. Сюжет на телевидении должен быть так организован, чтобы человек мог думать во время действия, а не потом. Знаете, в рецензиях часто пишут: фильм (спектакль) кончится, а зритель еще долго будет размышлять об увиденном. Так вот, я убежден, что на телевидении размышлять надо не потом, а тут же, сейчас, по ходу действия передачи. Потом будет поздно, потом вы начнете смотреть хоккей и забудете до следующей серии о людях, с которыми только что подружились.

Вот в таком соразмышлении и заключен живой контакт зрителя с телевидением.

А материал может быть любой. Бытовое повествование вовсе не обязательно. Оно может быть комедийное, историческое, биографическое, приключенческое. На мой взгляд, лучшее в «Семнадцати мгновениях весны» — это когда герои общаются друг с другом и вовлекают в это общение зрителя.

Общение — вот что нужно людям. Долгое, неторопливое, обстоятельное общение, чтобы можно было привыкнуть к человеку, узнать его, полюбить или возненавидеть. А на это, как вы понимаете, одной серии мало. Нужно много серий. Вот почему я считаю, что многосерийность — это не прихоть телевидения, а его, быть может, главная сила, мощь которой нам еще предстоит узнать.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

В Институте истории искусств Министерства культуры СССР состоялась научно-творческая конференция, посвященная проблемам современной советской драматургии. Конференцию открыл директор института доктор филологических наук Ю. Барабаш. С докладом выступил доктор искусствоведения А. Анастасьев.

В работе конференции приняли участие драматурги, режиссеры, ученые, критики, журналисты. В прениях выступили В. Розов, В. Соловьев, Д. Валеев, главный режиссер Малого театра Б. Равенских, доктора искусствоведения Ю. Дмитриев, В. Фролов, Е. Горячкина-Полянова, кандидат искусствоведения И. Вишневская, В. Сахновский-Панкеев, Ю. Стааинишевский, В. Голдобин, А. Кеслер и др.

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ!

БОРБА «НАШИ ОТНОШЕНИЯ НА ПОДЪЕМЕ»

Накануне встречи и бесед в Киеве Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева и президента СФРЮ, председателя Союза коммунистов Югославии Иосипа Броз Тито белградская «Борба» опубликовала комментарий П. Вукович, посвященный 56-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. В комментарии, в частности, говорится:

Прошло 56 лет с тех пор, как залпы ныне легендарной «Авроры» возвестили человечеству о наступлении новой зари. Рабочие и солдаты Петрограда пролили свою кровь ради того, чтобы открыть новые страницы в истории мира. С тех пор эти страницы, несмотря на временные огромные трудности и всеобщие драмы, какой явилась последняя мировая война, отображают все более многочисленные, все более крупные и все более решительные победы рабочего класса и трудящихся.

Октябрьская революция и Ленин стали неразрывным достоянием всех прогрессивных сил на нашей планете и дали им замечательный импульс выстоять в их борьбе. На своем пути социалистического развития Советский Союз ценой больших лишений достиг крупных экономических успехов и стал одной из самых мощных стран современности...

Являясь неотделимой частью всеобщего мирового социалистического процесса, Югославия на любом этапе международного развития остается в первых рядах борьбы за более демократические и равноправные отношения на мировой арене, за уважение интересов каждой страны, независимо от ее размера...

В последние несколько лет исключительно важное значение имели встречи и переговоры между товарищами Тито и Брежневым. Югославо-советские отношения переживают постоянный подъем. Уровень взаимного сотрудничества в ряде областей является поистине высоким, и это лишь подтверждает, что избранный путь является хорошим, что он дает полезные и плодотворные результаты, что можно и необходимо выявлять новые возможности для будущих успешных двусторонних свершений. Практика диалога на самом высоком и других уровнях неоднократно подтверждала в данный период свое положительное влияние на развитие взаимных отношений, и поэтому принципиальная договоренность, чтобы она развивалась и ее как можно чаще использовали, по праву пользуется одобрением и сильной поддержкой с обеих сторон.

Харш Део МАЛАВИЯ: «Л. И. БРЕЖНЕВ — ВЕРНЫЙ ДРУГ ИНДИИ»

В интервью для «ЛГ» депутат парламента Индии, член правящей партии Индийский национальный конгресс, генеральный секретарь Всеиндийской организации мира и солидарности Харш Део Малавия заявил:

— Время подтвердило правильность политики всестороннего укрепления дружественных отношений с Советским Союзом, политики, которую начал проводить Джавахарлал Неру, первый премьер-министр независимой Индии. Индийский народ всегда будет признателен Дж. Неру за то, что он тем самым дал Индии надежное и мощное оружие в борьбе за лучшее будущее.

Отношения дружбы и тесного взаимовыгодного сотрудничества успешно развиваются между нашими странами и сейчас, когда правительство Индии возглавляет Индира Ганди. Эти отношения нашли свое логическое отражение в подписании Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, документа исторической важности и огромной ценности. Как подчеркнула премьер-министр Индира Ганди, «крепнущая дружба наших стран является важнейшей и неотъемлемой чертой современного развития международной обстановки. Эта дружба выдержала суровые испытания временем».

Мы уверены, что в результате предстоящего визита в Индию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева эти отношения будут подняты на еще более высокий уровень. Искренние симпатии и теплые чувства дружбы Л. И. Брежнева к нашему народу хорошо известны. Впервые Л. И. Брежнев посетил Индию в декабре 1961 года в качестве Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Генеральный секретарь ЦК КПСС проявляет глубокий интерес ко всем событиям, происходящим на южноазиатском субконтиненте. В своем докладе на торжественном заседании в Москве, посвященном 50-летию образования СССР, Л. И. Брежнев подчеркнул, что дружба Советского Союза с Индией оказывает огромное позитивное воздействие на развитие международной обстановки в целом. Показательно, что в своем важнейшем для судеб мира выступлении на Всемирном конгрессе миролюбивых сил Л. И. Брежнев специально подчеркнул, что Республика Индия дает «пример соединения последовательной политики мира и демократического решения внутренних задач» и что, «решая шаг за шагом внутренние социально - экономические проблемы, индийский народ существенно укрепляет базу своей миролюбивой внешней политики».

Теперь, когда наши отношения базируются на прочном фундаменте Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, мы считаем, что связи между нашими странами станут еще более тесными.

Индия и Советский Союз объединены общностью идеалов антиимпериалистической борьбы, стремлением к всеобщему миру и прогрессу человечества. Коммунистическая партия Советского Союза, советские люди все эти годы верно следовали заветам Ленина, традициям дружбы и солидарности с индийским народом, со всеми народами Азии.

Индия всегда с глубокой признательностью отмечала тот факт, что политика Советского Союза в отношении нашей страны как в политической, так и экономической сферах имеет целью укрепление нашей независимости. Оказываемое Советским Союзом содействие в развитии государственного сектора в нашей экономике помогает активно отражать интриги империализма и неоколониализма, пытающихся сдержать экономический рост Индии.

Общая для обеих стран приверженность идеалам борьбы против империализма, за свободу народов, за всеобщий мир — в этом прочная основа индийско-советских отношений. Корни этой дружбы чрезвычайно глубоки. Вот почему индийско-советские отношения будут крепнуть изо дня в день.

Индия с нетерпением ожидает визита Л. И. Брежнева. Это событие поднимет на еще более высокий уровень наши дружественные отношения. В лице Л. И. Брежнева мы видим великого руководителя, который всегда стоял на стороне Индии в трудные для нее времена.

Нет никакого сомнения в том, что верного и искреннего друга Индии ожидает самый радушный и сердечный прием на древней индийской земле.

Вл. МАТЯШ, А. ШАЛЬНЕВ,
собственные корреспонденты ТАСС — специально для «Литературной газеты»

ДЕЛИ. (По телефону)

С МЕСТА СОБЫТИЙ

ЕГИПЕТ СОХРАНЯЕТ БДИТЕЛЬНОСТЬ

Читателям «Литературной газеты» уже известно о подписании представителями АРЕ и Израиля протокола о соблюдении прекращения огня и военных действий и возвращении войск на позиции, занимавшиеся ими 22 октября. Этот протокол каирская печать рассматривает в качестве первого практического шага по претворению в жизнь резолюций Совета Безопасности ООН 242 от 1967 года и 338 и 339 от 1973 года.

Египтяне хорошо знают вероломный характер своего противника. Особенно наглядно он проявился вечером 22 октября, когда вопреки резолюции Совета Безопасности ООН о прекращении огня, с которой согласился Тель-Авив, израильские войска развернули наступление на западном берегу Суэцкого канала. Поэтому и сейчас еще в некоторых городах Египта сохраняется светомаскировка, продолжаются дежурства добровольных отрядов гражданской обороны, усилена охрана промышленных предприятий и государственных учреждений. Работа продолжается, как в условиях военного времени.

Проблема восстановления городов и деревень в районе Суэцкого канала и Синайского полуострова — в центре внимания египетского правительства. Готовятся проекты по восстановлению разрушенных войной жилищ и предприятий. Вторая очередь работ, рассчитанная на 20 лет, предусматривает дальнейшее развитие промышленности и сельского хозяйства в районе Суэцкого канала и Синайского полуострова. В частности, планируется расширение пресноводного канала от Нила до Исмаилии по трубам, которые намечается уложить под Суэцким каналом. Нильская вода пойдет на Синай, где предполагается оросить тысячи гектаров пустынных земель. Намечается также строительство туристических центров и курортов. Осуществление всех этих планов зависит сейчас от того, насколько быстро будет достигнуто урегулирование и установлен подлинный мир на Ближнем Востоке.

Свои надежды на установление справедливого и прочного мира египетская общественность в значительной мере связывает с укреплением и развитием дружественных отношений с Советским Союзом. Показательно, что в Египте особенно широко была отмечена 56-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. На первых страницах каирских газет было опубликовано приветственное послание президента АРЕ Анвара Садата советским руководителям, в котором дается высокая оценка помощи СССР арабским странам в их борьбе против израильской агрессии, отмечается большая заслуга Советского Союза в оказании помощи всем народам, борющимся за свою свободу и независимость.

По случаю годовщины Великого Октября в Каире состоялось торжественное собрание. В нем приняли участие министры египетского правительства, члены правления Общества египетско-советской дружбы, представители общественности египетской столицы. Выступивший на вечере председатель правления Общества египетско-советской дружбы заявил, что, верный ленинским принципам внешней политики, Советский Союз использовал всю свою мощь и вес на международной арене, чтобы помочь правому делу арабов.

Говоря о работе форума мира в Москве, генеральный секретарь Египетского совета мира Халед Мохи эд-Дин указал на то глубокое впечатление, которое произвела на всех участников конгресса речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. В этой речи Л. И. Брежнев дал четкий анализ происходивших событий и подтвердил принципиальную позицию СССР в деле ближневосточного урегулирования.

Виктор КУДРЯВЦЕВ, Юрий ТЮНЬКОВ,
собственные корреспонденты Советского телевидения и радио — специально для «Литературной газеты»

КАИР. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В НОЯБРЕ...

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

СТРАННАЯ АРИФМЕТИКА

«Нью-Йорк таймс» откликнулась на Всемирный конгресс миролюбивых сил. Подвела, так сказать, его итоги. Результат конгресса, констатировал автор статьи, — «ничейный». Констатировал, будто наблюдал матч по бейсболу.

Кто же участвовал в «игре»? Конечно же, Восток и Запад. Какой приз разыгрывался? Разрядка. Газета утверждает, что цель Кремля заключалась в том, чтобы «склонить более широкие круги общественности на Западе к поддержке советского стиля разрядки напряженности». И вот тут, дескать, «Москва свела игру вничью».

Обращает на себя внимание новая терминология: у разрядки появились разные «стили». До сих пор считалось, что у разрядки напряженности есть один только смысл, одно значение, зафиксированное, кстати говоря, и в советско-американских документах, подписанных в Москве и Вашингтоне. Оно включает в себя такие понятия, как безопасность, мирное сосуществование, сотрудничество. И именно об этом шел разговор на Всемирном конгрессе. И именно поэтому он смог собрать людей столь различных политических, социальных и религиозных убеждений. Их объединило то обстоятельство, что все они одинаково осмысляют и трактуют понятие «разрядка напряженности».

Ну, а почему же итог форума признан «ничейным»? Автор статьи, взявший на себя роль спортивного рефери, подсчитал очки так: поскольку в комиссии по социальным проблемам и правам человека представительница Бельгии и священник из США выступили с антисоциалистическими выпадами, следовательно, это уравновесило «шансы сторон». Странная арифметика, если учесть, что на этой же комиссии выступило еще около шестидесяти ораторов, не разделивших точку зрения тех двоих.

Далее газета признает, что на конгрессе присутствовали «независимые западные группы». Но они, оказывается, по словам «одного западного делегата» (фамилия этого «одного» не указана), «в своих высказываниях проявили сдержанность». Отчего бы это? А оттого, видите ли, что им было «неудобно занять такую позицию, которая не соответствовала бы общей атмосфере».

Но вот от абстрактных рассуждений автор переходит к конкретике. Он утверждает, к примеру, что представитель одной из таких «независимых западных групп», заместитель председателя Международного подготовительного комитета Шон Макбрайд в своем выступлении на комиссии проявил эту самую «сдержанность». Я слышал его речь, и в моем блокноте записано следующее: «Ш. Макбрайд выразил благодарность Советскому Союзу за то, что тот одним из первых ратифицировал документы ООН по правам человека...» А вот весьма сдержанно г-н Макбрайд говорил о тех странах, где до сих пор не желают их ратифицировать, а следовательно, и претворять в жизнь.

Нет, как ни считай, ничьей не получается, ибо ничья в международном смысле — это вновь «равновесие страха». Получается только победа. Победа тех, кто за разрядку напряженности. И об этом в полный голос сказал Всемирный конгресс, горячо приветствовавший новый миролюбивый вклад СССР, выразившийся в важнейшей речи на конгрессе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева.

М. МАКСИМОВ

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ШТРИХ

ПОЧЕМУ ПЕКИН ЗАИСКИВАЕТ ПЕРЕД ХУНТОЙ

Парижская газета «Круа» так оценивает позицию КНР в связи с переворотом, совершенным военной хунтой в Чили:

Правительство Пекина проявило удивительную сдержанность по поводу событий в Чили... Не было опубликовано никакого официального заявления. Комментарии китайской печати и радио были крайне умеренными. С тех пор в пекинских газетах ни разу эволюции положения в Чили не отводили много места и по-прежнему сохраняется та же сдержанность, что и в первые дни.

В то время как Ханой, например, публиковал очень резкие редакционные статьи о реакционном характере государственного переворота и о роли Соединенных Штатов в этом деле, Пекин чаще всего ограничивался изложением некоторых общих информаций или ссылался на иностранные источники. Даже телеграмма, которую премьер Чжоу Энь-лай направил 14 сентября г-же Альенде, была очень умеренной.

10 октября стало известно, что китайское правительство сообщило послу Чили в Пекине Армандо Урибе, что Китай не признает его больше послом. Это решение было принято в связи с сообщением, полученным от чилийских властей, информировавших китайское правительство о смещении посла.

Фактически китайская позиция была равносильна признанию чилийского военного правительства. По крайней мере именно так наблюдатели истолковали это решение.

Политика, которую проводит Пекин в отношении нового чилийского правительства, является очень четкой... Правительство Пекина пытается действовать вразрез с позицией СССР. По-видимому, и на этот раз главной пружиной китайской политики является антисоветизм.

САНТЬЯГО СЕГОДНЯ: ПАТРИОТЫ ПОД ДУЛАМИ АВТОМАТОВ.
— *Неподалеку от посольства Пекина, аккредитованного при военной хунте...*

ТЕЛЕКС

ВЕНГЕРСКИЙ МАРТЕН В КЕНИИ

Венгерские предприятия тяжелой индустрии впервые вышли на восточноафриканский рынок. В Найроби был подписан контракт на поставку оборудования для сталелитейного предприятия «Ист африкен миллс» в Момбасе. Поставки начнутся в будущем году, а к концу 1974 года мартеновская печь даст свою первую продукцию.

ТАСС

КОГДА ЦЕНЫ ВЫРОСЛИ НА 1800 ПРОЦЕНТОВ

Министр экономики чилийской хунты Ленис обратился к капиталистам с просьбой снизить цены, которые стали «свободными» после государственного переворота. Цены были повышены на 200—1800 процентов, в то время как заработная плата была заморожена.

ТАСС

БЕГУТ В ГОНКОНГ

Между Англией и КНР начались переговоры с целью затормозить растущий приток китайских иммигрантов в Гонконг. Газета «Гонконг стандард» указывает, что за последние семь дней в Гонконг прибыли 3 300 иммигрантов, тогда как за весь 1971 год число иммигрантов составило 2 269 человек.

Франс Пресс

ЛИМУЗИНЫ ДЛЯ ГЕНЕРАЛОВ

Крупная английская автомобильная фирма «Лейланд» преподнесла чилийской военной хунте четыре роскошных автомобиля стоимостью в 10 800 фунтов стерлингов. Торжественная церемония передачи этих машин в Сантьяго вызвала резкую критику прогрессивных кругов Англии.

«Дейли телеграф» (ЛОНДОН)

«РАССЕЛ-2»

В Брюсселе объявлено о создании трибунала «Рассел-2», в задачу которого будет входить, в частности, расследование преступлений, совершаемых в настоящее время военной хунтой в Чили. Среди членов международного жюри трибунала — ряд видных общественных и политических деятелей многих стран мира, в частности, бывший посол правительства С. Альенде в Пекине А. Уриб Арсе, лауреат Нобелевской премии профессор Дж. Уолд (США), сенатор Лелио Басо (Италия) и др. Первая сессия трибунала состоится в марте 1974 года поэтапно в Риме и Брюсселе.

ТАСС

С ПОЛИЧНЫМ!

ТРУДНАЯ ЖИЗНЬ РОДЖЕРА ЛЕДДИНГТОНА

Летом 1970 года, едва покинув университетскую скамью, в московском бюро американского агентства Ассошиэйтед Пресс объявился новый корреспондент — Роджер Леддингтон. Молодой, без всякого журналистского опыта, своим появлением в Москве он вызвал немалое удивление зарубежных коллег. Но сам же и рассеял это удивление, без лишней скромности признавшись, что его родитель приходится ближайшим другом президенту Ассошиэйтед Пресс.

Поначалу в беседах с коллегами Леддингтон с жаром говорил о своем желании «глубоко и объективно» освещать важнейшие аспекты жизни СССР, как-то: постановку народного образования, советское искусство («я начну с прославленного русского балета»), организацию здравоохранения («охрана детей и материнства в СССР — вот о чем надо писать!») и т. д. и т. п.

Каково же было недоумение тех, кто не раз слушал разглагольствования юного Леддингтона, когда первый его материал оказался посвященным... подушкам! Назывался он «Подушечный дефицит в Москве», а весь немудреный смысл его сводился к тому, что москвичи-де спят без подушек. В дальнейшем «освещение важнейших аспектов жизни в СССР» (таково было обещанное кредо!) свелось, по существу, к описанию и фотографированию очередей на московских рынках и в магазинах. Исчерпав «московскую тему», Леддингтон двинулся автомашиной в Ленинград.

Поездка ему не понравилась. Об этом недвусмысленно свидетельствует заголовок опуса, появившегося из-под его пера, — «Испытание на выносливость».

Попробуем же разобраться, какое «испытание» пришлось перенести Леддингтону в пути.

В начале поездки он, как неофит, удивлялся тому, что деревни ярко освещены электрическим светом, на крышах большинства домов видны телевизионные антенны, а водоразборные колонки снабжены электроприводами. (Быть может, отправляясь в путешествие, он ожидал увидеть в советской деревне сальную свечу и курную избу под соломенной крышей?) И тут же Леддингтон пожалел о тех далеких, навеки ушедших временах, когда хозяева постоялых дворов вдоль дороги принимали на постой путешественников только дворянского происхождения. А современные мотели, гостиницы и кемпинги в Новгороде, на Валдае и в Калинине, открытые и доступные каждому туристу, — мимо них Леддингтон проехал так, как если бы их не существовало вовсе.

Ни ресторанов, стилизованных под старинные русские избы, ни чайных, ни кафе, ни столовых и закусочных, имеющихся во всех городах, поселках и деревнях вдоль шоссе, он тоже не заметил. Как, кстати, не увидел ни Дома-музея великого русского композитора Чайковского в Клину, ни памятников русской архитектуры, мимо которых ехал. Зато где-то он приметил лошадь в упряжке, из чего немедленно сделал вывод: таковы современные транспортные средства в Советском Союзе...

Зрению Леддингтона присуща одна индивидуальная особенность — видеть (или представлять) все негативно. Что есть, того одновременно вроде бы и нет. Вот встречается, к примеру, на пути заправочная станция, а он, бедняга, ее не видит и очень боится остаться с пустым бензобаком.

Но все это, как говорится, цветочки, распустившиеся на заре деятельности Леддингтона в Москве. Свое истинное призвание он обрел позднее, когда сблизился с кучкой отщепенцев, называвших себя «борцами за демократию и человеческие права», а на деле являвшихся пособниками НТС и других антисоветских организаций за рубежом. Как показал недавний процесс над Якиром и Красиным, Леддингтон стал самым, пожалуй, доверенным лицом этих антисоветски настроенных отщепенцев.

Всячески расписывая и расхваливая их деятельность, Леддингтон объективно превратил московское бюро Ассошиэйтед Пресс в передаточный пункт антисоветских клеветнических материалов на Запад. Нужна сенсация — извольте. Не простая, а «эксклюзивная», такая, которую добыл бы лично Леддингтон, и только он один,— пожалуйста. В конце сентября, например, некий бывший уголовник, поддавшись на уговоры Леддингтона, жаждавшего сенсаций, появился на одной из московских площадей с плакатом провокационного характера, а уж Леддингтон был тут как тут, вышел из машины и сфотографировал его. Характерно, что Леддингтон даже не ссылался на стандартную отговорку западных корреспондентов о том, что он, дескать, «случайно оказался на месте происшествия», — настолько очевидной была эта запланированная «акция».

Сам по себе Леддингтон довольно видный молодой парень. Но вряд ли это может оправдать некоторые его амурные приключения или попросту антиобщественные поступки в некоторых советских городах. Вот, например, что написал в докладной записке о поведении Леддингтона метрдотель ресторана в Тбилиси: «Несмотря на то, что ресторан был уже закрыт из-за позднего времени, официантка решила сделать любезность и обслужить иностранца. Этот иностранец повел себя раздраженно, стал грубить, кричал на официантку, а принесенную еду вылил из тарелки на скатерть...».

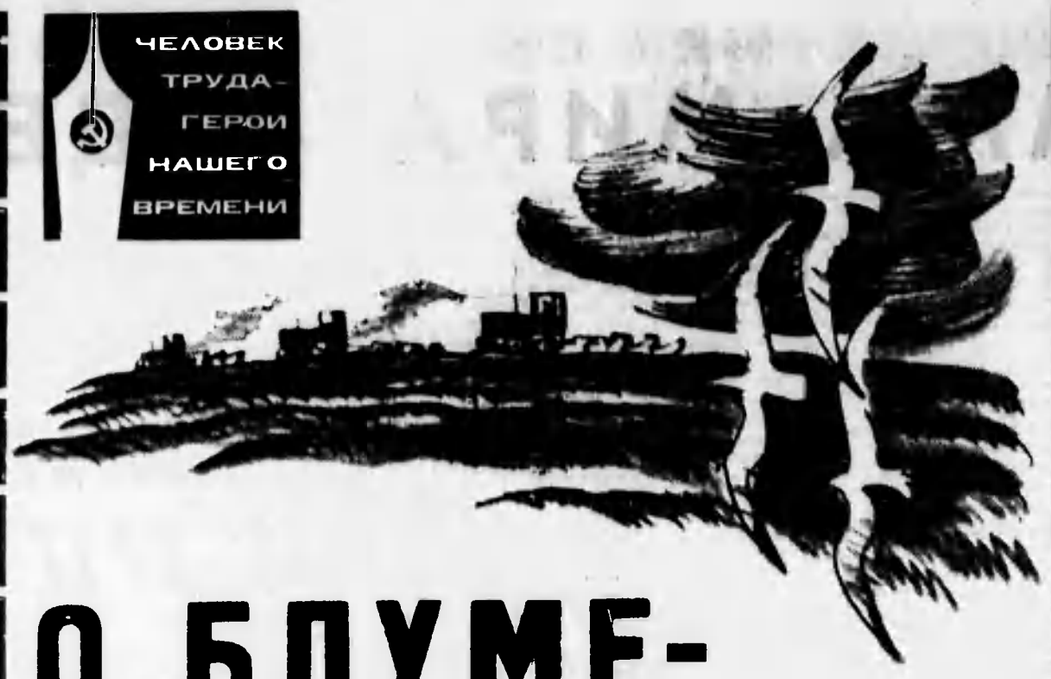
Таковы штрихи к «портрету» Роджера Леддингтона.

Сейчас, когда предпринимаются шаги к улучшению отношений между Советским Союзом и США, деятельность московского корреспондента Ассошиэйтед Пресс Роджера Леддингтона выглядит по меньшей мере не отвечающей духу и требованиям времени.

Иногда приходится слышать, как некоторые не в меру бойкие журналисты вроде Леддингтона говорят о том, что с американским корреспондентом в Москве будто бы «побоятся» обойтись решительно, учитывая нормализацию советско-американских отношений. А что если взглянуть на дело по-другому? Ведь развитие межгосударственных отношений не только не пострадает, но и выиграет, если разные господа леддингтоны не будут ему мешать.

А. ИВАНОВ

ЧЕЛОВЕК ТРУДА — ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ



О БЛУМЕ — ПРЕДСЕДАТЕЛЕ И ДРУГИХ

Имант ЗИЕДОНИС

ЭТА ОСЕНЬ очень беспокойная. Так мог бы я назвать одну из глав своей книги. Так можно было бы назвать один день, проведенный в колхозе. Так можно назвать всю жизнь, прожитую председателем. Так всегда чувствуешь себя сжатой пружиной, всегда готов к прыжку. Сделай вот это дело — и отдыхай смело, сделай еще это дело — и отдыхай смело. Сто двадцать дел в день, а с отдыхом все как-то не получается. О Блуме в районе сказали так: взрывчатая энергия, способен создавать нечто из ничего. Но вот Блум в постели — лежи, старина, хочешь не хочешь. Хотя районные врачи и делают все, что в их силах, а все равно в голос кричишь. Ногу поднимаешь обеими руками, чтобы улечься в постель, — до того она стала чужой какой-то и болезненной. Словно сам дьявол ее оторвать пытается. Боль утихает только тогда, когда вспоминаешь о том, что так и осталось на полдороге, незаконченным. Ну да ладно, люди-то ведь работают. Блум своих агрономов и других специалистов всегда учил так: бросит их, как ребенка в океан, пусть сам выплывает! Попросту говоря, оставит человека одного—распоряжайся, командуй, председателя нет, уехал в Ригу, в Москву, вернется нескоро. Действуй!

Эгил, к примеру, только что начал работать агрономом, когда у председателя случились неприятности (о них так просто не расскажешь, да и все теперь уже знают, что не было за ним никакой вины). Эгил остался один посреди поля, попав сюда прямо из техникума. Пришлось руководить. И он с честью справился с этим.

Вильгельму было восемнадцать лет от роду, когда Блум сказал ему: вот тебе печать! А сам уехал в отпуск. Взвалит на тебя ответственность, и волей-неволей приходится тянуть воз. Он приезжает из отпуска, а у меня еще нет семенного клевера. Рычит. Как же я метался! Всю душу в это вложил.

А все равно на душе неспокойно. Одно дело — оставить их одних с педагогической, так сказать, целью, для тренировки, понаблюдать за ними, и совсем другое — свалиться в постель, с которой, поди знай, когда встанешь. Что ни ночь — снится, будто тебе надо связать две веревки, найти два конца, а они короткие, и каждый тянет в свою сторону. Слишком короткие! Будь у меня три руки! Ведь нужно сразу и тянуть, и связывать. Просыпаешься весь в поту. А потом опять чудится, будто какой-то пароход уплывает и ты пытаешься удержать его, привязать к причалу, или вагон отцепился и одной рукой ты держишь его, другой — стараешься прицепить к составу. Фермы надо сцепить с поселком, а поселок — с лимитом, лимит — с бюджетом, а бюджет — с производственными мощностями, мощности — с кадрами, а кадры... Иногда один конец у тебя в руках, а второй не знаешь, где искать. Шаришь рукой в темноте — к чему бы привязать, чтобы он снова не ускользнул. И вечно эти концы приходится соединять за счет собственной воли и энергии. Любой вопрос надо самому держать под уздцы, как лошадь. А вопросам этим конца нет. Мечешься, словно среди табуна коней, все время сдерживаешь их, собираешь вместе, и только за счет своих собственных сил. Человек, видно, быстро от этого изнашивается. Сам не знаешь, когда ты успел столько недугов нажить.

А все еще только на полдороге. Валяться не время. На полдороге крестьянин — от хутора к поселку. И даже тот, кто уже перебрался в поселок, даже он еще на полдороге — молодая пара спешит к маме на хутор за молоком. Это выгодно. Пока у 70 процентов колхозников есть свой скот, семья живет раздельно: старики — на хуторе, молодые — в поселке. Колхоз должен был бы продавать своим молоко, да не может пока, не получается.

Парень, вернувшийся из армии, тоже на полдороге. Вроде зайца. И туда глазами косит, и сюда. Старый человек свое дело сделает в любом случае, вечером он, может, ползком домой добирался, но с утра—на месте, и что поручено — выполнит. Молодой считает, что ему в таких случаях чуть ли не бюллетень полагается.

Проектные институты тоже на полдороге. Они то, впрочем, все время на полдороге торчат. Все они только наполовину успевают сделать. Даже над типовыми проектами работают годами. А колхоз за это время ушел вперед — и, глядишь, они снова на полдороге. И вечно они пытаются реализовать уже существующие проекты, то есть тот товар, который следовало бы уценить, но который никак не уценят. Чем более устарелый проект они сбывают с рук, тем больше радуются — отделались от залежавшегося товара.

На полдороге? Это на тарахтелке по лужам. На мопеде. Это штуковина повышенной проходимости. Потому что и сами дороги — на полдороге. Старые большаки мы распахиваем тракторами и пускаем под посевы, а новые еще не годятся для тяжелой техники. Потому-то столько дорог и расползлось, как блины на сковородке, этой необычно дождливой осенью повсюду, где проходили через них трелевочные тракторы украинских лесорубов. Дороги раскисли и оползли в придорожные канавы. Их надо прокладывать заново.

Проходя по Курземе, я обратил внимание, что нет бань. Не говорит ли это о том, что и человек находится на полдороге? От бани к ванной. Маленькие баньки исчезли. А новых домов с ваннами еще мало. Новых механических мастерских, оборудованных душами, тоже пока мало. Где люди моются? Или ходят немытыми? Или латгальцы чистоплотнее курземцев? Поневоле станешь так думать, в Латгалии банек еще много.

Не стоило начинать разговор об этом. Блума и так перемалывали между двумя жерновами. С одной стороны, колхозники на правлении негодуют: «Что мы, не заслужили, чтоб у нас баня была?» С другой стороны, Госстрой требует отдать виновных под суд. И Блума в том числе. За какие грехи? В чем он виновен? Правление решило, колхозники этого хотят, и это им необходимо. Колхозники имеют юридическое право и моральное тоже. Ведь производственные постройки возведены. Нужна баня. Ну, а что теперь с этой баней будут делать? Она не достроена. Не разрешат достроить? Снесут ее? Что ж, пусть сажают меня в тюрьму! Будет еще одна возможность отдохнуть. Сделай-ка это дело — отдыхай смело. Сделай и это дело — отдыхай смело.

Да только ни черта не отдохнешь. Время это беспокойное, да, да. За что ни возьмешься, повсюду ДДПП. Это принцип такой: давай, давай, потом посмотрим. В «Яунайс комунарс» ничего страшного не случится, но есть у него свои враги и свои защитники. Если подошло время какой-то кампании — стало быть, давай, что потом — за это кто ответит? За это отвечу я.

Оттого-то мне и надо выбраться. Выбраться из больницы, и как можно скорей.

Думаешь, не ждут? И как еще ждут!

Осенние вечера. Промозглые, темные, под ногами чавкает грязь. Сторожиха обходит мастерские, обходит гаражи, а потом греется в котельной. Здесь можно потолковать. Председателя? Думаете, не ждут?

Бывает, расстроишься, дальше некуда, услышишь, как он говорит, — все вроде на свое место становится.

Хотели однажды взять его от нас. Мы — ни в какую. Тут же все из зала вышли. И всегда он так все устроит, что это не обернется плохим, и человек внакладе не останется. (Если, конечно, это действительно человек.) И все дела идут, как положено, насколько это от него зависит.

Сама жизнь показывает. Я-то помню, когда в четвертый класс ходила — один кустарник вокруг. Вроде полигона — кусты да кусты. А теперь посмотришь... Тогда они начинали с тридцати двух баллов, некоторые поля оценивались в пятнадцать баллов. А теперь земля обработана до сорока баллов. Это уже хорошая земля. И все потому, что он сил не жалеет. Ничего у нас сначала не получалось. Многие здесь перебывали. А потом уж этот пришел.

Привезли его из партийного комитета, кадров тогда было мало, образованных людей не хватало, молодой парень из Калдангского техникума, неженатый. Товарища из района тоже звали Блумом. Собрание гудело: родственников подобрал, привозят тут всяких!.. Он хотел сразу же уехать.

Второй Блум как сейчас помнит те неприятные минуты.

Нет, сказал, поживи денька три, а тогда уж, если не вытерпишь, уезжай. Пальтецо ему свое отдал. Знаете этих парнишек из техникума: молодые, горячие, шапку не наденут, без пальто бегают. А пальто у него вроде и вовсе не было.

Он остался. Руководил колхозом, отстранил бригадира и взял на себя бригаду, сам ходил за сеялкой. И так вот шесть лет подряд. Потом приехали из Риги: надо бы 400 центнеров молока в расчете на гектар угодий. Блум добился этого. Теперь таков показатель по всему району.

Жалели мы его тогда, говорит сторожиха Лиза. А недавно я ему на двадцатилетний юбилей преподнесла двадцать роз. И все меня ругали за то, что их двадцать было, четное число. У него слезы на глаза навернулись.

Слезы. Никогда эти люди не плакали из-за своей беспомощности. От гнева, от отчаяния и бессилия. Хотя и такое бывало. Слезы — это водичка, которой ты так стыдился, — вдруг затуманивают тебе глаза впервые в жизни, и ничего уж тут не поделаешь, у всех на виду скатится одна по щеке и упадет в букет из двадцати роз, и мужчины в зале тоже как-то странно заерзают. Редко такое находит на людей.

Я ПОГОВОРИЛ с Кенынь, она уже пенсионерка, одно время руководила Домом культуры. Ей и сейчас еще пороху не занимать. Кенынь и впрямь человек огневой, жилистая такая, бодрая. Небось в детстве все деревья с мальчишками облазила, приходит мне в голову.

Мы устраиваем карнавалы, создаем новые традиции, но подчас бьемся, как рыба об лед. Спорт у нас хромал все время. И вот мне, старухе, пришлось организовывать спортивные соревнования. А я только в новус играю. Только в болельщики и гожусь. Молодежь все какая-то рассеянная, поверхностная. Если чем-то и увлечется, так ненадолго, глядишь, опять все рассыпалось и развалилось, опять ничегошеньки нет! И ни за что не берутся всерьез. Не знаю. Тут мы ничем похвалиться не можем! Мы слишком богаты, чтобы сохранить свой пыл. Захотелось на коньках кататься? Пожалуйста, вот вам ботинки с коньками! Лыжи понадобились? Пожалуйста, вот вам лыжи! Музыкальные инструменты? Купили. Блум, как штык, был на каждой генеральной репетиции. А сейчас самодеятельность снова как-то развалилась.

Почти повсюду с этого начинается и этим кончается разговор — «сейчас опять как-то развалилась». И как же долго будет продолжаться это «сейчас»? Вопрос поставлен. И все отвечают: не знаю. Кенынь тоже сказала: не знаю. Мы слишком богаты, сказала она. Но ведь к богатству-то мы и стремимся! Вот как оно получается. Вот в чем дело. Все это верно, да. И никто не знает, что делать. И тут уже не ДДПП, а ННПП — ничего не делай, ничего не получится.

Если бы так рассуждал Блум, весь колхоз его давно зарос бы кустарником. Потому что кто-то должен тянуть. Кто-то должен быть паровичком на узкоколейке.

Да нет, какой там паровичок! Скорей уж конь скаковой, холерик, считает Кенынь. Всегда у него есть новые замыслы, одно дело подгоняет другое. Да, нервный. Станешь нервным.

В школе о нем твердили: целеустремленность. Блум всегда работает целеустремленно. Быстро разбирается в ситуации — что стоит делать, чего не стоит. Сидит, разговаривает, вдруг схватит карандаш и начнет что-то подсчитывать, какое-то время спустя все заново пересчитывает.

Клява из «Комунарса» сказал о нем: дальновидный.

Соседский председатель Буртниек говорит: рисковый. Умеет рисковать по-крупному. Мы еще только нащупываем что-то, собираемся попробовать, а он уже запустил на всю катушку. Ну, а поднялся над средним уровнем, так тут уж все как-то само собой идет. Тогда и с тобой начинают считаться, и с твоими начинаниями. И к людям умеет он найти настоящий подход: ни один человек от него не ушел.

И Шмит говорит: рискует. Когда-нибудь это может кончиться плохо, но таков его стиль. А победителей, как известно, не судят.

Председатели говорят: риск. Ученые говорят: спонтанная эластичность. Спросите: что такое кирпич? Один скажет: строительный материал. Другой скажет: строительный материал или подставка, чтобы колоть орехи, игрушка в детском саду, гиря в старых часах. Такие люди легко и быстро переходят от одного класса явлений к другому, тогда как остальные стараются сначала исчерпать все возможности использования данного объекта в одной определенной области и лишь потом переходят к другой. Скажем, сапог. Охотничий сапог, непромокаемый сапог, кирзовый сапог, резиновый, сапог из юфти. И не приходит в голову, что сапогом может быть твой начальник или шагающий в одном строю с тобой современник.

Считают, что чем больше развита в человеке спонтанная эластичность, тем легче он находит правильное решение любой практической задачи.

Блум и сосед неплохой, говорит Буртниек. Каждый день они разыгрывают партии в шахматы. В вильнюсском поезде один литовский кибернетик мне рассказывал, что начальник их лаборатории ввел такой стиль работы: с утра минут пятнадцать все обсуждают последние новости, упражняются в остроумии, комментируют, каламбурят и, только «разогревшись» таким образом, приступают к работе. А председатель «Драудзибы» Дамшкали сказал: нигде он так обостренно не мыслит и нигде у него не появляется такое тактическое чутье, как во время охоты на кабанов — это самые умные животные, особенно старые лесные хряки.

Я расспрашиваю Шмита. Шмит работал у Блума несколько лет, он говорит: огромная энергия. Удивительная.

Но энергия рождается, когда ее «выбьет» какой-нибудь нейтрон, когда ее высвободит. Что «выбивает» ее у Блума? Честолюбие? Да нет же! Ему нравится работать. Работая, он входит в азарт, работа его захватывает. Таков Блум.

Ну хорошо, почему бы и не похвалить председателя за его огромную энергию? Ну хорошо, у председателя огромная отдача, у него поразительная трудоспособность. Это основа его успехов. Он может работать двенадцать, шестнадцать часов в день и вообще — сколько понадобится. Но при такой работе у него не остается времени на отдых. И если сейчас, говорит агроном, у Блума ноют кости и он болен, то все это от чрезмерной перегрузки. Он сам себя доводит до больницы и выходит из строя. И Шмит сказал: если Блум свалится с ног, в «Яунайс комунарс» это сразу почувствуют.

Молодой специалист, зоотехник соседнего колхоза Сипеннек тоже принципиально отвергает такой стиль работы. Стиль, который держится только на самоотдаче и на самопожертвовании человека, не обеспечивая регенерации его энергии, не соответствует современным принципам научной организации труда. Это недопустимо, чтобы единственный человек благодаря своей энергии сводил воедино все концы. Необходима НОТ. Мы хотим получать надои, используя каких-то кочующих доярок. Им больше двадцати коров поручить нельзя. А в Вильянди, в Эстонии, одна доярка уже теперь ухаживает за 120 коровами. В нашей республике такую цель поставили себе животноводы Вилценского хозяйства. В тульских колхозах на одну доярку приходится 100 коров. Мы тоже будем строить ферму на 400—500 голов. Работать на ней будут четыреста доярок.

Сипеннек — человек разумный. В районе хотят, чтобы он стал председателем колхоза, а Сипеннек не хочет. Может быть, потому и не хочет, что от председателя постоянно требуется отдача, отдача, отдача. И вот, до тех пор пока не будет обеспечена «регенерация энергии», председателями смогут быть те, у кого душа сама рвется к делу, кто не заботится об отдыхе. А кое-где еще работают и этакие перелетные птицы. Но летуны, понимаешь ли, долго не могут удержаться — тут не «выплывешь», рассуждает Сипеннек, это тебе не отдел культуры, здесь нужно давать продукцию. Нет продукции — значит, ступай, голубчик, поищи-ка счастья в другом месте. Есть еще такие. Но приходят молодые специалисты, а вот эти, все видавшие, везде побывавшие, облегченно вздохнут, уйдут на пенсию.

На повестке дня — председатель нового типа, который не станет разрываться на части, а овладеет НОТ, будет кнопки нажимать, рычаги поворачивать и работать уравновешенно.

И все-таки в эпоху компьютеров и диспетчерских систем будут вспоминать о старом председателе, как стоял он с букетом в руках, как не удержался — и мужская слеза стыдливо скатилась на розы. Эх, да чего уж там!

Шмит, Клява, Элтерманис — ученики Блума. Теперь у них колхозы вдвое больше блумовского. Может быть, это просто легенда, что у Блума есть целая школа? Бывает ведь, что районным руководителям хочется поговорить о своих достижениях, а если для этого есть основания — почему бы и не приукрасить немного, ну хотя бы насчет школы Блума?

Небольшая доля скептицизма все-таки помогает человеку в его наблюдениях. Но скептицизм рассеялся, как только я обнаружил у всех учеников Блума одну общую черту: они загораются, что им наплевать, если потом их окатят холодной водой.

В «Комунарсе» Юрис Клява с необыкновенным пылом (блумовская школа!) взялся за строительство и построил самый красивый поселок в районе. С ним получается так же, как и с самим Блумом: хвалят и хулят, хулят и хвалят. Недавно наградили орденом Трудового Красного Знамени, а спустя какое-то время влепили выговор.

Элтерманис был еще совсем молодым пареньком, когда его выбрали председателем. Весной в районе устраивают смотр посевов. Потом один из председателей организует у себя заключительный вечер. В ту весну эта честь выпала известному своими чудачествами Чакану. На столах было только пиво и поросячьи ножки в качестве закуски. Позже Чакан повез гостей на лодках по озеру, доплыли до шеста, торчавшего из воды: здесь запрятана бутылка! Но кто ее достанет со дна для всей компании? Пока другие раздумывали, Элтерманис — прыг! Только круги по воде пошли. А когда везли его на берег, из карманов вода текла, и мужчины первый стаканчик налили ему: да, такой может быть председателем!

И для Шмита эти годы проходят в чередовании похвал и выговоров. С первого взгляда Шмит кажется чуть ли не флегматиком, но потом начинаешь понимать, какие перепады эмоций обрушиваются на председателя во всей этой жизни, складывающейся из «могу», «хочу» и «смею», «не могу» «не хочу», «не смею». В районе сказали: у Шмита очень развито чувство долга, а по характеру это человек застенчивый. Он приезжает и говорит: я не могу работать председателем. Почему это ты не можешь? Я непринципиален. Почему непринципиален? Я вижу, как кто-то прихватил к своему участку часть колхозного сада, а сказать ему об этом не могу. Да и дома Пчелка твердит одно и то же: ты слишком мягкотелый. Люди еще не доросли до такого отношения. Они пользуются твоим добродушием.

Пчелка — это жена председателя. Пчелкой ее прозвали потому, что она изучала пчеловодство. Пчелка считает, что Блум в своей требовательности к людям слишком крут, а Вилис — излишне уступчив. Я тут же вспомнил свой ночной разговор со сторожихой, и никак такое не укладывалось у меня в голове: крутой нрав председателя — и людская признательность. Это казалось мне несовместимым. Скорее всего Пчелка ошибается.

Ну, стало быть, лучше всего Блума знает сам Блум. Его кредо, которое никогда не подводило в работе: нужно быть строгим, но нельзя быть злопамятным. Есть тут у нас один руководящий: если он на кого-то взъестся, так чуть ли не надсмотр за ним устанавливает. Это не может быть стилем работы и стилем человеческого поведения, говорит Блум.

Пчелка категорична в своих требованиях. Она мыслит с размахом, а это не так уж часто встретишь в селе. В колхозе нет ни одного человека, который фиксировал бы и изучал резервы свободного времени у колхозников. Нет никого, кто находил бы эти резервы и использовал их. От кого прежде всего ждут нового стиля работы и нового стиля жизни? От молодых сельских специалистов. Это неправильно, что им выделяют приусадебный участок, они на нем «окрестьяниваются», новейшую литературу по специальности не читают, о новых достижениях не знают. Если лет десять назад и прочли какой-нибудь специальный труд, так теперь уж начисто его забыли.

Пчелка уверена, что в колхозе есть резерв свободного времени для культурно-массовой работы, но никто не старается выявить и использовать его. И тут начинается весьма опасный обратный процесс: колхозник снова превращается в некоего новохолянина. Беда не в том, что он имеет в личном пользовании полгектара пахотной земли и 1,3 гектара пастбищ, а в том, что опять он становится рабом этой земли, попадает в зависимость к ней, что она его вынашивает и изнашивает, берет его время. И нет никого, кто указал бы на другие возможности использования своего времени.

Скоро вернется Вилис. Но говорить он будет мало. Пчелка уже предупредила: он неразговорчив. Он, когда журналисты пускаются в расспросы, начинает болтать глупости и выводит их из себя. Я не знаю даже, нарочно или нет.

Шмит приехал из района мрачный, и весь вечер его словно червь какой-то точил. Позвонил Кляве — Клява в Узбекистане. За три года впервые отпуск взял. Позвонил Элтерманису — Эгил всегда говорит: приезжай! Так вот, втроем, они все и одолевают. Иногда настолько все опротивеет, так тяжело на душе станет, что дальше некуда. Вот как сейчас. Тогда остается только позвонить: ребята, на границу! Границы их колхозов сходятся. И если услышишь такое: «Ребята, на границу!»,— то ты обязан туда примчаться, пусть даже ночью...

Перевел с латышского В. АНДРЕЕВ

К отправке готовы (Волгоградский тракторный завод) Фото Э. ЭТТИНГЕРА

В ДОПОЛНЕНИЕ К НАПЕЧАТАННОМУ

«ГДЕ ЛЕГЧЕ? ГДЕ ТРУДНЕЕ?»

Статья И. Кандрора и Д. Деминой «Где легче? Где труднее?» («Литературная газета» от 18 июля 1973 г.) посвящена одной из очень важных и трудных проблем физиологии, психологии и гигиены труда, а именно — оценке тяжести и напряженности видов труда.

Однако в статье не указаны шаги, предпринятые для решения проблемы различными компетентными организациями, а также и то, за чем же сейчас остановка. В силу этого необходимы некоторые разъяснения, которые дадут возможность понять истинное положение дела.

Проблема классификации трудовых процессов по тяжести труда была поставлена перед физиологами, гигиенистами, психологами и организаторами труда уже в первые годы существования Советской власти.

В первый период, когда у рабочих промышленности, как у нас в стране, так и в индустриально развитых капиталистических странах, преобладали физические нагрузки, физиологами труда были созданы объективные критерии тяжести труда по энерготратам, измеряемым количественно по расходу энергии в процессе выполняемой работы.

С развитием автоматизации и механизации трудовых процессов возникла необходимость оценки, помимо физической тяжести, также и степени нервной напряженности труда, критерии оценки которой исключительно трудны, так как они плохо поддаются количественным выражениям. В связи с этим проблема стала еще более трудной.

Именно это обстоятельство привело к тому, что еще в 1961 году в журнале «Гигиена труда и профессиональные заболевания» была проведена научная дискуссия о содержании критериев оценки тяжести и напряженности труда, в которой приняли участие многие физиологи и гигиенисты труда. Вопрос оказался настолько важным, что уже в 1965 году в Киеве по решению проблемной комиссии «Научные основы гигиены труда и профпатологии» был созван симпозиум, посвященный этому вопросу. Материалы симпозиума были положены в основу первого варианта критериев оценки тяжести и напряженности труда. Критерии были обсуждены в 1970 году на заседании президиума Ученого медицинского совета Минздрава СССР и рекомендованы для временного использования с последующим уточнением и доработкой.

На основе накопленных данных по физиологии труда лиц новых профессий создан улучшенный вариант этих критериев, который был опубликован в материалах симпозиума по режиму труда и отдыха (Иваново, 1971 год). Там улучшенный вариант был детально обсужден и рекомендован для оценки различных видов труда.

После этого симпозиума наметилось некоторое расхождение в подходах к определению критериев тяжести и напряженности труда в научных учреждениях трех ведомств: Министерства здравоохранения СССР, Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и ВЦСПС.

В целях устранения этой разобщенности и создания единого документа секцией физиологии труда проблемной комиссии «Научные основы гигиены труда и профпатологии», курируемой АМН СССР, и секцией физиологии, психологии труда и эргономики научного совета по проблеме «Охрана труда», курируемой Госкомитетом Совета Министров СССР по науке и технике, в июне 1973 года было созвано специальное координационное совещание. На нем был обсужден ряд важных вопросов по названной проблеме, и в частности те вопросы, которые были подняты в статье И. Кандрора и Д. Деминой.

На совещании было принято решение составить единый документ, над которым в настоящее время работает специальная комиссия, членом которой является и проф. И. Кандрор. Комиссии были даны четкие рекомендации по разрешению имеющихся разногласий.

Словом, для решения трудной проблемы критериев оценки тяжести и напряженности труда проводится большая и кропотливая работа, которая будет завершена в 1974 году.

Академик
В. ТИМАКОВ,
президент Академии медицинских наук СССР

ЭТОТ МЛАДЕНЕЦ АКОПЯН...

ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ХОЗЯЙСТВЕННИК ПРЕВЗОШЕЛ ЗНАМЕНИТОГО ФОКУСНИКА

Анатолий ЗЛОБИН

Эту историю я услышал в дороге от случайного попутчика. Его рассказ показался мне странным... Даже не знал, верить или нет.

А потом все-таки решил предложить исповедь строителя редакции, ничего не меняя в речи своего собеседника.

***

Интересно вам, почему Акопян — младенец? Да, да, тот самый... «Гран при», триумф в Париже, всемирный маг и чародей Арутюн Акопян. Как? Вы видели его только по телевизору? Совсем не то впечатление, уверяю вас. А я смотрел на него в концерте, да еще из первого ряда. О, тут есть на что поглядеть! Негромко играет музыка, великий маг в черном фраке, движения его округлы, пластичны, вкрадчивы. Двигаясь по сцене, он напевает бессловесную песенку и словно бы подкрадывается к вам, колдуя. «Я обманываю честно, — говорит он. — Смотрите!» И начинает свой коронный номер с платочком. Бумажный кулек, свернутый из газетной четвертушки, пестренький платочек — вот и все атрибуты. Ничего лишнего, отвлекающего, никакой экзотики. Он дает вам в руки подержать четвертушку, чтобы вы лично убедились, что это обыкновенная газета. На наших глазах свертывает кулечек и, продолжая напевать, извлекает из него свой платочек, которого, вы сами видели, там не было. Подброшенный вверх платочек мягко колышется в воздухе, он словно бы и возник из воздуха. А маг ловит его и сует в кулек. Раз, два — кулек развернут, платочек исчез, газетка пуста! Пожалуйста, он может повторить на «бис». Из пустого кулька снова возникает платочек и столь же послушно уходит и ничто... Впечатление потрясающее. Маг спокоен, слегка улыбается. Только пальцы его мелко дрожат от сверхчеловеческого напряжения—из первых рядов это отчетливо видно. За этот свой возникающий платочек Акопян получил «Гран при» на всемирном фестивале магов в Париже. Обставил всех своих соперников, а ведь туда со всего света тоже не младенцы приехали. А победил все-таки наш.

Но теперь я вас спрашиваю: сумеет ли этот всемирный маг сотворить из воздуха детский комбинат на триста мест или, на худой конец, склад для столярки стоимостью в шестьдесят тысяч? Вот видите, вы тоже усомнились. Зато я не сомневаюсь: такой фокус Акопяну в самом голубом сне не приснится. А для нас это повседневные будни.

Кто я? Нет, это не секрет. Я не маг и не чародей. Фамилия моя вам ничего не скажет, поэтому ее лучше опустить, я человек скромный, всемирной славой не пользуюсь и, откровенно говоря, не ищу ее. Зовут меня Иван Семенович. Но дальше — нет, увольте. Давайте договоримся: я не спрашиваю вашу фамилию, а вы не спрашивайте мою, Иван Семенович, заместитель начальника строительства — вас это устраивает? И больше никаких вопросов. Лишь при таком условии наш разговор может пойти начистоту. Мы едем в одном купе, дорога неблизкая, а поговорить есть о чем.

Стройка моя не такая громкая, это вам не КамАЗ и не Усть-Илимская ГЭС, но и мы миллионами ворочаем. Строим мосты, прогоны, а также воздушные сооружения. Что значит — воздушные? Потерпите немного, узнаете.

Строители — народ кочевой. А коль мы кочуем от моста к мосту, то все время новую крышу над головой создаем.

Несколько лет назад получил я мост через великую сибирскую реку. Красавец объект — на пять лет работы.

Строим на берегу великой реки временный поселок, производственную базу. А базы собственной нам вроде бы и не полагается, ибо имеется такое великое изобретение века, как кооперация. Это даже в учебниках записано: все необходимое мы должны получать по кооперации. Но реальная действительность не каждый раз с учебником стыкуется.

Вот мы и подошли вплотную к воздушным сооружениям. Растет у будущего красавца моста поселок, поселок же состоит из домов, а на всякий дом мне нужна столярка — для рам, дверей и прочей надобности. И должен я ту столярку по кооперации получать равномерно в течение всего года и прямо с колес ее в дело пускать. А ко мне весной приходят семь вагонов прекрасной столярки, сразу на весь год. Это еще счастье, что она впереди срока пришла, а то и наоборот бывает. Итак, выгрузили мы столярку под наше родное сибирское небо—склада-то для нее нет, не запланирован он. С нас ведь с первого года основные объемы требуют: кубы земли, бетона, пролеты. И правильно требуют, мы обязаны вперед рваться, и потому нам просто некогда со всякими там тылами возиться. Но тут прикинул я с начальником производства: дома мы сладим лишь к концу года. Где до той поры столярку держать? «Погниет она у нас под брезентом, — говорит начальник производства. — Надо склад делать». «Как его проведем?» — спрашиваю, хотя такие наивные вопросы можно и не задавать.

Делаем по науке. Вызываю техотдел, заказываю им проект, составляем с финансистами смету, только держу я те бумаги в сейфе, чтобы до поры никто не знал, что такое мы строим. Растет во дворе этакая элегантная коробочка. Это вам не шелковый платочек!

Раз, два — коробочка готова. Заносим в нее столярку, и всем стало ясно, что у нас возник склад, — его ведь не спрячешь в газетный кулек, хоть мы и пытаемся прикрыть его всякими бумажками.

А склад продолжает стоять на земле и утверждаться. Кое-кому очень сильно мозолит глаза это позорное явление. Словом, обнаружилась добрая душа, написала письмо в народный контроль. И приходят ко мне народные контролеры, два симпатичных таких товарища. Склад им, естественно, нравится — для себя же строили!

Вздыхают: «Пишите объяснительную...» Не играет в мою честь музыка, никакого «Гран при». Вместо этого являюсь в народный контроль, получаю выговор.

В этом и фокус.

Но ведь я склад ради пользы строил, чтобы столярку спасти. Зачем же, спрашиваю вас, меня при этом все время в пятый угол загоняют? Чьей пользы ради?

Ладно, за народное добро мне и выговора не жалко. Зато теперь склад оприходован, сделался законным, можно творить дальше.

Продолжаем мы строить мосты, один сдаем, другой начинаем. Объемы нам из года в год повышают, но замечаю — рабочих рук стало недоставать. Тут мне экономисты докладывают: в нашем временном поселке есть триста пар свободных рабочих рук, которые сидят дома и бьют баклуши по той жизненной причине, что нет у нас детских учреждений. Был бы у нас детский комбинат, завтра же пришли бы на работу. Только комбинат, да еще детский, нам не запланирован.

Сначала мы хотели по закону. Обращаемся с письмом в министерство, хотя ответ известен заранее: нет средств. И когда получаем такой ответ, собираемся на узкий совет. Если нельзя по закону, не выйдет ли поперек? Но осилим ли детский комбинат

Рис. В. РОЗАНЦЕВА

на воздуха? Это же не склад под столярку. Это же дети, как мы их скрывать будем?

Сотворили проект. Разумеется, индивидуальный. Как мы можем взять типовой, если строить будем совсем нетиповым методом? И слава богу, проект у нас вышел что надо: свободная планировка, мозаика по стенам — не детский комбинат, а дворец, честно говорю.

Приступили к натуре. Главное условие при этом — полное сохранение секретности, гриф номер один. От всех и вся, от верхов и низов, от народных контролеров и Стройбанка. Как же иначе? Едва в поселке узнают, что мы возводим детский комбинат, тут же начнется давка в очередь, и непременно найдется доброхот, который доложит по инстанции.

Обнесли площадку забором. Копаем котлован, начинаем кладку. Даже рабочие не знают, что они кладут. Пока можно было, мы и старшему прорабу не открывались. Строим автомастерские — такая у нас была обнародованная версия.

А площадка, надо заметить, на самом лучшем месте. Пригорок и рощица под боком: для детей же! И растет наш тайный комбинат у всех на виду.

Первый удар нанесла нам одна многодетная мамаша. Написала письмо в исполком — это же безобразие, в центре поселка строят автомастерские, чем будут дышать наши дети?

Прибыла первая комиссия — от местной власти. Ну, с ними мы быстро уладили: виноваты, недоучли, если нельзя автомастерские, создадим на этом месте пекарню. Хлеб-то, он и местной власти необходим.

Переключились на «пекарню». Тут я нюхом чую — на это особое чутье надо иметь, — назревает опасность со стороны Стройбанка. Что-то они там узнали и готовят санкции. А у нас к тому времени приключился некоторый перерасход по фондам, ибо и за воздушные сооружения приходится платить вполне реальной монетой.

Но я тридцать лет состою в строительных рядах, и великая мудрость не мною открыта — безвыходных положений не бывает. К тому мы и призваны...

Вот и выход. Приходит разнарядка на пять новых «Волг» для строителей-передовиков. Звоню в Стройбанк: «Как жизнь? Движемся вперед? А если на новой «Волге», сто сорок в час — не быстрее ли? Можем уступить...». Они до этого долго ждали машину и теперь мимо нас на такой скорости мчатся, что ничего не успевают заметить.

Откуда мы материалы берем, спрашиваете? Сразу видно, что вы не строитель, это же в первом строительном классе нынче проходят. Из фондов жилья, из основных, если удастся. У постройкома тоже денежки водятся, или имеется при каждой уважающей себя организации фонд НТО, научно-технического общества, — мы же в век научно-технической революции живем.

Одним словом, строим. Однако народ у нас наблюдательный, от его ока не скроешься. Мне «разведка» докладывает: ушла на нас «телега» в Москву. Теперь жди высокой комиссии, от нее так просто не отвертишься.

Один остается выход: скорей к сдаче, пока комиссия чемоданы собирает и удочки для нашей реки готовит. Перебросил на объект все наличные силы, штурмуем день и ночь во имя подрастающего поколения.

Подошел комбинат под крышу, пора открываться. На дворе уже детские грибочки стоят всем на диво.

Отправляюсь лично в министерство с покаянием. Вооружен до зубов бумагами: вот копии писем, которые мы вам неоднократно писали, вот ходатайство исполкома, расчет рабсилы и прочее. Примите у нас детский комбинат и отпустите с миром.

«А перерасход фонда заработной платы?» — спрашивает заместитель министра. «Некоторый перерасход имеется, — отвечаю. — Создали комбинат на триста мест, стоит он четверть миллиона, очень трудно было сделать без перерасхода». «Ловко же ты меня обманул, — отвечает замминистра с подозрительным смехом. — Ишь ты, какую автомастерскую сочинил, с грибочками...» Хотел я ему ответить на манер Акопяна: «Я обманываю честно». Однако промолчал. А он продолжает: «Ты так ловко всех провел, что эта коробочка ни подо что другое теперь не годится. Ладно, дадим тебе на следующий год десять тысяч с вводом комбината». «Помилуйте, — кричу, — что можно на десять тысяч сделать?» «Так ты все уже сделал. А на детскую мебель как раз хватит». «Спасибо, — говорю. — Дайте хоть разнарядку на мебель». «Дадим, дадим. И не только разнарядку. За перерасход фонда ответишь на коллегии».

Живу в гостинице «Россия», хожу по театрам и концертным залам, жду.

Приходит день мой и час. В проекте мне записан строгий выговор — что ж, я знал, на что шел. Такие выговоры и носить почетно. Но в натуре вышло еще хлеще, кто бы мог такое загадать? Доложили на коллегии, все как полагается. Выступает тот самый заместитель министра, громогласно разоблачает меня: мы призваны возводить мосты, а не детские игрушки разводить, государственная дисциплина, строжайшая экономия — полный набор! И требует при этом самых суровых санкций. Но тут «сам» голову поднимает: «И долго вы свой комбинат строили?» «Полгода», — отвечаю. «Хорошо, — говорит. — Детский комбинат дал вам триста рабочих, а для рабочих рук нужна работа, так?» «Точно так», — отвечаю, не ведая, куда он клонит. «Имеется такое предложение, — заключает «сам». — Дадим мы ему не выговор, а дадим ему вне плана еще один мост, с вводом в следующем году. Кто за это предложение?» Я аж вспотел от такого оборота, взмолился: «Как же мы вне плана мост построим? Ведь такого еще на свете не бывало». «А как вы детский комбинат построили? Так и новый мост сотворите. Вы же у нас Акопяны!».

Записали в решении: указать на «недопустимость» и дать мне еще один мост. И принялись мы возводить новый мост. Полгода сижу на объекте, стройка кипит, жена проклинает.

Поднатужились — и сотворили мост. Нам премии, грамоты. Теперь и мы с музыкой, и к нам за опытом едят: научите нас, маленьких. Доброхоты утверждают, что скоро сам Акопян к нам за опытом пожалует. Что ж, нам и Акопяну показать не стыдно. Но прежде я попрошу его: «Раскройте свой секрет, каким манером вы платочек из кулька достаете? Очень ловко у вас получается».

Нас ценят, мы на коне. И в доказательство этого приходит телеграмма от министра: выделить нам на новый год уже два моста сверх плана. Два сверхплановых моста — представляете!

Но я вам признаюсь: устал ходить в передовиках. Что же тут объяснять? Тут тоже свой фокус: чем сильнее ты тянешь, тем больше на тебя наваливают. Я вам комбинат, а мне за это мост, я вам мост, мне за это два моста. Постиг я формулу тщеславия — передовики гаснут от перегрузок.

Сказать вам, куда я сейчас еду? На свой последний мост. И еду за тем, чтобы провалить его. Фигурально, разумеется. Решил я с треском завалить свой объект. Сорву план — и выскользну из передовой обоймы. Мне дадут за срыв очередной выговор, зато я получу пять лет спокойной жизни, а там уже и пенсия, последний мой пролет...

Как провалю, спрашиваете? Малоинтересное занятие. Тут своего ума не надо, чужим придется обходиться. Делай все по учебнику, надейся на великую кооперацию. Нет поставки — сиди и жди. Сверх прислали — вываливай под небо или отсылай обратно, как требует инструкция. Не дали машин — терпи. А в папке десять страховочных телеграмм: я предупреждал. Главное, никакой инициативы. А я горел. Я слишком долго рисковал, ходил над пропастью. Чего ради?

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«НАЦЕНКА ЗА «ЧЕРНЫЕ ГЛАЗА»

На коллегии Министерства торговли Украинской ССР 10 октября 1973 года обсуждена статья Л. Сороки «Наценка за «Черные глаза», опубликованная в «Литературной газете» (№ 40, 1973).

Факты, изложенные в статье, подтвердились.

Виновные в нарушении цен и правил торговли привлечены к административной ответственности.

Для улучшения порядка и упрощения контроля за ценообразованием с 1 сентября 1973 года в республике введена новая инструкция по ценообразованию для предприятий общественного питания государственной торговли.

Коллегия министерства обязала руководителей областных, городских организаций общественного питания усилить контроль за соблюдением цен и правил торговли в подведомственных предприятиях.

В. СТАРУНСКИЙ,
министр торговли Украинской ССР

Сообщаем...

Тов. БАСКАКОВУ О. Н.

гор. МОСКВА

Уважаемый товарищ Баскаков!

Ваше письмо о неудовлетворительном состоянии лесов и культурно-исторических памятников острова Валаам не осталось без внимания. Мы ознакомили с ним заместителя председателя Совета Министров Карельской АССР тов. Н. Маньмина. Вот что он ответил:

«Совет Министров Карельской АССР считает, что вопросы, поставленные читателем «ЛГ», справедливы и своевременны... Остров Валаам объявлен заказником живой природы, находящиеся на острове памятники культуры взяты под государственную охрану. В настоящее время Министерством культуры Карельской АССР принимаются меры к проведению неотложных реставрационных работ по их сохранению.

Кроме того, постановлением Совета Министров Карельской АССР определены меры по улучшению коммунально-бытового обслуживания населения острова и туристов, уходу за лесопосадками, благоустройству острова и др.

В текущем году завершен ремонт дороги — туристская база — поселок Валаам, протяженностью 7 километров.

...Областной совет по туризму и экскурсиям по поручению Совета Министров республики вошел с предложением в ВЦСПС о разработке проекта генерального плана развития Валаамского архипелага как туристского центра».

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Ни одна страна в мире не строит больше, чем СССР. Принятая XXIV съездом КПСС программа капитального строительства поражает грандиозными масштабами, объемом выделяемых на эти цели средств и ресурсов.

Мощная строительная индустрия, широкая сеть строительных и монтажных организаций, располагающих опытными кадрами, вооруженных высокопроизводительной современной техникой, применение на многих стройках передовых методов организации труда и новейших систем управление — все это позволяет нам быстро создавать крупные энергопромышленные комплексы, осваивать обширные территории в труднодоступных, по недавним понятиям, районах, возводить молодые города и развивать существующие индустриальные центры.

Однако и на XXIV съезде КПСС, и на декабрьском (1972 г.) Пленуме ЦК КПСС, и в позднейших постановлениях партии и правительства неоднократно отмечались крупные недостатки в делах строительных: распыление средств, материальных ресурсов, бесхозяйственность, ошибки планирования, проектирования, управления.

О недостатках пишет в своем очерке Анатолий Злобин. Публикации его предшествовала не совсем обычная история.

Познакомившись с очерком, мы, честно говоря, так же, как и сам писатель, усомнились: насколько правдив рассказ дорожного попутчика автора! Не выдумал ли он все эти ситуации! Не слишком ли сгустил краски!

Решили задать эти вопросы компетентным лицам, надеясь, что они рассеют наши сомнения.

МНЕНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ

На строительстве Рижской ГЭС
Фото В. НИКОЛАЕВА (ТАСС)

За плечами лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Андрея Ефимовича БОЧКИНА не одно крупное сооружение: каналы, электростанции, ирригационные системы. Последний его должность — начальник строительства Красноярской ГЭС. Он оценил очерк так:

— Все тут точно, все верно. Я бы, откровенно говоря, написал даже острее... Столярку вдруг прислали сразу всю, навалом? Так чаще всего и бывает! Не спросят заказчика, даже не предупредят — привезут, а ты крутись, делай как знаешь, держи неизвестно где. Да что там столярка — дорогое, уникальнейшее оборудование по нескольку лет хранить приходится. А где хранить, рассчитывали-то получить все ко времени! Вон у нас, на Красноярской ГЭС, генераторы пять лет лежали!..

Теперь по поводу детских учреждений, жилья и вообще соцкультбыта. Начинать стройку надо именно с этого. Однако еще бытует мнение, что можно и вовсе обойтись без поселка. Когда начиналось строительство Красноярской ГЭС, об этом, помню, шли жаркие дискуссии.

Между тем без надлежащих, хороших бытовых условий стабильный коллектив не создашь, а значит, и задачу, поставленную перед строителями, не выполнишь. У нас часто забывают об этом, оттого и такая текучесть кадров на стройках. От строителей требуют: быстрее вводите промышленный объект — и в план на него записывают, скажем, на текущий год три миллиона рублей. На жилье же — десять процентов. А как освоить эти три миллиона, имея на жилье только триста тысяч? Где люди будут жить, есть, отдыхать? Ну а банки, понятное дело, бдительным оком следят за расходованием денег и строить больше, чем записано, не дают.

Я вам прямо скажу: иногда только смелость руководителей строек, умение находить общий язык с местными организациями, заручаться их поддержкой дают возможность выйти из положения—построить и жилье, и детский сад, и клуб, создать благодаря этому настоящий, крепкий коллектив и закончить строительство в срок.

— И последний вопрос, Андрей Ефимович. Вот автор пишет: строители сдали мост дополнительно к плану — им снова задание, еще один мост сверх плана...

— Ну, это как правило. Кто больше делает, на того и взваливают поболее.

Подобное же мнение мы услышали от другого крупного хозяйственника, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии СССР Виктора Илларионовича ТИХОНОВА. Он, что называется, с первого колыша возглавлял промышленное освоение алмазных богатств Якутии, был управляющим треста «Якуталмаз», строил знаменитый Мирный, а потом Айхал... Ныне Виктор Илларионович — главный специалист Всесоюзного научно исследовательского и проектно-конструкторского института золото-платиновой, алмазной и вольфрамо-молибденовой промышленности. Вот его впечатление об очерке А. Злобина:

— Все, что здесь написано, — это жизнь. И ничего тут, к сожалению, не преувеличено... Скажу вам больше: проблемы эти все время усугубляются. Я бы мог привести сколько угодно фактов несостыкованности, несбалансированности планов, когда, например, под производственную программу дается только двадцать процентов необходимых материалов, и руководителю, заявляющему, что он в таком случае не в силах выполнить план, отвечают: ты директор, давай изворачивайся. А что значит — изворачивайся? Где он может взять недостающее? Как он должен поступать?

Я вам расскажу о таком факте. Известно, что все необходимое для Севера должно отгружаться в первом и втором кварталах, дабы могло быть доставлено на место в период навигации. На это и специальные указания имеются, и так, собственно, планируется. Но чаще всего происходит наоборот: грузы поступают в октябре—ноябре, когда навигация уже кончилась. И остаются в верховьях рек, лежат, портятся — складов-то нет, они же не были запланированы, поскольку считали, что не понадобятся, все поступит в срок. И вот директор сидит и ломает себе голову: что делать? Оставить грузы на берегу он не может: во-первых, многое придет в негодность, пропадет, а во-вторых, с чем ему выполнять производственный план! Остается единственное: самолетные перевозки. А они дороги, и контролирующие органы — КРУ, стройбанк, народный контроль — смотрят строго, взыскивают за перерасходы по всем статьям. Но что руководителю остается другое, кроме как идти на финансовые нарушения?

Помню, в Мирном мы должны были получить энергопоезда. Но чтобы доставить их по Лене из Осетрова в Ленск, нужны были специальные баржи, причалы, а ничего этого у нас не было. Нашли специалистов, договорились с ними, и они в свой отпуск сделали проект крепления оборудования во время транспортировки по реке быстро и хорошо сделали. Но надо еще и погрузить энергопоезда, а это дело очень ответственное, лишь бы кому не доверишь, утопят. Опять ищем, кто бы мог взяться. Нашли: хороший механик, долго работавший на Севере, человек с опытом и с головой. К тому же и временем располагает, поскольку на пенсии. Заключаем с ним трудовое соглашение, он три месяца возится, и благодаря этому энергопоезда доставлены на место в срок, работают, дают ток производству, идет добыча алмазов. Все хорошо? А знаете, чем кончилась эта история? Нам заявили, что заключать трудовое соглашение с пенсионером мы не имели права. У него забрали все полученные деньги, а с меня пять месяцев вычитали двадцать пять процентов зарплаты. И я заплатил, как миленький! Мне сказали: должны были не нарушать законодательство, а ждать, пока доставят энергопоезда на место — за транспортировку вы не отвечаете. А план пусть горит? И продукция, нужная стране, пусть лежит в земле?

Получаем мы как-то авторезину. Знали, что резина с того завода плохая, для Севера негодная. Объясняем, доказываем, спорим. Нас не слушают: берите, что прислали. Что в итоге получилось? Колонна машин идет на Айхал, и в пути семьсот покрышек разом лопаются. Мороз пятьдесят градусов, люди на трассе, машины стоят... И лишь тогда, наконец, нам дают хорошие покрышки. Надо было довести до катастрофы, чтобы обеспечить тем, что нужно! А как теперь доставить новые покрышки? Везешь самолетом, потом с вертолетов разбрасываешь по трассе. Представляете, сколько все это стоило денег! А сколько люди должны были мучиться, ставить новую резину на пятидесятиградусном морозе!..

Об удобствах вообще часто забывают, об этом писатель совершенно правильно говорит. Что правда, то правда... Я вот сейчас занимаюсь Жиреканским горнообогатительным комбинатом. Это крупное предприятие Забайкалья, которое должно быть построено по Директивам XXIV съезда партии. Сделали проект, утверждаем смету, начинаем строить, и тут выясняется — на жилье денег нет, на соцкультбыт — нет.

Выходит, опять палатки? А нынче немного охотников ехать в палатки...

— Виктор Илларионович, герой очерка сетует и на то, что чем больше план перевыполняешь, тем сильнее его увеличивают. Так это или не так?

— Конечно, так! Что в министерстве делают? Вот вы, допустим, выполняете план, все у вас идет хорошо, а другое предприятие в ещё же отрасли отстает. Но для министерства важно, чтобы выполнение было у всех! И вот — чаще всего это делают в конце года — тому предприятию план снижают, а вам, наоборот, прибавляют. Из-за этого прибыль ваша уменьшается, поощрительные фонды сокращаются, люди в обиде. Зато отрасль в целом выглядит хорошо, показатели выполнены, все в ажуре. Конечно, такой метод не стимулирует брать напряженные планы, а заставляет держать резервы про запас. Кому это выгодно?

И, наконец, мы услышали мнение руководителя целой строительной отрасли — министра промышленного строительства Белоруссии Николая Тимофеевича АРХИПЦА. Вот что он сказал:

— Не знаю, почувствует ли читатель в этой статье остроту проблем, мучающих нас, строителей... Может быть, автору следовало выбрать другой, более крупный плацдарм, чтобы показать всю значимость, масштабность этих проблем.

Вот он пишет: детсад, дескать, сметой не был предусмотрен, пришлось его строить «из воздуха». Так я вам скажу: мы вводим крупные промышленные комплексы, а работать на них порой некому — жилья нет, больницы нет, детских учреждений нет. И ведь все это в смете записано! Записано-то записано, а денег по плану не выделяют. Мы заканчиваем, допустим, объект, двести миллионов рублей в него вложили, а смета по соцкультбыту — пятьдесят миллионов — выполнена лишь наполовину...

Самая же большая беда— несбалансированность планов. Мы уже столько говорим об этом, но ведь ничего не меняется! Вот нам на будущий год объем строительства увеличивают на десять процентов. Ресурсы же — материалы, техника и прочее — остаются на прежнем уровне. А некоторые потребности обеспечиваются и вовсе наполовину. Спрашивается: как можно в этих условиях выполнить план! Из чего строить? Мы идем, допустим, в Министерство промышленности строительных материалов, говорим: не из чего выполнить такой план. С нами вроде бы соглашаются: да, это вам надо, того не хватает, другого, третьего, но обеспечить всем необходимым не можем, потому что и нам самим Госплан во многом отказал.

Мне кажется, это происходит потому, что в плановых органах подчас действует тенденция: давать планы не сбалансированные, не реальные, но зато максимально напряженные. Там, видимо, рассуждают примерно так: запланируем рост на десять процентов, пусть он будет выполнен только на семь процентов, но это лучше, чем запланировать на семь процентов, а еще не известно, что получится... Отсюда и частое невыполнение планов, и такой огромный, к сожалению, не уменьшающийся объем незавершенного строительства, в котором заморожены миллионы и миллионы рублей.

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ

Мнения людей столь компетентных убедили нас не только в правдивости, жизненности ситуации, описанных в очерке, но и в большой общественной значимости поставленных в нем проблем, а их остроте и злободневности.

Недостатки планирования и материально - технического снабжения, несогласованность, нечетность в действиях хозяйственных органов, нарушение ими своих обязанностей и обязательств нередко ставят предприятия и стройки в тяжелое, а порой и в критическое положение. В результате этого — срыв государственных заданий или выполнение их методом штурмовщины, что всегда связано с огромными материальными издержками.

Однако не менее важна, на наш взгляд, и другая, нравственная сторона дела. Бесхозяйственность наносит не только большой материальный ущерб стране, но и тяжкий моральный урон нашему обществу. «Бесперебойная работа хозяйственного механизма, — говорил в Отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев, — помогает создать хорошую, деловую обстановку в стране, способствует трудовому подъему широких масс, вызывает рост инициативы у трудящихся, так как люди видят, что их работа приносит должные плоды, идет на благо народа, на благо всего общества. И, с другой стороны, ничто так не расхолаживает людей, как факты непродуманных решений, головотяпства или бюрократизма отдельных работников, ведущие к тому, что впустую растрачиваются труд, общественные богатства, созданные ценности».

Руководители предприятий и строек зачастую попадают в довольно-таки острые конфликтные ситуации, когда нужно действовать вопреки тому или иному пункту устаревшей, но не отмененной и, значит, обязательной инструкции, которая мешает в данном, конкретном случае сберечь материальные ценности или пустить в ход неиспользуемые резервы. Ведь все случаи жизни в рамки инструкций не втиснешь... Нарушить инструкцию и спасти эти ценности, использовать резервы? Или соблюсти ее, пусть на глазах у тебя гибнет народное добро, а резервы остаются втуне?

Непростые вопросы! Ведь строгое соблюдение государственной дисциплины, утвержденного порядка, законодательства — необходимое условие четкого функционирования всего хозяйственного механизма. Но, с другой стороны, может ли настоящий хозяйственник, хозяйственник ленинской школы, мириться с чем-либо, что наносит ущерб делу? Может ли он оставаться казенным исполнителем, равнодушным к заботам и интересам государства? Может быть, надо чаще пересматривать инструкции?

Еще раз повторяем: мы понимаем всю сложность этих проблем. Поэтому надеемся услышать мнение о них наших читателей, и прежде всего тех, кто соприкасается с ними повседневно — хозяйственников, юристов, экономистов, социологов.

Эксперимент «ЛГ»

„РЕЙС ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ ДО...“

Норильск и Одесса, Токио и Нью-Йорк, Дели и Копенгаген... Сотни городов нашей страны и планеты связывает сегодня с Москвой Аэрофлот. Сокращая расстояния, сближая страны и континенты, прокладывают все новые воздушные трассы серебристые лайнеры с крылатой советской эмблемой. За последние годы Аэрофлот стал крупнейшей авиационной компанией мира. Советские пассажирские лайнеры совершают регулярные рейсы более чем в пятьдесят стран мира.

Самолеты и вертолеты с крылатой эмблемой стали надежными помощниками земледельцев и медиков, строителей и пожарных, геологов и исследователей Арктики и Антарктики.

Аэрофлот — символ современности. Высокие скорость и комфорт привлекают к нему все больше путешественников.

За последние годы на воздушных линиях Аэрофлота появились новые великолепные машины — «ИЛ-62», «ЯК-40», «ТУ-134» и другие. Они отлично зарекомендовали себя.

Только за девять месяцев нынешнего года Аэрофлот перевез 67 миллионов пассажиров.

Но чем больше людей пользуются услугами Аэрофлота, тем взыскательнее их требования к сервису, который им предлагают в воздухе и на земле. А между тем в обслуживании пассажиров существуют серьезные недостатки. Два года назад «Литературная газета» уже писала об этом в статье «Аэрофлот: в воздухе и на земле» («ЛГ», № 3, 1971). Сегодня мы повторяем эксперимент.

Сизый табачный дым плотным облаком стоял в те дни в залах ожидания столичного аэропорта «Домодедово». Кому повезло, сидели в креслах и на скамейках, обложенные чемоданами, сумками, традиционными ящиками с фруктами. Остальные, разложив багаж на полу, расположились тут же, ожидая рейса. Жители Хабаровска возвращались из отпуска домой.

От разговоров, детского плача в аэровокзале стоял несмолкаемый гул. Он разом затихал, когда по радио ровный голос информатора объявлял: «Граждане пассажиры, рейс на Хабаровск задерживается до...»

Сначала в этих объявлениях присутствовали слова: «по метеоусловиям». Но в тот день погода в Москве стояла солнечная и безветренная. Над аэропортом «Домодедово», как говорят летчики, «была полная видимость». Вечером пассажиры столпились у телевизоров, установленных в залах ожидания. Из программы «Время» они узнали, что и в Хабаровске, и по всей трассе на восток тепло и ясно. Было это 27 августа 1973 года. В тот день на Хабаровск из Москвы не улетели 3 тысячи 600 пассажиров.

На следующий день к ним прибавилось еще свыше 3 тысяч дальневосточников. Люди уже сидели на чемоданах неподалеку от аэровокзала, в ближайшем лесочке. Пассажиры непрерывно атаковали начальника смены, дежурных справочного бюро. Вопрос один: «Когда улетим?». В ответ работники аэропорта лишь пожимали плечами. Пассажиры волновались, непрерывно возникали конфликты.

К концу вторых суток к пассажирам по радио обратился начальник аэропорта Геннадий Федорович Андреев. Он сказал, что рейсы самолетов «ТУ-114» из Хабаровск задерживаются еще на сутки по техническим причинам. Предложил тем, кто имеет возможность, провести время в городе. Заверил, что никто из пассажиров на рейс не опоздает.

Что скрывалось за словами «технические причины», Г. Ф. Андреев не сказал. А между тем с 27 августа 18 самолетов «ТУ-114» — те самые, которые должны были прилететь в столицу, а затем доставить дальневосточников домой, недвижимо стояли в Хабаровске. Вместимость каждой машины — 200 пассажиров.

Все восемнадцать самолетов были в полной исправности, все восемнадцать экипажей — в полной готовности выполнить беспосадочный семичасовой полет. Но... не было горючего. Не подвезли. По недосмотру, из-за чьей-то халатности...

Лишь через трое суток первые из восемнадцати машин начали перевозить людей. К этому времени в «Домодедове» ждали самолет на Хабаровск более десяти тысяч пассажиров. Огромная «пробка» рассасывалась в течение недели.

Сегодня, когда со времени «великого сидения» в «Домодедове» прошло уже немало дней, некоторые работники Аэрофлота оптимистично заявляют: «Ну подобное бывает раз в десять лет. А вообще-то не так уж все плохо». Начальник управления перевозок Министерства гражданской авиации Борис Егорович Панюков, например, настроен весьма оптимистично, поскольку, по его данным, «регулярность полетов» в целом достигает 80 процентов. Не смущает его и то обстоятельство, что даже при таком радужном подсчете не вылетает в назначенный срок каждый пятый пассажир: мол, циклоны и антициклоны, туманы и ураганы. Что тут поделаешь?

Элементарный анализ показал: циклоны часто лишь отговорка. Конечно, незавезенное горючее — случай для Аэрофлота не характерный, а вот история, которая произошла в сентябре, не такая уж редкость.

16 сентября из Москвы в Петропавловск-Камчатский не вылетел самолет. Причина: не набралось достаточно пассажиров. «Не гонять же полупустую машину на край земли, — рассуждали работники Аэрофлота — А завтра объединим два рейса».

Жители далекого полуострова провели в «Домодедове» еще один день — 17 сентября. Поздно вечером последовало объявление: «Рейс задерживается...». Пассажиры легкомысленно решили вздремнуть тут же, в зале ожидания, и... проспали объявление о начале регистрации билетов. В результате самолет улетел, а они должны были, согласно правилам Аэрофлота, доплачивать 25 процентов штрафа от стоимости билета за опоздание.

Так на практике выглядят порой 20 процентов «не регулярно выполняемых рейсов».

РАСПИСАНИЕ: ИДЕАЛ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В Центральном аэровокзале, что на Ленинградском проспекте, висит расписание: рейс... время вылета... пункт назначения... Все точно. А в действительности?..

В июле и августе нынешнего года в аэропорту «Домодедово» по метеоусловиям был задержан 1291 рейс. В том же аэропорту из-за несвоевременного прибытия самолетов из других городов, то есть по «техническим причинам», только в июле не выполнено по расписанию 1085 рейсов. В августе эта цифра выросла до 1365. Всего за два месяца из «Домодедова» по «техническим причинам» не улетели 245 000 пассажиров — почти четверть миллиона. Значит, дело не в погоде. Что же тогда?

Один ответственный работник министерства под большим секретом сказал: не хватает самолетов. Только день, проведенный в аэропорту, показал: никакой тайны тут нет.

Самолетов не хватает не потому, что их действительно нет, а потому, что так составлено расписание. Оно рассчитано на идеальные условия, будто нет ни «технических причин», ни организационных неполадок, ни циклонов.

А между тем просто пассажирам, вовсе не специалистам по организации авиаперевозок, приходит в голову несложная мысль: надо пересмотреть расписание с учетом реальных возможностей Аэрофлота. В частности, чаевод из Грузии, «разменявший» в аэропорту вторые сутки, выразил эту мысль так: «Пусть на Тбилиси будет не 6 рейсов, а 3. Но я заранее позабочусь о билете и буду уверен, что улечу точно по расписанию. А так какая-то задержка в Тбилиси — значит, не улетишь из Москвы. За свои деньги столько мытарств...»

ПРАВА! ОБЯЗАННОСТИ!

В брошюрке под названием «Это вам необходимо знать!» напечатаны «Обязательные правила для пассажиров воздушного транспорта». Состоят эти правила из 24 пунктов. В них 12 раз встречается выражение «пассажир обязан» или «пассажир должен», 9 раз безоговорочное «запрещается» или еще более энергичное — «категорически запрещается» и лишь один раз — словосочетание «пассажир имеет право». Да и то речь идет о том, сколько багажа можно провезти бесплатно на тех или иных типах самолетов.

Спору нет, безопасность воздушных полетов требует строжайшего выполнения необходимых правил. Но неужели единственное право пассажира — бесплатный провоз 30 килограммов багажа и ребенка до 5 лет? Ну, а какие материальные обязательства несет перед пассажиром Аэрофлот в случае задержки рейса? Какие услуги он может предоставить пассажиру, который не улетел из Москвы, Новосибирска, Хабаровска не по своей вине?

Вопросы не новые. «Литературная газета» ставила их два года назад в статье «Аэрофлот: в воздухе и на земле». К сожалению, ответ на него тоже не нов: практически — никаких обязательств и почти никаких услуг томящимся в аэропортах не по своей вине.

По заданию редакции пять студентов факультета журналистики — А. Ростовцев, О. Греков, В. Полисмак, Л. Иврева, Л. Машинская — и два сотрудника газеты в течение двух сентябрьских дней непрерывно наблюдали за жизнью аэропорта «Домодедово». По мнению ответственных работников Министерства гражданской авиации, тяжелый период, когда отпускники возвращались домой, уже кончился. Да и погода весь сентябрь стояла неплохая. Но аэропорт был все равно переполнен. Народу в «Домодедове» было много — слишком много по сравнению с количеством кресел, скамеек, стульев. В зале ожидания сидела лишь половина людей. Остальные вынуждены были стоять в галереях для выхода на летное поле, в зале регистрации, «совершать моцион» на свежем воздухе.

Но главное, что сразу бросалось в глаза, — множество детей. По нашим подсчетам, из каждой тысячи пассажиров приблизительно 180 были с детьми дошкольного возраста.

На двери комнаты матери и ребенка висела уже поблекшая табличка с лаконичной надписью: «Мест нет». Мест действительно не было, поскольку комната по генеральному проекту рассчитана всего на 16 детских кроваток. Заместитель министра гражданской авиации Л. С. Свечников, начальник управления перевозок Министерства гражданской авиации Б. Е. Панюков, начальник института «Аэропроект» Н. В. Фирсов долго не верили мне, что в «Домодедове» столь маленькая комната матери и ребенка.

«Не может быть», — говорили они и ссылались на приказ министра, по которому в каждом аэропорту I класса должен быть целый детский комплекс: приемная, гардероб, комната для игр, комната для кормления грудных детей на 30—40 мест. Причем, если пропускная способность аэропорта свыше трех тысяч пассажиров, то количество мест в детском комплексе должно быть больше. Согласно этому приказу, в «Домодедове» должна быть комната матери и ребенка на 90 мест. Но ее нет.

Правда, Б. Е. Панюков в конце разговора вспомнил: «Постойте, в «Домодедове» есть еще одна детская комната. Большая комната...»

Действительно, до недавнего времени в аэропорту существовала вторая комната для пассажиров с детьми на 120 мест. Вернее, обычный зал ожидания, который администрация попыталась приспособить для маленьких пассажиров. Но недавно она была закрыта врачом центральной санэпидстанции Министерства гражданской авиации как несоответствующая санитарным нормам. Кто-нибудь другой об этом мог и не знать. Но начальник управления пассажирских перевозок?..

Впрочем, проектировщики и строители крупнейшего аэропорта страны забыли не только о самых маленьких пассажирах. Не случайно эта статья начинается с описаний сизого табачного дыма, который плотным облаком стоит в залах ожидания. Повинны в этом отнюдь не заядлые курильщики. Просто здесь «забыли» спроектировать систему кондиционирования воздуха. Нельзя сказать, что вентиляция в «Домодедове» отсутствует. Но она явно недостаточна при все возрастающем потоке пассажиров. А если рейсы задерживаются?

Отсутствие кондиционера особенно ощутимо в летние месяцы, когда стеклянные стены раскалены. «В этом тропическом аквариуме, — считают домодедовцы, — в летнее время можно находиться лишь по долгу службы. В такие дни аптечный киоск особенно бурно торгует валидолом».

А ведь «Домодедово» — самый новый аэропорт столицы...

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ

В начале беседы в министерстве мне сказали прямо: «За питание на земле мы не отвечаем, поскольку сдаем помещение торгующим организациям в аренду. А мест, где можно поесть, в «Домодедове» достаточно».

Мест, на первый взгляд, действительно достаточно. Во-первых, огромный ресторан с монументальным швейцаром у дверей, баром и... скучающими официантами, поскольку ресторан, как правило, полупустой. Зато у буфетов на 1-м этаже, торгующих круглые сутки, всегда очередь. На витрине — плавленые сырки, холодные закуски, чай, шампанское, молоко и кефир... двухдневной давности. В павильоне на улице — пельменная. Для детей весь этот ассортимент явно не подходит. Не давать же малышу эскалоп со сложным гарниром, ему нужны манная каша и молочный суп. Да и у взрослых, стоящих в очереди у буфетов, нет особого желания пировать. Никто из пассажиров почему-то не стрелял в потолок шампанским и не требовал заливную индейку. Большинство налегали на чай и булочки. Люди не знали, сколько им еще придется пробыть в аэропорту, и на всякий случай экономили деньги.

Конечно, можно сдать в аренду помещение и переложить заботу о питании пассажиров на плечи другого ведомства. Но ведь люди, переступив порог кафетерия или став в очередь к буфетной стойке, не знают, что уже перешли «границу» ведомства и стали клиентами Министерства торговли. Они купили билет и справедливо считают, что Аэрофлот распростер над ними голубые крылья своей эмблемы. И столь же справедливо возмущаются, что есть дорогой ресторан, буфет с дорогими закусками и шампанским и нет дешевого кафетерия или столовой самообслуживания, что нечем покормить ребенка. Возмущаются не Министерством торговли, а Аэрофлотом. И не считаться с этим он не может.

ИНФОРМАЦИОННОЕ ТАБЛО

17 сентября вместе с другими пассажирами бригада «ЛГ» «разыскивала» рейс № 293 на Челябинск. На табло упоминание о нем отсутствовало. На многих бирках торопливой рукой кассира нечетко обозначено время отправки: то ли 14 часов, то ли 19.

Вот расшифровка магнитофонной записи разговора корреспондента «ЛГ» с работниками справочного бюро в тот день.

— Скажите, пожалуйста, когда состоится рейс № 293?

— Будет объявлен за сорок минут.

— А во сколько часов он вылетает по расписанию?

— У вас есть билет. Там все написано.

— А почему о нем нет никаких сведений в таблице?

— Какое ваше дело — есть в таблицах или нет? Для этого — справочное бюро. Вы спросили — я вам сказала. Сидите и ждите...

Сидим. Наблюдаем, как в двух концах огромного здания люди ждут своих вещей. Вспыхнул на табло номер рейса, поползла лента транспортера, поднимая с первого этажа чемоданы. Слов нет, в «Домодедове» разгрузка багажа налажена. Это не «Внуково», где, проведя в воздухе всего два часа, можно столько же времени прождать свои вещи. Но вот в каком виде их вам доставят...

В день рождения друзья подарили мне отличный кожаный чемодан. «Летай на здоровье в командировки. Такого чемодана на весь твой журналистский век хватит», — говорили они.

Наивные друзья. Чемодан выдержал всего четыре рейса. На пятый, как раз в «Домодедове», ручка была вырвана с мясом.

«УГОЛ РАСХОЖДЕНИЯ»

Так говорят штурманы, когда практический курс корабля не совпадает с заданным. Но этот термин вполне можно применять, анализируя просчеты в обслуживании пассажиров Аэрофлота. Из обстоятельных бесед и мимолетных разговоров, после знакомства с некоторыми документами и непосредственного наблюдения за работой аэропорта «Домодедово» у меня сложилось твердое убеждение, что существует немалый «угол расхождения» во взглядах на сервис у ответственных работников Министерства гражданской авиации и тех, кто непосредственно занимается обслуживанием людей.

Заместитель министра гражданской авиации Л. С. Свечников видит неиспользованные резервы в механизации многих процессов и операций. Например, считает он, необходимы телескопические трапы, которые позволили бы пассажирам прямо из галерей проходить в самолет. Очень неплохо было бы, по его мнению, иметь в аэропорту автоматизированные и механизированные системы сортировки и выдачи багажа по рейсам...

«Да, эти механизмы облегчили бы наше положение, — считает и Г. Ф. Андреев, начальник аэропорта, — но кардинально не изменили бы положения дел. Главный вопрос — расписание: реальное, а не мифическое — и строжайшее его выполнение. Расписание должно быть первым пунктом обязательств Аэрофлота перед пассажиром. Тогда не будет сбоя, пробок, многодневных ночевок в порту — одним словом, всего того, что вы видели.

Наша техническая база позволяет достичь в течение ближайших лет запланированной пропускной способности аэропорта, которая значительно выше нынешней. Но к этому надо готовиться сегодня».

Какой бы совершенной ни была механизация наземных процессов, какие бы «умные» приспособления ни сортировали багаж — пассажиров и самолеты все равно обслуживают люди, технический персонал: механики, шоферы, служащие аэровокзала. А их в «Домодедове» не хватает. Даже сегодня, при неполной нагрузке, недостает двадцати процентов шоферов. Не укомплектован штат работников справочных бюро и других служб. Министерство должно вникнуть в причины дефицита рабочих рук, иначе на механизмы будут затрачиваться тысячи и даже миллионы рублей, а пассажиру не станет от этого много лучше.

В последние годы все больше людей предпочитают пользоваться услугами Аэрофлота. Самолет стал в нашей жизни столь же привычным явлением, как автобус или метро. Сервис Аэрофлота, как мы убедились, явно не поспевает за ростом авиационной техники и все возрастающим потоком пассажиров. Требуют пересмотра и некоторые положения в обслуживании пассажиров, установленные лет 15 назад, когда Аэрофлот еще только набирал «высоту».

...В тот день, когда мы были в «Домодедове», группа студентов из Хабаровска целый день ожидала своего рейса. Молодые люди устроились в дальнем углу аэровокзала на рюкзаках и без конца гоняли транзисторный магнитофон. Особой популярностью не только у студентов, но и у столпившихся вокруг пассажиров пользовалась самодеятельная песенка. В ней говорилось о томительном ожидании в порту, длительных задержках рейсов, резкости служащих аэропорта — словом, обо всем том, с чем столкнулись студенты, да и другие пассажиры в тот день. Студенты включали магнитофон после каждого очередного объявления, что вылет задерживается. Все смеялись.

Поздно вечером магнитофон уже молчал. Студенты устраивались на ночь на рюкзаках. Им было не до смеха...

Виль ДОРОФЕЕВ

---

10 НОЯБРЯ СТРАНА ОТМЕТИЛА ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ

УЧИТЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ

Ему все-таки стыдно...

ГАЗЕТА «Московские новости», выходящая на нескольких иностранных языках, однажды напечатала снимок лучших работников столичной милиции. Среди них находилась и старший лейтенант Фатима Мусаевна Юзнякова.

Она инспектор детской комнаты 62-го отделения милиции города Москвы...

Фатима Мусаевна долго отказывалась рассказать мне хотя бы одну-единственную историю из массы других, выстраданных ею, пережитых вместе с многими своими питомцами.

Женя Мерзляков — вихрастый сероглазый мальчишка. Бывало, минуты не посидит спокойно, словно раскручивается у него внутри до предела сжатая пружина. Переросток (почти в каждом классе по два года!). Стыдно ему среди мелкоты, скучно. И вот он находит «развлечение»: колотит ребят, бьет стекла в классе, чтобы зло на кого-то сорвать. А откуда оно, зло?

Отец бросил семью. Мать тяжело заболела. Однажды услыхал он, что водка — лучшее лекарство от бед и невзгод. Попробовал. А потом совершил кражу у пьяного. Тогда-то и познакомилась с ним Юзнякова.

Первая беседа была, пожалуй, самая долгая. Парнишка сидел, низко опустив голову, и ногтем нервно царапал колено. По его щекам катились слезы и падали на брюки, давно нечищенные и неглаженные.

— Женя, ты любишь мастерить? — спросила Фатима Мусаевна. Голос у нее тихий, певучий.

Парнишка кивнул головой.

— Когда у тебя будет время, ты позвони мне, и мы сходим с тобой на детскую техническую станцию. Хорошо?

Шли дни, недели, месяцы... Частенько встречалась Фатима Мусаевна и с Женей, который по ее совету перешел на учебу в ПТУ сразу после посещения детской технической станции, и с его матерью, и с работниками ЖЭКа. Многих людей подняла она на борьбу за маленького человека. Не всегда тихим и певучим был ее голос, не всегда улыбались ее красивые темно-карие глаза. С теми, у кого оказывалось холодное сердце, Фатима Мусаевна говорила жестко и властно...

— Я не сентиментальна, — призналась Фатима Мусаевна. — Но когда Женя пришел ко мне сияющий и с гордостью сказал, что только ему одному из всего профтехучилища присвоили самый высокий разряд, я поздравила его и отвернулась, чтобы не заметил он в моих глазах слез. «Мама-то к твоему счастью как отнеслась?» — спросила я. «Она еще не знает, — отвечает. — Я к вам к первой!..»

Е. КРЕЧЕТ,
полковник милиции

МОСКВА

Урок вне расписания

Фото В. КРОХИНА

Аркадий ВАКСБЕРГ

ПОЩЕЧИНА

СУДЕБНЫЙ ОЧЕРК

СЛУЧИЛОСЬ это зимним вечером на Васильевском острове. Старший научный сотрудник Государственного музея истории Ленинграда Нинель Борисовна Алексеева возвращалась с работы. Светлое пальто, которое она опрометчиво надела утром, доверившись мимолетному февральскому солнцу, набухло от мокрого снега, и Алексеева не рискнула занять сиденье. Вместо этого она положила на него две тяжелые сумки, набитые книгами, поскольку стоять с пустыми руками как известно, легче, чем с сумками, весящими полпуда.

Так она ехала, не привлекая внимания к своей скромной особе, пока в вагон не вошел пассажир, привыкший всюду и во всем наводить порядок. Человек с общественной жилкой, он не счел себя вправе пройти мимо. Граждане, стоявшие вблизи и равнодушно взиравшие на то, как Алексеева нарушает правила пользования городским транспортом, промолчали, не желая ввязываться в спор по столь ничтожному поводу. Алексеева же, задетая сделанным ей замечанием, решила оправдаться. Гражданин, наводивший порядок, оправдания не принял. Он знал, что сиденье оттого и называется сиденьем, чтобы на нем сидели, а не провозили багаж, и за торжество этого непреложного правила был готов биться насмерть. «Или садитесь, или снимайте сумки, чтобы сел я», — потребовал он. Но Алексеева, упорствуя в своей ошибке, сделала еще и другую. Нарушив известную заповедь историка — не спешить с обобщением фактов, — она громко сказала на весь вагон: «До чего измельчали мужчины!» Окружающие опять промолчали, наводивший порядок и тот промолчал, тогда и Алексеева смолкла, не желая углублять конфликт, тем более что ехать ей оставалось три остановки и свой бой за сиденье она выиграла по очкам.

Такова завязка сюжета, и читатель, которому претит трамвайная склока, может отложить в сторону очерк, я не буду в обиде: сюжетец попался, действительно, не из лучших. Тем же, кто наберется терпения, я советую последовать дальше, потому что сюжетец имеет продолжение почти детективного свойства и он выведет нас на тему, вполне достойную внимания серьезных людей.

Итак, проехав еще три остановки, Нинель Борисовна Алексеева сняла с себя звание пассажирки и направилась к дому, неся по сумке в каждой руке. Было все, как в романах: падал мокрый снег, фонари не горели и выл ветер. Оставалось пройти каких-нибудь сто метров, когда Алексеевой показалось, что за ней кто-то идет. И верно, позади маячила одинокая мужская фигура.

Алексеева ускорила шаг, вошла в свой подъезд и стала подниматься по лестнице. Здесь ей повстречалась соседка, которая торопилась на работу в ночную смену. Потом Алексееву обогнал незнакомец: в темноте она не смогла заметить его лицо.

А дальше все было совсем не так, как в романах. Взбежав на четвертый этаж, мужчина почему-то вернулся обратно и, пробегая мимо Алексеевой, выкрикнул непристойное слово. Она растерялась. Сумки, занимавшие обе руки, делали ее совершенно беспомощной. Незнакомец учел ситуацию и, ударив женщину по лицу, бросился наутек.

«Держите хулигана!» — крикнула Алексеева. Только что встреченная ею соседка, которая остановилась у выхода, заслышав наверху подозрительную возню и приглушенные голоса, отозвалась на крик. Случайный прохожий помог задержать беглеца и доставить его в милицию.

Я думаю, вы догадались: незнакомец оказался тем самым борцом за справедливость, который наводил порядок в трамвае. Надо отметить, что он, по словам работника милиции Моисеева, «не опровергал обвинения Алексеевой и не оправдывался. От него исходил запах алкогольных напитков».

Теперь настало время познакомиться с незнакомцем. Зовут его Борис Павлович Маслов. Ему 44 года. У него высшее образование. Работает ведущим инженером в научно-исследовательском институте, заслужившем всесоюзную известность. «Личные качества (я цитирую его производственную характеристику): дисциплинирован, выдержан, принципиален, пользуется уважением товарищей по работе, отношения в семье хорошие».

Что же толкнуло, спросите вы, дисциплинированного, выдержанного инженера на этот, скажем деликатнее, странный поступок? «Запах напитков»? Или принципиальность, которая отличает его характер?

К этой теме мы успеем вернуться, а я пока что задам встречный вопрос: как бы вы поступили, если бы, упаси боже, вас постигла подобная участь? Если бы на темной лестнице вас догнал незнакомец и «нанес удар по лицу, не причинивший телесных повреждений и не оставивший следов»? Дали бы сдачи? Махнули рукой и постарались забыть? Или подали на обидчика в суд?

Я поставил дилетантский эксперимент: опросил четырнадцать женщин. Вот результат: двое дали бы сдачи, двенадцать предпочли бы забыть.

Продолжим, однако, наш «семинар». Допустим, что руки Алексеевой свободны и она дает-таки сдачи. Я прошу представить себя вашу реакцию, дорогой читатель. Пожалуй, вы скажете: «Молодец» — и будете, видимо, правы.

Допустим теперь, что она выбрала вариант номер два: постаралась забыть. Молодцом вы ее назовете едва ли, но выбор, наверно, одобрите, в нем видны рассудительность и житейская мудрость.

Алексеева подала в суд. Давайте честно, положа руку на сердце: разве теперь она вам не кажется сивалыжиной и сутягой?

Пока вы раздумываете над этим, я расскажу другую историю. Как-то мой приятель одолжил знакомому «до вечера» тридцать рублей. Вот уж одиннадцать лет, как этот вечер все не наступит. «Кредитор», конечно, не разорился, да и должник не разбогател, но долг есть долг, «забыть» о нем у людей порядочных всегда считалось постыдным.

Прошли годы, и вот однажды мой приятель оказался с этим знакомым в веселой компании. Набрался храбрости и с подходящим к случаю юмором напомнил о долге. За столом сидели люди, которых я чту, но и они подняли на смех моего друга. Пристыдили его. И он готов был провалиться под землю, что завел свой разговор.

Прошу прощения за наивность, но мне хочется вслух разобраться, кому и чего надо стыдиться. Кредитору, обиженному многолетней «рассеянностью» должника, которого он выручил в трудный момент, или должнику, беспечно прикарманившему чужие деньги? Инженеру с «принципами», оскорбившему женщину, или женщине, которая обратилась к закону, чтобы оградить свою честь?

А закон, осмелюсь заметить, ограждает честь и достоинство человека всеми средствами, какие ему доступны. В том числе и средствами уголовного права: оскорбление, клевета, побои — все это не просто невинные шалости, не «инциденты», не уголовные преступления, но

ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

ЧЕЛОВЕК ВУДУЩЕГО: «ВЗРОСЛЫЙ РЕБЕНОК»?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ДЕСМОНД МОРРИС, счастливо сочетающий в себе наблюдательность зоолога и логику философа, заинтересовался природой человеческого творчества. На своих наблюдений он делает интересный вывод: человек тем более одарен, чем больше в нем «детства» (см. «ЛГ» № 5, 1972).

В самом деле, исследователи, художники, если только это настоящие исследователи, настоящие художники, как правило, люди по-детски непосредственные, сохранившие детское любопытство и удивление перед миром, люди, умеющие так фантазировать и мечтать, как это может только ребенок. И еще это люди, которые, будучи взрослыми, как бы ощущают детскую потребность в игре. А игра в сочетании с интеллектом и воображением — это и есть творчество.

Моррис делает вывод, что правильным воспитанием почти у любого человека можно сохранить непреходящими те черты детской психики, которые неотъемлемы от истинного творчества...

Идея соблазнительная. Однако вряд ли осуществимая. Думаю, что если бы и нашлись педагоги, которые поставили перед собой такую задачу, большинство из них потерпели бы фиаско. И потому они, как правило, не берутся за это предприятие.

Между тем, как ни странно, такое «перевоспитание» людей, на мой взгляд, все-таки происходит. И в больших масштабах, чем мы думаем. Детоподобных взрослых создает во все большем количестве сама природа. Создает с помощью испытанного механизма — биологической эволюции.

ВООБРАЗИМ фантастическую ситуацию: по улице современного города прогуливается кроманьонец... Не думаю, что в облике этого коренастого, сильного человека с крупными, резкими чертами лица, глубоко посаженными глазами и скошенным назад лбом каждый из нас разглядит первобытные признаки предка, жившего 15 000 лет назад. Правда, нашему прародителю, чтобы остаться незаметным, придется сменить одежду, зато прическа времен позднего палеолита только усилит сходство с современником.

Многие, вероятно, проделывают этот мысленный эксперимент и приходят к вполне естественному, на первый взгляд, выводу об отсутствии эволюции человеческого вида в последние 30—50 тысяч лет.

Но работы антропологов показывают, что вид Homo sapiens эволюционирует, причем с неожиданной на первый взгляд быстротой.

Так, выдающийся советский антрополог Г. Дебец исследовал ископаемые остатки более семи тысяч людей, живших на территории нашей страны со времен неандертальца (100 тысяч лет назад) до средних веков. За этот период вдвое скелета человека стали тоньше, лоб круче, уменьшились надбровные дуги. Причем в последние тысячелетия темпы этого процесса, называемого грацилизацией, значительно возросли. Например, 36 процентов исследованных черепов, принадлежавших людям нового каменного и бронзового веков (1200—7000 лет до н. э.), характеризовались сильно развитыми надбровными дугами и 64 процента — среднеразвитыми. Черепа со слаборазвитым надбровием в раскопках этих эпох вообще не попадались. В эпоху раннего железа (0—1200 гг. до н. э.) уже появились люди со слабовыраженными надбровными дугами (20 проц.), число таких людей еще более увеличилось в средние века (37 проц.). А вот черепа с сильным надбровием в это время уже не встречаются вовсе.

Особенно сильные изменения формы черепа ученый обнаружил, изучая скелеты жителей средних веков и нашего времени. Сравнивая «головной указатель», то есть соотношение продольного и поперечного диаметров черепа, характерный для людей XII века, с пропорциями головы современного человека, Дебец заметил, что эти пропорции заметно изменились — от 1,4 до 1,2 — приближаясь к единице. Это значит, что череп стал более коротким и в то же время с более крутой лобной частью.

Исследования других антропологов подтвердили замеченную Г. Дебецом закономерность: во-первых, от эпохи к эпохе меняются конституция человека и форма его черепа, во-вторых, этот процесс идет все ускоряющимися темпами (от середины XVIII века нас отделяет какой-то десяток поколений) и, в-третьих, эти перемены ведут к тому, что человек становится изящнее, с более тонкими и мелкими чертами лица и выпуклым лбом. Разве это не эволюция? Уже можно говорить об особом типе современных нам взрослых людей, названном известным советским антропологом профессором Я. Рогинским церебральным. Но ведь признаки, присущие этому типу, — и крутой лоб, и неярко выраженные черты лица, и большая черепная коробка — до удивления напоминают антропологические описания ребенка в любом учебнике анатомии! Более того, как установлено, и психологически такие люди характеризуются типично инфантильными чертами — жадным стремлением к познанию мира, неиссякаемым любопытством и в то же время быстрым, как у ребенка, утомлением при умственной работе. Итак, гипотеза об эволюции человека приобретает все большую стройность: не просто изменение вида, а изменение целенаправленное, ведущее к ювенилизации (от латинского juvenalis — юный), то есть к сохранению взрослым человеком многих психологических и морфологических черт, присущих ребенку.

НО ПОЧЕМУ ювенилизация была малозаметна в прошлом, почему ее темпы сильно возросли в последние эпохи? Ведь ювенильный тип человека, наверное, существовал уже в первобытном стаде...

Да, существовал. Но ведь ювенильный организм, сохраняющий детские черты, физически слабее других человеческих типов, как ребенок слабее взрослого человека. Значит, несмотря на то, что слабые индивиды, в особенности дети, окружались заботой еще в первобытном обществе, они больше других страдали от болезней и вымирали?

Проходили тысячелетия. Иногда болезни отступали и ювенилизация ускорялась, но лишь на некоторое время. Человек не располагал еще надежным оружием для борьбы с незримым врагом. Только в конце XVIII века английский врач Эдвард Дженнер впервые сделал прививку против оспы. Затем, во второй половине XIX века, были описаны болезнетворные бактерии и механизмы иммунитета, и 1929 году открыты антибиотики.

Благодаря «медицинской революции» смертность от туберкулеза сократилась почти в 70 раз, детская смертность в течение одного столетия снизилась более чем в 10 раз, дамба, преграждавшая путь эволюции, была смыта. Люди, подобные тем, кто еще 100 лет назад был обречен на гибель, в двадцатом столетии получили возможность выжить.

Завтра таких людей станет еще больше. В самом деле, в настоящее время около 15 процентов детей погибает до рождения, 3 процента — при рождении, 2 процента — вскоре после рождения. Если добавить к этому, что 3 процента молодого населения планеты гибнет, не достигнув половой зрелости, 20 процентов людей вообще не вступают в брак и 10 процентов браков бесплодны, то станет очевидным, что человечество пока не реализует и половины своих возможностей по ускорению эволюции.

Но можно себе представить, что где-нибудь в XXI веке достижения медицины снизят внутриутробную смертность, так же как в начале нашего столетия они снизили детскую. Какими же будут те люди, которые гибнут ныне еще во чреве матери? Вполне вероятно, что среди них окажется немало носителей ювенильных признаков.

И ТУТ я слышу тревожный голос: «Значит, планету заселят со временем детоподобные, тщедушные и слабые люди?» Вероятно, так и будет. Но кто сказал, что ювенильные люди непременно ущербны?

Вспоминаю недавнюю статью в «ЛГ» итальянского писателя Витторио Дж. Росси. Пожилой литератор сетует на то, что молодежь 70-х годов значительно отличается от той, что сопутствовала ему в юности. Люди стали менее выносливы, половые различия несколько сглажены, более острой стала потребность в поддерживающих организм лекарствах. Если подумать, Росси говорит именно о ювенилизации, только другими словами.

Действительно, ювенилизированный организм молодого человека зачастую уже не может вынести такой физической и нервной нагрузки, с которой легко справлялся бы его отец или дед. В самой констатации этого факта писатель, безусловно, прав, но в выводах...

Большая физическая сила сейчас необходима разве что спортсменам. Что касается силы нервной системы, то здесь уместно вспомнить высказывания выдающегося советского психолога Б. М. Теплова. Он сравнивал слабый тип нервной системы с высокочувствительной фотопленкой — ее легче засветить, но и чувствительность ее выше. XX век часто называют веком слабых. Однако высокая чувствительность при современном уровне развития науки и техники — более ценное качество, чем выносливость и длительная работоспособность.

Что же касается потребности в лекарствах, то мне кажется вполне естественным, что человек, который только и выжил благодаря услугам современной медицины, нуждается в ней и в зрелом возрасте. Я совершенно уверен, что первобытная предубежденность против медицины будет в скором времени преодолена, и тогда, наверное, наряду с медицинской фармакологией в сферу науки и жизни войдет еще одна область — бытовая фармакология, то есть потребление лекарств станет столь же обыденным явлением, как ношение очков или чистка зубов.

А вот преимущества у ювенилизации общества несомненные. Потому что вместе с изменением в конституции человека грядут изменения психологические. Людям этого типа, вероятно, предстоит стать подлинным мозгом общества, его интеллектом.

Я проанализировал около 600 портретов и скульптур выдающихся людей прошлого. Выяснилось, что большей частью (примерно 80 процентов) это были люди церебрального типа. Вряд ли случайно то, что у очень многих знаменитых личностей, например у Моцарта, Циолковского, Роберта Вуда, наблюдались типично детские черты характера в сочетании с церебральным типом черепа.

Процесс психической эволюции человека идет с той же все возрастающей скоростью, с какой происходит перестройка его конституции. Когда-то ювенилизированные индивиды, будучи самыми умными и проворными в первобытном стаде, создали жилище, одежду, придумали орудия труда. Почему именно они? Да потому, что, во-первых, по своим умственным способностям, сложным формам поведения, приобретенным в удлиненном детстве, только они были потенциально готовы сделать такие открытия, а, во-вторых, им эти открытия были нужнее, чем кому-либо другому. Улучшение условий жизни позволило выжить новым поколениям ювенильных форм. Те в свою очередь открывали способы борьбы с болезнями, и вновь увеличивалось число «взрослых детей»... Сегодня есть основания полагать, что процесс этот лавинообразный, идущий, повторяю, со все большей скоростью. И если понять, что именно стремлением ювенильных форм к самосохранению человечество обязано прогрессом во многих областях жизни, то станет ясно, что инфантилизм и в 30, и в 40, и в 50 лет — это совсем не так плохо. Трудно даже перечислить все, чем мы обязаны этому качеству.

Заглянем в пещеру первобытного человека. Он легкомысленно любовался яркими искрами, вылетающими из камня, когда по нему ударишь другим. Потом человек случайно, играя, поджег этими искрами сухую траву, затем, также играя, зажарил на огне пойманную рыбу и, оценив ее на вкус, уже не сомневался, что ему пожалован воистину божий дар.

Я вовсе не утверждаю, что все это было создано исключительно людьми ювенильного типа. Но то, что у таких людей потребность в игре, в творческой работе выше, чем у остальных, пожалуй, бесспорно. Да, утомляемость у ювенильных людей также выше. Но их работа даже за небольшой промежуток времени, должно быть, много эффективнее, чем у прилежно просиживающих часы на службе ординарно мыслящих инженеров и научных работников.

Ювенилизация общества приведет к новому типу труженика вообще. Прежде всего, он будет по-детски нетерпелив. Его вряд ли удовлетворит работа по шаблону, предписанному инструкцией. Он будет в постоянном поиске, в стремлении что-то выдумать, изобрести. Мотивы к созиданию станут ведущими мотивами в жизни человека, которого по справедливости можно будет назвать Homo creans — человек творящий.

Эта детская неистощимость на выдумку, все возрастающие от поколения к поколению любознательность и способность к обучению в течение всей жизни будут как нельзя более кстати в грядущие эпохи. Уже сейчас лавиной надвигается на человека всевозможная информация, требующая усвоения, анализа, а нередко отказа от казавшихся бесспорными истин. Человек с ювенильной психикой легко воспримет все новое. А восприняв — обогатит мир новыми идеями, новыми открытиями.

Нет, что ни говорите, эволюция открывает перед человечеством неплохие перспективы.

Л. РУДКЕВИЧ,
биолог

ЛЕНИНГРАД

В редакцию поступила рукопись. Ее автор высказывал гипотезу о том, что биологическая эволюция человеческого вида не прекратилась давным-давно, как считает большинство ученых, а продолжается. Рукопись была послана на рецензию опытному специалисту и получила отрицательный отзыв. Можно бы переслать рецензию автору и на том считать вопрос исчерпанным. Однако суждения рецензента оказались интересными и поучительными не для одного лишь автора и выходят за рамки выдвинутой гипотезы. Профессор Я. Рогинский размышляет о принципиальных методологических проблемах, возникающих перед молодыми учеными, проблемах, с которыми, при недостатке опыта, им не всегда удается справиться.

ОТЗЫВ РЕЦЕНЗЕНТА

Я. РОГИНСКИЙ, доктор биологических наук, профессор

ОПРОМЕТЧИВЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ СОМНИТЕЛЬНЫХ ПОСЫЛОК

ЗА СВОЮ жизнь мне немало пришлось вести споров по вопросам антропологии. И вот как будто намечается еще один... Однако в данном случае я хотел бы избежать полемики по специальным проблемам, тем более что в «Литературной газете» это еще и не очень уместно, и поговорить о другом, главным образом, о некоторых методологических ошибках, которые поджидают исследователя, особенно на первых порах его научной карьеры. И которые сам я совершал не однажды в молодости.

В какой из моментов работы легче всего совершить ошибку? И когда более всего следует держаться настороже? Мне думается, в тот момент, когда от отдельных разрозненных фактов ты переходишь к обобщениям — к гипотезам к теориям...

Простое собирание фактов — занятие, располагающее к объективности, но оно, в общем-то, и бесплодное. Открытие может родиться лишь тогда, когда факты предстанут в каком-то особом свете, в ракурсе какой-то идеи. И вот этот-то наиболее плодотворный момент одновременно и наиболее опасен, так как он привносит в восприятие реальности некоторый субъективизм. А очарование, которым обладает идея, заставляет подчас позабыть о некоторых несложных правилах научной индукции.

Посмотрим на примере гипотезы ленинградского ученого Л. Рудкевича, какие из поворотов на пути научного обобщения предоставляют наибольшую возможность для совершения оплошности..

ПРЕЖДЕ ВСЕГО, есть ли факты, отталкиваясь от которых, можно было бы построить гипотезу, подобную гипотезе Л. Рудкевича? Да, такие факты есть. Действительно, антропологи отмечали для разных эпох различия в мускульном рельефе на поверхности черепа, относительные изменения его средних размеров. Но каково значение этих перемен? Выходят ли эти отклонения за границы вида? К счастью (или, к сожалению, смотря на чей взгляд), перемены эти так незначительны что не обнаруживают никаких следов биологической эволюции, то есть яркого морфологического прогресса, способного привести в ходе тысячелетий к возникновению нового вида, столь же отличного от нас, как мы отличны от синантропов или палеоантропов.

Все это вариации — внутри одного вида, и причина здесь отнюдь не эволюция. Скажем, нашествие монголов на Россию в XI веке и последующее смешение рас повело к частичному изменению формы черепа. Между питекантропом и человеком любых ближайших к нам эпох лежит такая огромная пропасть, что всякие сравнения жителей XII—XX веков по принципу, кто ближе, а кто дальше от обезьяны, так же несерьезны, как, скажем шутя, такая фраза: «Насколько ближе до туманности Андромеды от Москвы, чем от Ленинграда?..»

Кроме того, эти наблюдаемые антропологами морфологические перемены в облике человека носят местный и, что самое существенное, колебательный, неустойчивый характер. Они нередко идут то в одном, то в другом направлении.

Как видим, факты в целом не дают исследователю никаких оснований для утверждения о том, что эволюция человеческого вида продолжается. Всю их совокупность гораздо легче объяснить, если принять прямо противоположную концепцию. Однако Л. Рудкевич, видимо, проходит мимо этих соображений.

ТЕПЕРЬ приглядимся внимательнее к той группе фактов, которые связаны с распространенностью так называемого «церебрального типа». Собственно, в самом обстоятельстве существования на планете взрослых людей, сохранивших детские черты черепа, нет еще ничего особенного и нового. Достаточно внимательно всмотреться в фрески Феофана Грека и Андрея Рублева или в античные скульптуры, чтобы понять — такой тип людей не редкость и появился он далеко не сегодня. Становится ли этих людей с церебральным, иначе — «детоподобным» типом черепа больше на земле, как утверждает Л. Рудкевич? Для такого вывода, тем более для утверждения, что этот тип людей становится доминирующим на планете, нужны веские доказательства, нужна соответствующая статистика. Л. Рудкевич такую статистику не приводит. Что же тогда дает ему право утверждать, будто «ювенилы» везде все более и более распространяются?

Это еще одна методологическая неточность...

Однако при построении своей гипотезы Л. Рудкевич не только допускает сомнительные обобщения общеизвестных фактов. Что хуже, сами факты, по крайней мере часть из них, на поверку вовсе не оказываются достоверно установленными, общепризнанными. В частности, совсем не очевидна тесная связь между морфологией и характером церебральных людей, о которой говорит Л. Рудкевич. С одной стороны, действительно, у взрослых людей, сохранивших в конфигурации своего черепа черты детского типа, нередко наблюдается и «детская» психика: сильная чувствительность, доверчивость и стеснительность, яркое, образное мышление и быстрое утомление при умственной работе. Но в то же время обладателями такой инфантильной психики, как все мы, наверное, замечали в жизни, могут оказаться люди иной конституции. В свое время я проделал серию опытов по поиску связи между морфологическим типом и характером. Единственный твердый вывод из этих исследований, который удалось сделать, — церебральный тип обладает большей эмоциональной ранимостью по сравнению с морфологически противоположным ему типом — атлетоидным. Разнообразные тесты, проводившиеся совместно с психофизиологами, не выявили никаких других типических различий.

НА ЭТОМ наш спор можно было бы закончить. Ситуация достаточно ясна: факты недостоверны, обобщения сомнительны... Однако нельзя пройти мимо еще одного обстоятельства, связанного уже не с методикой научного поиска, а с его этикой. Предположим, что гипотеза Л. Рудкевича оказалась бы верна. Вправе ли исследователь с такой легкостью оперировать оценочными категориями «хуже — лучше», когда речь идет о человеке?

Говоря о связи между церебральным типом и его психикой, Л. Рудкевич спешит к своему главному выводу об особой миссии людей с церебральным типом черепа на нашей планете. Нет, он пока не утверждает, что почти все церебральные люди — гении (это сделано им в последней части статьи), но и обратное утверждение, что едва ли не каждый выдающийся деятель культуры обладал церебральным черепом, ни на чем не основано.

Мною было исследовано около 200 профильных портретных изображений выдающихся людей. Оказалось, что среди них представлены примерно одинаково все морфологические типы, в том числе, конечно, и церебральный. И я могу привести совсем другой перечень — Декарт, Гаусс, Монж, Байрон, Микеланджело, Мусоргский... Эти люди отнюдь не были «церебральными».

В конце статьи автор выдвигает весьма спорное предположение, что именно непреходящее у инфантильных людей стремление к игре, объединившись с интеллектом, порождает человеческое творчество. Значит, перед людьми неинфантильного типа, которым автор, по сути, отказывает в способности творить, возникает такая альтернатива: либо становиться подручными, подсобным персоналом при инфантильных «гениях», либо перестраивать под них свою психику, свой характер.

Но люди инфантильного психологического склада — отнюдь не идеальные герои. Да, их сострадательность, впечатлительность — это прекрасно. Только не следует забывать, что инфантилизм — это еще и неустойчивость настроения, желание уклониться от борьбы.

В инфантильном психологическом типе, как и в любом другом, есть свои плюсы и минусы. Опасность для общества возникает лишь в том случае, если какой-то характер станет доминирующим. Тогда его отрицательные черты, не компенсируемые более другими характерами, перечеркнут многие его положительные свойства...

К счастью, этого не предвидится. Потому что для человека биологическая эволюция давно сменилась эволюцией социальной, ведущей к многообразию человеческих характеров, способностей и талантов, к тому многообразию, без которого невозможно представить себе сегодняшнюю культуру.

торые могут повлечь и лишение свободы. Почему же тогда иным товарищам кажется, что человек, защищающий свою честь через суд, — непременно сутяга? Почему на того, кто воспользовался правом привлечь обидчика к ответу, смотрят косо и с осуждением, а сам обидчик ходит чуть ли не в героях?

«Охота связываться по пустякам?.. Себе дороже...» Не приходилось вам сталкиваться с такой «моралью»? А ведь и впрямь, пожалуй, дороже... Люди, берегущие свой покой, сдаются без боя, только бы не обивать пороги судов, не писать жалоб, заявлений, ходатайств. Этой мягкотелостью, уступчивостью, повышенной душевной ранимостью охотно пользуются те, у кого зычный голос и расхожей демагогии в избытке. Они-то и обзовут сутягой того, кто с горячностью и упорством начнет сражаться за «мелкие» свои права, резонно полагая, что мелких прав не бывает и что уступка неправде может войти в привычку, а это уже не столько личное дело, сколько общественное.

Так вот, Алексеева, не боясь показаться сутягой, решила защитить свою честь тем способом, который ей дал закон: официально признать оскорбителя оскорбителем и наказать его.

Но, оказывается, на этот счет могут быть разные точки зрения. Я разговаривал с коллегами Маслова и мнение одного из них записал: «Если каждый будет раздувать пустяк до космических размеров, то когда же мы будем работать? Честь, достоинство — все это очень красивые слова, но надо, однако ж, спуститься на землю. Маслов, конечно, поступил неправильно, не учел, что Алексеева — женщина и поэтому всегда права. Он готов был извиниться, но другая конфликтующая сторона оказалась непримиримой».

Не будем проводить референдум: кто — за Алексееву, кто — за Маслова. Если даже немногие разделяют холодный прагматизм моего собеседника, уже пора о многом задуматься. Если для кого-то достоинство и честь проходят по ведомству красивых слов, не говорит ли это об оскудении чувств и утрате основных человеческих ценностей? Если женщина, которой ни за что ни про что дали пощечину, именуется всего лишь «другой конфликтующей стороной», не означает ли это, что преступник и жертва выступают на равных и что плевок в душу считается чуть ли не нормой?

По счастью, он не считается нормой. Есть закон, и он непреложен: «Оскорбление, то есть умышленное унижение чести и достоинства личности, выраженное в неприличной форме», является преступлением и влечет за собой наказание, которое налагает суд. Но преступлением (и в этом-то «соль» вопроса) оно станет лишь после того, как жертва сама обратится за помощью к суду и сама проведет своеобразное «следствие»: назовет свидетелей, представит улики, докажет обоснованность своих «бед и обид». Не обратится — оскорбление останется инцидентом, касающимся только двух «конфликтующих сторон».

Может быть, именно это и породило несколько брезгливое отношение к делам так называемого частного обвинения, за которыми кое-кому видятся лишь сутяжничество и склока. А в действительности за ними сплошь и рядом душевная боль, осознание человеком своей личности, неистребимая тяга к справедливости, непримиримость к попранию чести. Но, разбирая такие дела, приходится копаться в мелочах быта, в пустяковых для постороннего глаза деталях, в ничтожных булавочных уколах, ранящих сердце и омрачающих жизнь, но со стороны выглядящих как та пресловутая муха, которая «из принципа» раздута в слона: не потому ли порой болезненно реагируют на назойливость «заявителей», с редким упорством жаждущих мести?

Мести ли? Месть — низкое чувство, в ее защиту я не сказал бы ни слова. Но и всепрощение, рабская уступчивость хамству нисколько не выше. Потому мне кажется странным традиционное начало любого дела частного обвинения — попытка примирить «конфликтующие стороны»: так ли уж это нравственно, если хамство, рукоприкладство или клевета будут тотчас же прощены? Закон вовсе не требует активно мирить преступника и его жертву, он лишь обязывает суд разъяснить потерпевшему «его право на примирение с подсудимым».

Алексеевой тоже разъяснили ее право, но она им воспользоваться отказалась. Поэтому нам не останется ничего другого, как войти в зал судебного заседания и послушать этот необычный процесс. Я называю его необычным, ибо не часто же встретишь ведущего инженера, дающего пощечину женщине, и женщину, проявившую завидную твердость, чтобы довести его за это до скамьи подсудимых.

Впрочем, если верить инженеру, то пощечину он Алексеевой не давал, а лишь «провел ладонью по ее лицу». Язык могуч, неожиданное сочетание слов способно придать событиям почти пародийный оттенок. Что это значит: «провел ладонью по лицу»? Приласкал? Приголубил? Погладил, что ли?

Знаете, зачем Маслов пошел за Алексеевой в темный подъезд? Нагрубить? «Провести ладонью»?.. Ничуть не бывало! «Поговорить и сделать замечание по поводу ее неправильного поведения в трамвае» — вот зачем он пошел, и суд терпеливо его слушал, потому что подсудимый волен говорить все, что угодно в свою защиту. Тем более что у Маслова есть доказательство: грамота исполкома райсовета «за плодотворную работу по коммунистическому воспитанию трудящихся». Эту грамоту он представил суду, суд приобщил ее к делу, и нам, очевидно, теперь нужно считать, что Маслов последовал в темный подъезд, чтобы воспитывать там Алексееву, учить ее правилам высокой морали.

Алексеева же, как мы помним, воспитанию не поддалась, обозвала его хулиганом. И вот уже Маслов выступает не только подсудимым, но еще и обвинителем, он требует сатисфакции, потому что «хулиган» — грубое слово. Хулиганом, говоря строго, можно назвать лишь того, кто осужден за хулиганство, да и то когда приговор вступил в законную силу. Если бы Алексеева крикнула: «Держите человека, проведшего ладонью по моему лицу» — тогда другое дело, тогда ему крыть было бы нечем...

Суд признал инженера виновным в оскорблении и приговорил его к штрафу: двадцать рублей. Наказание символично, и не в нем, разумеется, дело. О другом поразмыслим: откуда это стремление окружающих умалить вину, низвести посягательство на достоинство личности до уровня небольшого огреха? Только ли из желания защитить коллегу, оградить его от чрезмерной кары?

Нет, я думаю, оно от того, что бесцеремонность и хамство мы стали прощать слишком уж часто. А прощать их не надо, ибо честь гражданина — достояние общества, защищая ее, он борется вовсе не за частный, эгоистичный интерес.

Суд в Ленинграде проявил настойчивость и твердость, он решительно защитил поруганную честь человека. Но процесс этот, я думаю, был бы куда значительней и эффективней, если бы в деле принял участие прокурор. Ведь законом предусмотрены необходимые гарантии, чтобы защита чести и достоинства личности была обеспечена со всей реальностью и полнотой. Прокурор может вступить в любое дело, может поддержать «частное» обвинение от имени государства, придав ему этим общественное значение и официальный характер. Он может и сам возбудить дело против любого, кто посягнул на достоинство и честь гражданина.

Важно, чтобы эти веления закона всегда исполнялись, чтобы никто не упускал случая дать бой «привычному» хамству и защитить человека, который страдает «всего лишь» от сплетни, «всего лишь» от дерзости и обиды.

Самосознание советского человека неизмеримо возросло, и естественно, что к себе он относится с подобающим уважением, видя в личном достоинстве непреходящую ценность, которую нельзя отдать на поругание никому. Вот почему, я думаю, обращение к суду для ограждения чести — свидетельство нравственной зрелости, свидетельство уважения к закону, доверия к суду.

Ведь законные интересы каждого человека и подлинные интересы нашего общества нераздельны.

Дальний рейс
Фото Г. КОПОСОВА

РОЖДЕННАЯ В БОРЬБЕ

Сегодня в Берлине начинает свою работу VII съезд писателей ГДР

ЛИТЕРАТУРУ ГДР — боевую, антифашистскую, рассказывающую о человеке социалистической, новой Германии, мы читаем с особым чувством. Это литература мужественная и целеустремленная, где строгая, неколебимая логика одухотворена жаром поэзии, а поэтический пафос заключен в строгие рамки мысли. Поэзия ГДР возродила почти забытую форму сонета, это заслуга Вехера, который вообще вернул немецкой культуре растерянные за столетия сокровища.

Без Бехера не только немцы, но и другие народы, наверно, не скоро прочли бы гражданских лириков XVII века, не вспомнили бы так Гримельсгаузена, не взглянули бы новыми глазами на Гёльдерлина. Бехер был большим поэтом и министром культуры — следует подчеркнуть оба слова потому, что министр, наделенный государственными полномочиями, внедрял в народ классическое наследие, очищенное от злонамеренных искажений и фальшивого глянца. Новая культура ГДР с первых же дней возрождала «дух Веймара», дух Гёте и Шиллера, дискредитированный и зловеще опошленный. Дело не в слепом поклонении богам с веймарского Олимпа, а в том, что пишущие и миллионы читающих почувствовали себя причастными к вершинам гуманистической национальной культуры.

В ГДР классики были радостно приняты жадными до знаний массами, и это к ним, а через них и ко всему человечеству обращался в 1955 году в Веймаре со своей последней речью о Шиллере Томас Манн.

Не случайно классики сами нередко становились героями литературы ГДР, например, у Фюрнберга, Хермлина, и только глубокое проникновение в сложнейшие явления мировой литературы позволило Анне Зегерс в одной из своих последних новелл из цикла «Необычайные встречи» свести между собой в Праге 30-х годов Кафку, Гофмана и Гоголя...

Все это говорится здесь в укор недругам литературы ГДР, которые от недобросовестности, предвзятости или незнания дела изображают ее прямолинейно-доктринерской, примитивной, однообразно направленной на описание так называемых «производственных процессов». Между тем какой высокой духовностью и стилистическим богатством отмечены книги, написанные пером Анны Зегерс, Эрвина Штриттматтера, Иоганнеса Бобровского, Германа Канта, Кристы Вольф, Стефана Хермлина, Франца Фюмана и других. Да и всемирно признанное творчество Брехта, вся его школа неотрывны от эстетических принципов искусства и литературы Германской Демократической Республики.

В напряженных размышлениях о судьбе человека, о его назначении и месте в жизни эта литература пришла к выводу, который звучит как вызов безволью, душевной дряблости и фатализму: «Мы не пыль на ветру!»... Озаглавленный так роман Макса Вальтера Шульца стоит в ряду тех честных и чистых книг, в которых герои проходят, может быть, самый трудный путь познания и достигают истины в результате мучительного спора с собой, переоценки всех казавшихся незыблемыми ценностей.

Литература ГДР рассказала, что происходило в душе тех, чьи фигуры четыре года смутно маячили перед нами сквозь прорезь прицела, в стеклах полевых биноклей и стереотруб. Это была горькая исповедь бывших солдат немецкого вермахта: не запоздалое покаяние, не самооправдание задним числом, а расчет с прошлым и решение на будущее. Приключения Вернера Хольта, описанные Дитером Нолле́м, — безоговорочное разоружение перед лицом истины человека, который был «вооружен» лживыми фашистскими догмами.

Мы помним, однако, что духовное возрождение, вернее, «новое рождение» такого Вернера Хольта и его сверстников было бы невозможным без кропотливой и героической воспитательной работы, в которой столь важную роль сыграли литература немецкого антифашизма и ее ветераны — Иоганнес Бехер, Бертольт Брехт, Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф, Вилли Бредель, Ганс Мархвица, ныне здравствующие Анна Зегерс и Людвиг Рейн. Самое понятие «ГДР» связано для нас с этими славными именами, чистотой и благородством веет от их облика, а преподанный ими урок революционного оптимизма, верности долгу, подлинной, а не показной человечности оставил глубокий след в сознании миллионов людей. Это они вместе с такими писателями, как Бруно Апиц, Рудольф Леонгард, Карл Шног, Вальтер Горриш, Фриц Зельбман, Ганс Лорбеер и другие, испытавшими лично на себе кошмар гитлеровских лагерей и застенков, показали, что человек может и должен оставаться человеком даже на «седьмом круге», среди волчьей стаи, в аду заксенхаузенов и бухенвальдов.

Проходят годы, а литература ГДР считает своей исторической обязанностью напоминать молодым поколениям, что такое фашизм, обличать его явные и скрытые формы, ни на миг не давать умолкнуть тревожному бухенвальдскому набату. И разве не знаменательно, что письмо, разосланное деятелями культуры ГДР своим коллегам во всех странах мира в связи с событиями в Чили, датировано следующим образом: «Берлин, 40 лет спустя после рокового 1933 года»?..

Великие слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» впервые были написаны на немецком языке. И на немецком языке было сказано: «Обнимитесь, миллионы!» — шиллеровский гимн «К радости», которым венчается Девятая симфония Бетховена. Этот гимн мы вновь услышали в последние минуты работы Всемирного конгресса миролюбивых сил в Москве, в Кремлевском Дворце съездов. Именно под эту музыку и под эти слова поднялись с мест делегаты, приехавшие из всех частей земного шара.

Друзья в ГДР знают, к чему это обязывает. Интернационализм для литературы Германской Демократической Республики не просто важная тема: он составляет основное ее содержание. Дух международной солидарности, боевой дух интербригад, восторжествовавший в ГДР, продиктовал Курту Бартелю (Кубе) строки его «Поэмы о человеке», которая утверждает рожденное в вековой борьбе братство трудящихся, всемирный союз угнетенных, поднявшихся, начиная с восстания Спартака, против неволи и неправды, против бичей, тюрем, голода, расовой ненависти, разбойничьих войн...

...Лучшие художники ГДР писали о Советском Союзе. Выбирали моменты истории, что покруче, годы пламенные, столкновения острые. Куба, Хермлин, Фюрнберг писали свои первые стихи о нашей стране в условиях, когда за укрепление германо-советской дружбы золотых значков не давали, а могли лишить жизни. Но и тогда, и после, когда пришло освобождение и сотрудничество между народами наших стран стало явлением повседневной действительности, литература ГДР воспитывала и укрепляла в людях прежде всего чувство осознанного доверия к Советской стране.

Движимые этим чувством доверия, рабочие и крестьяне республики на рассвете новой эры читали советские книги, как учебники жизни.

Шла «перековка», шло перевоспитание миллионных масс, и самыми читаемыми тогда книгами были «Мать» Горького и «Педагогическая поэма» Макаренко. Несколько позже понадобился гладиковский «Цемент». Новая немецкая деревня искала ответа на жгучие вопросы в шолоховской «Поднятой целине». На одном из пленумов ЦК СЕПГ, касаясь стиля партийной работы, руководители партии говорили о героях романа Г. Маркова «Соль земли», как о живых людях...

Было бы наверно думать, что к советской литературе подходят сугубо утилитарно. Книги для перевода отбирают с большой тщательностью, строго, художественные критерии здесь очень высоки.

Тем более радостно, что в круг чтения в ГДР прочно вошли собрания сочинений Федина и Шолохова, книги Леонова и Тихонова, Паустовского и Пришвина, Гамсахурдиа и Айтматова, Симонова и Катаева, Полевого и Бека, Бондарева и Трифонова, Алимжанова и Слуцкиса, Гранина и В. Фоменко — называю лишь тех авторов, которые, как мне кажется, переведены с наибольшим мастерством... В замечательном переводе Гуго Гупперта издан немецкий пятитомник Маяковского. Пауль Винс после долгих усилий и поисков нашел путь к эпическим поэмам Твардовского. Куба вслушивался в оригинальное звучание стихов Расула Гамзатова и оставил несколько редких по силе переводов. Как поэтического побратима переводит Андрея Вознесенского Иенс Герлах. Сильно прозвучали в немецком переводе Бажан и Мартынов. Свои переводчики есть у Винокурова, Марцинкявичюса, Межирова, Евтушенко...

За сравнительно короткий срок вышли основные произведения русской и советской классики, литература 20—30-х годов, которая, конечно, не могла прорваться к немецким читателям во времена гитлеризма и воспринята теперь как открытие. Усилиями издательства «Фольк унд вельт» в отличном оформлении выходит все наиболее значительное и заметное, что создается на языках всех советских народов в наши дни...

...Вместе с жизнью развивается литература. Он вырос, маленький Давид Грот, герой последнего романа Германа Канта «Выходные данные», ему уже сорок лет, и перед ним, сыном шофера, бывшим курьером, а теперь главным редактором журнала, стоит вопрос, принимать или не принимать предложенный ему пост министра.

История жизни Давида Грота, в которой есть материал и для трагедии, и для философской драмы, и для комедии нравов, изложена Германом Кантом во всей ее сложности, но без малейшей натуги, легко и свободно, как легко и свободно движется раскованная человеческая мысль. Роман Г. Канта, удостоенного в 1973 году национальной премии, заслуживает особого разбора, но сейчас хочется сказать о другом — о постижении человеческой личности в связи с эпохой, с тем делом, которому человек служит, об извилистом и тернистом пути, по которому проходит его сознание.

Собственно, этим вопросом о смысле жизни, о том, как своими руками сделать жизнь богаче и содержательнее, задаются все герои новейшей литературы ГДР, далекой от зазнайства и самоуспокоенности.

Избавленные от страха смерти, от нужды и бесправия, они хотят постичь свое время и самих себя ради того дела, за которое было пролито столько крови, столько испытано мук и дальнейшая судьба которого зависит теперь только от каждого человека в отдельности и состояния общества в целом.

Постижение смысла жизни становится потребностью и для центрального персонажа только что вышедшей в ГДР второй части романа Эрвина Штриттматтера «Чудодей» Станислауса Бюднера, которого сам автор отнюдь не случайно сделал в конце концов тоже писателем...

Недавно, в дни Всемирного конгресса миролюбивых сил, работая с Эрвином Штриттматтером в одной комиссии, я услышал от него примерно следующее:

— Здесь, на конгрессе, я несколько раз обратил внимание на произносимое в речах слово «планета». Я думаю, что это слово особенно важно для нас. Ведь мы ответственны не только за судьбу своих стран, своих народов, но и за судьбу всей общей для нас планеты...

Лев ГИНЗБУРГ

Сидячая забастовка почтовых служащих в Токио, требующих повышения заработной платы.

Полиция расправляется с участниками забастовки на автомобильных заводах Форда в Западной Германии.

Массовая забастовка строительных рабочих в Нанте (Франция). Тысячи трудящихся вышли на улицы с требованием положить конец росту стоимости жизни. ●

Английские актеры установили пикеты перед лондонским «Шафтсбери сиатер» с плакатами «Спасите лондонские театры» в знак протеста против намерения властей закрыть ряд театров и использовать их здания для других целей. **Фото из зарубежной печати**

В Чили продолжается кровавый террор. На снимке: карабинеры ведут на допрос группу арестованных сторонников Народного единства

Бойцы Освободительной армии Гвинеи — Бисау

И. БОЧАРОВ

НАСЛЕДНИКИ ДУЧЕ

Недавно в нашей газете была напечатана статья Д. Мельникова и Л. Черной «Был ли Гитлер Гитлером», анализирующая причины шумихи, поднятой западной печатью вокруг имени Гитлера. В этом номере мы публикуем очерк журналиста И. Бочарова, рассказывающий о том, кто и почему пытается возродить идеи фашизма в сегодняшней Италии.

В ЭТОМ ГОДУ исполнилось 30 лет с момента падения итальянского фашизма. И почти столько же лет насчитывают попытки эксгумировать его труп, которые стали предприниматься в стране сразу после отстранения Муссолини от власти. В то время как фашисты, состоявшие на службе у Гитлера в составе администрации и карательных отрядов марионеточной «Итальянской социальной республики», еще вписывали самую позорную страницу в историю движения чернорубашечников, бывшие приспешники дуче, оказавшиеся на освобожденной англо-американскими союзниками территории, уже срочно сочиняли мемуары и исторические изыскания, пытаясь обелить свое прошлое.

ПО ПОДСКАЗКЕ ЧЕРЧИЛЛЯ

Сразу же после краха режима Муссолини, когда в стране остро стоял вопрос об ответственности за национальную катастрофу, явившуюся результатом поражения в войне, лейтмотивом мемуарных свидетельств был тезис о Муссолини — главном и единственном виновнике этой катастрофы.

Идея алиби итальянской буржуазии в преступной военной авантюре была подсказана в самый разгар войны не кем иным, как Уинстоном Черчиллем, что отражало тогда заинтересованность всей мировой реакции в снятии доли ответственности за преступления фашизма с итальянского капитала. «Один, один-единственный человек, — говорил Черчилль, обращаясь к итальянцам в своем выступлении по радио в ноябре 1942 года, — бросил вашу страну в войну против Англии».

После падения фашизма этот тезис был мгновенно подхвачен сотнями бывших муссолиниевских дипломатов и генералов, государственных чиновников и партийных функционеров, придворных публицистов и жандармских офицеров. Оказалось, что все они «были против» участия Италии в войне, все «осуждали в душе» «крайности» диктатуры.

Пользовавшийся во времена «черного двадцатилетия» необычайным фавором журналист Уго д'Андреа, осыпанный ласками «режима» за книгу «Муссолини — мотор века» и допущенный за это к составлению официальной биографии дуче, одним из первых перекрасился под его стародавнего противника. Спрятавшись за псевдонимом Ф. Джолли, он опубликовал в 1945 году книгу под характерным названием «Как они были доведены до катастрофы», в которой не пожалел черных красок, живописуя своего прежнего кумира.

Изощряясь в сарказме, он писал, что всегда видел в Муссолини ничтожного, малокультурного человека, чье столь разрекламированное ораторское искусство — «всего лишь крикливое большого барабана» и чей словарный запас не превышал двухсот слов. Это был, по словам Ф. Джолли — Уго д'Андреа, «безумец, пораженный манией величия и охваченный ненасытной жаждой власти».

Подобными филиппиками в адрес того, кто раньше «всегда был прав», пестрели страницы и многих других сочинений, вышедших в Италии из-под пера бывших приспешников дуче. Маршал Пьетро Бадольо, завоеватель Эфиопии, рассказывал в своих мемуарах о крайнем цинизме, отличавшем фашистского диктатора, который, вступая во вторую мировую войну, заявил, что ему понадобится всего лишь несколько тысяч убитых, чтобы восседать за столом мирной конференции в качестве победителя. Посол Раффаэле Гуариньи сообщал о поразительной некомпетентности дуче в качестве руководителя фашистской дипломатии, министр Гуарнери — о неподготовленности Муссолини в экономической области, генералы — о полном невежестве «первого маршала империи» в военном деле.

Никто не хотел остаться в стороне от развенчания «человека провидения». В эту кампанию включилась даже дочь диктатора, Эдда Муссолини-Чиано, передавшая в печать дневники своего мужа, бывшего фашистского министра иностранных дел, расстрелянного в 1944 году по приказу тестя. Чиано не предназначал их для опубликования. Он рассчитывал использовать их в качестве исходного материала для сочинения мемуаров на склоне лет и потому не стеснялся в выражениях, описывая кухню фашистского правления в Италии, истинное отношение Муссолини к народу и судьбам страны.

Вот какие строки встречаются на страницах этих дневников: «Итальянская раса — это раса овец. — поверял Муссолини зятю свои тайные мысли, — мы должны держать ее под ружьем с утра до ночи. Требуется палка и еще раз палка. Чтобы сделать народ великим, надо заставить его пройти через войну, даже если для этого понадобится дать ему пинка под зад». Дуче целиком одобряет слова одного итальянского генерала, который напутствовал своих солдат, оккупировавших Албанию, такими словами: «Я слышал, что вы хорошие отцы семейств. Это похвально дома, а не здесь. Здесь вы должны быть ворами, убийцами, насильниками».

К РЕАБИЛИТАЦИИ «ЧЕРНОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ»

Первое дыхание «холодной войны» сразу же внесло новые нотки в мемуарную литературу о фашизме и Муссолини. Адепты дуче, избегнувшие народной кары, вызывающе стали напоминать правителям Запада о заслугах фашизма в области антикоммунизма и антисоветизма. Характерными в этом отношении явились мемуары Филиппо Анфузо, одной из самых одиозных фигур итальянского фашизма. Вместе с Чиано Анфузо был организатором подлого убийства братьев Росселли, руководителей антифашистской группы «Справедливость и свобода». Став идеологом неофашистской партии, восстановленной в 1946 году вопреки конституции Итальянской Республики, Анфузо опубликовал мемуары, в которых открыто провозглашал свою верность идеям Муссолини и клеймил презрением тех своих коллег, которые от этих идей отреклись. «Если быть неофашистом означает не иметь ничего общего с такого рода людьми, — провокационно заявлял он, — то я с гордостью подчеркиваю, что я неофашист».

В тон Анфузо бывший посол фашистской Италии в Швейцарии Аттилио Тамаро внушал, что руководители западных держав должны быть благодарны «оси» Рим — Берлин за борьбу против СССР.

Речь шла ни больше ни меньше как о том, чтобы заставить идеологов «холодной войны» признать новоявленных фашистов ударной силой мирового антикоммунизма, как это было в период между двумя мировыми войнами.

Создание и укрепление в антисоветских целях агрессивного блока НАТО, развитие интеграционных процессов в Западной Европе стимулировали усилия по реабилитации фашизма. На первый план теперь выступили попытки изобразить дело таким образом, что итальянский фашизм и его дуче вообще стояли у истоков объединенной на антикоммунистической основе Европы.

Эту тему ввел в свои мемуары в последующих изданиях и Анфузо, указывавший вообще на приоритет фашизма в деле объединения Европы, ибо фашисты, говорил он, «обращали свои взоры на Европу не потому, чтобы она стала фашистской или нацистской, а во имя того, чтобы она осталась Европой». В этом же духе высказывались и другие мемуаристы.

Что же касается неофашистской публицистики, то ее суждения на этот счет отличались еще большей прямолинейностью. «Муссолини, — утверждалось в 1962 году на страницах одного издания, — остался самым великим европейцем нашего века... или лучше было бы сказать — отцом современной объединенной Европы».

Одновременно все эти годы всячески муссировалась идея о принципиальном различии между итальянским фашизмом и германским нацизмом, различии, естественно, в пользу первого, что опять было рассчитано на полную реабилитацию идеологии чернорубашечников и включение ее в капиталистический идеологический арсенал борьбы против социально-политического движения итальянских трудящихся.

Наступивший в 60-х годах под влиянием разрядки международной напряженности кризис идеологии «холодной войны» породил такое «уникальное» явление в итальянской историографии, как книга Франко Бандини «Техника поражения», в которой автор резко критикует политику фашистских правителей Италии... с протитлеровских позиций, особенно за их недостаточную верность союзу с Германией.

С течением времени лидеры итальянского неофашизма убедились, что открытый курс на реабилитацию режима Муссолини не может принести сколько-нибудь значительной поддержки их партии. Толчком к пересмотру старой тактики, выражавшейся в слепом декларировании верности дуче, послужили события 1960 года, когда в ответ на попытку правительства Тамброни опереться на правую коалицию, включающую неофашистов, в стране вспыхнуло настоящее восстание, в котором плечом к плечу со старыми участниками Сопротивления выступило молодое поколение, подтвердив свою верность антифашистским идеалам и твердо заявив о своей воле не допустить к власти в стране последышей Муссолини. С этого времени неофашисты стали прилагать усилия по демократической маскировке своей идейной и политической платформы.

Подобная тенденция привела к рождению нынешней формулы неофашистской партии «Итальянское социальное движение» (ИСД), с которой она выступала на парламентских выборах весной 1972 года: «Порядок, корпоративное участие, свобода». Расшифровке этой формулы национальный секретарь ИСД Джорджо Альмиранте посвятил целую книгу, в которой он, заявляющий ранее, что слово «фашист» у него написано на лбу, ни разу не употребляет эпитета «фашистская» применительно к своей партии, ни разу не упоминает имени Муссолини и всячески уходит от вопроса о связи между старым и новым фашизмом, именуемым в книге «национальной правой силой». И вообще, с точки зрения Альмиранте, главная задача, стоящая ныне перед Италией, заключается в достижении «национального примирения», под которым он имеет в виду прекращение всякой дискриминации в отношении своих единоверцев. Таким образом, свобода в понимании современных адептов Муссолини при ближайшем рассмотрении оказывается лишь свободой для исповедания фашистской веры, в то время как порядок означает не что иное, как лишение свободы всех инакомыслящих.

Впрочем, неофашисты и не делают большого секрета из того, что их нынешние разговоры о свободе — всего лишь вынужденный временный демократический флер, который будет тотчас же сброшен, как только в нем отпадет нужда. Альмиранте в своей книге вынужден многого не договаривать. Точки над «и» за него поставили другие. Так, современный идеолог итальянского неофашизма Юлиус Эвола откровенно разъясняет, что от старого учения Муссолини его партией унаследована в неизменном виде «последовательная позиция борьбы против любой формы демократии и социализма».

ТАКТИКА «ДВУБОРТНОГО ПИДЖАКА И ДУБИНКИ»

Речь идет, следовательно, всего лишь о смене формы, но отнюдь не сущности фашизма, которой последователи Альмиранте ни в коей мере не желают жертвовать в угоду своим тактическим уловкам. Их цели шире, претенциознее. Они хотят, чтобы весь итальянский народ отказался от своего антифашистского прошлого, от своих демократических идеалов и признал в фашизме своего, быть может, и блудного, но все же законнорожденного дитятю. «Национальная правая сила, — теоретизирует другой неофашистский идеолог, Марио Тедески, в книге «Национальная правая сила. Синтез новой политики», — не приемлет интервалов в истории Италии». Надо, продолжает Тедески, «ревизовать историю, преподающуюся сегодня. Эта история, к сожалению, написана победителями, но побежденные, дети побежденных имеют право пересмотреть ее — их долг думать собственными головами».

Вместе с идеологическими диверсиями, как известно, предпринимались широкие политические маневры. В то время как «теоретики» неофашизма старались набросить на свою партию покровы парламентской благопристойности, чтобы замаскировать ее старую сущность, в стране руками ИСД и группирующихся вокруг него организаций был развернут массовый террор, который должен был продемонстрировать, что Италия идет навстречу гражданской войне. «Итальянское социальное движение», возлагая вину за террор на левых, в этой обстановке намеревалось выступить в роли спасителя отечества.

Благодаря такой тактике неофашизм пытается объединить вокруг себя самую разношерстную публику — от ультра, которые считают, что надо бороться за претворение идеалов Муссолини в жизнь в неурезанном виде, до умеренных консерваторов, цепляющихся за фетиш парламентаризма. ИСД выступает перед итальянцами, подобно двуликому Янусу, — в новом, наспех скроенном двубортном демократическом костюме и с традиционной дубинкой в руках. Костюм этот трещит по всем швам, когда неофашистские громилы орудуют дубинками, выбивая из голов итальянцев увлечение «этой бесполезной и лживой демократией», как выражается один из главарей ИСД. Но его снова приводят в порядок, когда встает необходимость предстать в респектабельном обличье, особенно в период избирательных кампаний. Этот символ легальности и насилия так и получил наименование тактики «двубортного пиджака и дубинки».

Новая тактика не принесла ИСД желаемых результатов. Волна насилия и террора, захлестнувшая Италию в последние годы, разоблачила неофашистов в самых широких слоях итальянского народа.

Неофашизм оказался изолированным. С требованием положить конец преступным действиям партии апологетов дуче и поставить ее вне закона выступили наряду с коммунистами и другие итальянские политические партии — социалисты, социал-демократы, республиканцы, христианские демократы. В стране, таким образом, впервые за послевоенные годы на почве конкретных задач борьбы с возрождением фашизма было восстановлено единство всех тех сил, которые участвовали в движении Сопротивления и боролись за установление нынешнего республиканского строя в Италии. В парламенте была проведена политическая дискуссия об антиконституционной сущности неофашистских организаций и было решено начать судебные дела против их лидеров по обвинению в нарушении конституции, для чего неофашистские заправилы, члены палаты депутатов и сената, были лишены парламентской неприкосновенности.

Эти решения были с одобрением встречены подавляющим большинством итальянского народа, который не забыл преступлений режима чернорубашечников и не изменил к нему отношения, несмотря на море чернил, исписанных апологетами дуче в тщетной попытке обелить фашизм и его прошлое.

Жан-Поль САРТР:

«Я СЖЕГ БЫ МОНУ ЛИЗУ»...»

В последние годы в ряде стран Запада наблюдается оживление деятельности разного рода левоэкстремистских группировок, выступающих подчас под знаменами маоизма и пользующихся поддержкой пекинских раскольников. Прикрываясь псевдореволюционной фразой, они подвергают нападкам международное коммунистическое и рабочее движение, тщетно пытаясь изолировать его от масс, столкнуть на путь стихийных акций, заведомо обреченных на поражение. Политический авантюризм этих группировок, их действия, направленные на дискредитацию идеи революции, явились подлинной находкой для антикоммунизма и реакции. Отсюда понятно, почему власти, незамедлительно пускающие в ход репрессивный аппарат в случае выступлений трудящихся, смотрят сквозь пальцы на шумный политический балаган, разыгрываемый под истлевшим анархистским флагом или лозунгами «великого кормчего».

«Борьбу против такого рода элементов, — говорил на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев,— братские партии рассматривают как важное условие укрепления своих рядов».

Не находя поддержки у трудящихся, экстремисты пытаются вовлечь в свои ряды отдельных представителей интеллигенции и учащейся молодежи, возмущающихся идейным опустошением буржуазного общества, но в силу своих классовых предрассудков и свойственного им индивидуализма не способных включиться в организованную борьбу рабочего класса. Оторванный от масс, такой интеллигент будет либо все отрицающим нигилистом, либо политическим краснобаем, но и в том и другом случае — всего лишь политическим нулем.

Американский журнал «Эсквайр» опубликовал беседу своего корреспондента Пьера Бенишу с Жан-Полем Сартром. В течение нескольких часов известный французский писатель отвечал, по сути дела, на один давно интересующий многих вопрос: что привело его в лагерь псевдореволюционеров, именующих себя французскими маоистами.

Беседа началась с разъяснения того, что изменилось во взглядах писателя после майских событий 1968 года во Франции.

«Вначале, — сказал Сартр,— я чувствовал только, что происходит нечто важное, что молодежь как бы притягивает к ответу и меня. Я подумал было, что критике подвергают вообще старшее поколение. Постепенно я начал понимать, что всех нас критикуют в основном за интеллектуализм. И хотя эти молодые люди сами были интеллектуалами, поскольку учились в университетах, именно вот с этой-то «классической интеллектуальностью» они больше не хотели иметь ничего общего.

К «классическим интеллектуалам», — продолжал Сартр, — я отношу не только писателей, но всех людей свободных профессий: врачей, инженеров и т. п. Людей, считающих, что они работают для всеобщего блага. Например, врач, изучающий какую-нибудь болезнь, делает это для всего человечества. Но в то же время он понимает, что универсальной культурой ему позволил овладеть определенный класс — буржуазия — и что всякая работа, выполняемая им для всеобщего блага, распыляется, рассеивается, тормозится этой «задолженностью» определенному классу. Он человек раздвоенный, поскольку при всей общеполезности его деятельности его постоянно сдерживают классовые «тормоза». Он от этого страдает; можно сказать, что совесть его неспокойна».

В 1968 году молодежь, приходит к выводу Сартр, заявила, что не желает больше таких интеллектуалов в качестве своих духовных поводырей, старающихся преподать свои идеи людям, настроенным совсем на другую «длину волны». Следовательно, по мнению Сартра, надо бросать вызов самому характеру интеллектуализма.

«С той минуты, как я почувствовал, — продолжает писатель, — что прежней политической ангажированности уже недостаточно, я занял другую позицию. Сейчас я гораздо ближе к массам и нередко нахожусь зримо, физически вместе с ними. Фактически я теперь полностью за противозаконные действия. Я всегда был за насилие, только раньше говорил об этом, сидя в своем кресле, вот и все. Массам надо разъяснить, что буржуазия первой нарушает все законы. Стоит им это понять, как с пониманием придет и ненависть. А из нее рождаются смелость, готовность ответить на насилие насилием».

На вопрос о том, изменилось ли его поведение и на практике, Сартр ответил: «Теперь я все время занимаюсь такими делами, как, например, обратное вселение жильцов, которых выгнали с квартиры, выхожу на демонстрации. Вообще, как только меня попросят выступить с каким-либо заявлением, выступаю.

Происходит довольно любопытное явление: люди, среди которых я работаю, терпеть не могут систему «звезд». Но, если встать на определенную точку зрения, как они меня используют? Как «звезду». И я цинично соглашаюсь на эту роль».

По мнению Сартра, его известность идет на пользу делу. Он вспоминает: «Как-то я выступал в квартале Гутт д'Ор перед рабочими-иммигрантами. Полицейских там было человек двести, за углом стояли наготове фургоны для арестантов, но никто из полицейских и пальцем не пошевелил: «Это Сартр, не трогайте его!» Поверите ли, ни один из них даже не прикоснулся. Я мог говорить, другие тоже смогли выступить. Потом я услышал, как один полицейский сказал: «Подождем, когда он уйдет, и тогда заберем остальных». В результате именно мне пришлось уйти последним.

Некоторых забавляет, — разъясняет далее писатель, — когда они видят меня одетым по моде, которой следуют «леваки». Но после майских демонстраций в Парижа я сказал себе: «Наконец-то, хотя бы в моем возрасте, я приобрел свободу одеваться так, как хочу», буржуазную одежду — костюм, белую рубашку, галстук — я уже много лет считал безобразной, однако убеждал себя, что ее надо носить, иначе тебя примут за сумасшедшего. Короче, смирялся с этой участью. Теперь же смиряться больше не хочу».

Значительное место в интервью занимают размышления Сартра о современной западной культуре, полностью отождествляемой им с буржуазной культурой, буржуазными ценностями.

По этому вопросу писатель говорит следующее: «Культура у нас передается, как власть, определенному кругу людей, которые ее и усваивают; для всех же прочих она запретный плод. Если мы хотим создать новую культуру, мы должны соединиться с массами, наблюдать и ждать. Настоящей контркультурой по справедливости будет та, что создана и провозглашена самими массами».

На вопрос о том, что станет с классической культурой, в частности с литературными шедеврами, например, с «Госпожой Бовари», лет через пятьдесят, когда, как предполагают единомышленники Сартра, в Западной Европе повсеместно произойдет «культурная революция» и общество будет перестроено по китайскому образцу, писатель отвечает:

«Прежде всего народ отнимет у Культуры с большой буквы большую букву «К» и заменит ее маленькой. Но что от нее останется, трудно сказать. Останется то, что захочет оставить народ...

А литературные шедевры? Что станет с «Госпожой Бовари»? Возможно, — размышляет Сартр,—этот роман сохранят за высказанную в нем точку зрения на «интерперсональные связи». В культуре, которая будет основана только на любви, «Госпожа Бовари» опять-таки может найти свое место.

Но не может ли случиться, что романы Вальтера Скотта будут цениться выше, чем «Госпожа Бовари»? Они могут остаться как любопытное исследование того, что в конце концов привело буржуазию на порог ее революции. Но «Госпожа Бовари» настолько неисторична... Бальзак, может быть, более историчен, хотя, конечно, Флобер мне нравится больше. Его могут оставить. А Данте? Что может остаться от Данте? Это писатель очень темный для читателя даже теперь, и повествует он о символическом загробном мире, потерявшем для нас всякий смысл...»

Разъясняя недавно высказанную им фразу: «Во всяком случае, с литературой покончено»,—писатель говорит: «Приведу вам один пример. В прошлом году в Париже была поставлена очень хорошая пьеса под названием «89-й год». Ее создали совместно около пятидесяти юношей и девушек. Какую роль сыграл в этой постановке писатель? Никакой. Молодежь решила написать эту пьесу сама и написала. Сценарист был выделен, но им мог быть любой из них. Важно было действие. Они прошли свою учебную программу по истории нашей Революции, а потом все собрались и набросали сцены будущей пьесы. Так что это была по-настоящему коллективная работа: в авторе они не нуждались, достаточно было иметь сценариста, который бы связал все глаголы с дополнениями». В будущем, считает Сартр, роль писателя станет трудной.

Далее Ж.-П. Сартр останавливается на таких явлениях, как «антимолодежный расизм», с одной стороны, и «идолопоклонство перед молодыми» — с другой. «Мы создали для молодых, — разъясняет он, — невероятно фальшивую культуру, что и было одной из причин событий 1968 года. В ней не было реализма, и молодежь это чувствовала. А поскольку, кроме этой культуры, мы ничего не дали молодежи, она ее в лепешку разбила. Или пробовала разбить...»

На последний вопрос, заданный корреспондентом журнала «Эсквайр»,— представьте себе, что «культурная революция», за которую ратуют ваши друзья, в Париже осуществилась. Попытаетесь ли вы не дать им сжечь Национальную библиотеку, «Мону Лизу» и прочее? — Сартр ответил: «Что касается «Моны Лизы», то я позволил бы ее сжечь, даже ни минуты не раздумывая, но при этом, вероятно, попытался бы предохранить некоторые другие вещи. Удалось ли бы это мне — другой вопрос. Скорее всего, я сказал бы: это отложите пока в сторону, потом мы обсудим, как поступить далее.

А если бы начали сжигать профессоров, то я и тут не увидел бы ничего плохого, потому что некоторые из них — преступники. Но фактически я настаивал бы, чтобы их подержали какое-то время в одиночных камерах, подобно книгам и картинам во время войны, чтобы потом, когда будет сделано главное дело, обсудить на свежую голову их дальнейшую судьбу.

Но когда я думаю о «Моне Лизе»! Вот уж действительно, есть вещи, которые ни на что не нужны, абсолютно ни на что. Долгое время улыбка Джоконды служила лишь заезженной темой для плохих писателей. Тогда эта улыбка хоть чему-то служила, сейчас же она ничто, пустое место...»

Л. НИКИТИНА

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ЗАЛОЖНИК

Когда Чарли Чаплин покинул маккартистскую Америку и прибыл в Париж, дотошные журналисты задали ему наряду с прочими вопросами и такой: как хотел бы он использовать свое пребывание во французской столице? Провести ночь в подвалах Французского банка? Купить Эйфелеву башню? «Мне бы хотелось пообедать с Сартром и Пикассо, — ответил Чаплин. — С обоими сразу». Тогда и состоялась встреча известных всему миру людей — великого актера современности, прославленного художника и «самого знаменитого из ныне живущих философов», как величает Сартра западная печать.

Вот уже более четверти века писатель, философ, общественный деятель Жан-Поль Сартр является своего рода «достопримечательностью» не только Парижа, но и всей западноевропейской культуры. Однако, если в первые послевоенные десятилетия желающие увидеть Сартра и услышать его философские импровизации совершали паломничество в знаменитое экзистенциалистское кафе «Флора» в аристократическом квартале Сен-Жермен, то с некоторых пор его скорее можно увидеть ораторствующим на митингах, организуемых кучкой «левых» экстремистов, произносящим речи у ворот заводов и даже продающим на улицах Парижа издаваемую им ультралевую газету.

ТУПИКИ БУРЖУАЗНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА

Имя Сартра по-прежнему не сходит со страниц печати на Западе. Правда, раньше он привлекал к себе внимание главным образом благодаря своему литературному творчеству и философским трудам. Теперь же он заставляет говорить о себе из-за более чем экстравагантного политического поведения, дающего пищу для споров вокруг его имени. Сегодня западная печать предпочитает не столько писать о его творчестве, сколько делать газетные сенсации из поступков, связанных с политической позицией писателя.

Одной из таких сенсаций стало его «исключительное интервью» журналу «Эсквайр». Оно привлекло широкое внимание. Пресса подробно комментировала «шокирующие» высказывания Сартра по целому ряду вопросов.

Периодическая шумиха вокруг имени писателя заставляет многих на Западе иронизировать по поводу его нынешнего поведения. Однако здесь нельзя ограничиться репликой: что ж, у выдающихся людей есть свои слабости! Ибо в данном случае речь идет не о болезненном самомнении одной личности, но об историческом смятении определенной части творческой интеллигенции на Западе, активно не приемлющей капиталистический строй, но в то же время не способной найти свое место в демократическом движении современности.

В отличие от других крупных представителей французской культуры, без сомнений и колебаний служащих благородному делу гуманизма и прогресса, Сартр — фигура, полная противоречий. Отдавая должное его участию в движении Сопротивления, выступлениям за независимость Алжира, в поддержку революционной Кубы и протестам против американской агрессии во Вьетнаме, мы тем не менее никогда не закрывали глаза на то, что на пути писателя были и есть шатания и отступления. Время от времени дают о себе знать и его откровенно антикоммунистические воззрения. Особенно ярко они проявились после окончания второй мировой войны и попытки контрреволюционного мятежа в Венгрии в 1956 году. Занятая тогда писателем антикоммунистическая позиция подверглась резкой критике и в прогрессивных кругах Франции, и, естественно, на страницах советской печати. Вместе с тем в Советском Союзе всегда внимательно следили за эволюцией Сартра, видя в нем одного из наиболее значительных представителей западной культуры. Его пьесы шли на сценах советских театров, литературные произведения публиковались в журналах и выходили отдельными изданиями. Сартр не раз посещал Советский Союз и мог лично убедиться в том внимании, с каким относились у нас к его литературному творчеству.

В предисловии к русскому изданию автобиографической повести Сартра «Слова» Микола Бажан писал: «Советские люди умеют уважать человека, отдающего человечеству все свое большое сердце, свой смелый и тревожный ум. Вот почему путь Сартра нам небезразличен, важен, интересен, понятен». Вместе с тем М. Бажан отмечал, что стремление Сартра «быть сверхсовременным, принимать участие в борьбе, в политике, в повседневной жизни» отнюдь не спасает его от внутреннего конфликта, «который писатель не скрывает, а, наоборот, обнажает, разжигает и развивает».

Сартру нельзя отказать в проницательности суждений о целом ряде явлений буржуазного мира.

Так, в интервью он дает выразительный портрет типичного буржуазного интеллектуала наших дней, описывает испытываемое им чувство раздвоенности, его «неспокойную совесть», подмечает конфликт между его стремлением спасти свое «классическое» лицо и обязанностью служить своему классу.

Но при этом он умалчивает о социальной и политической поляризации интеллигенции в современном буржуазном обществе. Если, с одной стороны, это последовательные представители государственно-монополистического капитализма, отнюдь не страдающие раздвоенностью сознания, то с другой — те его представители, которые переходят на позиции демократии и прогресса. Такая интеллигенция отнюдь не занимается тем, что копается в своей «больной совести» и успокаивает ее. Она борется, действует, но иначе, чем это делает Сартр.

Одно из центральных мест сартровской философии экзистенциализма (от лат. existentia — существование: идеалистическое учение, отрицающее объективные закономерности исторического процесса, ориентированное преимущественно на внутренний мир личности), как известно, занимает понятие ситуации. Из интервью ясно, что логика политических взглядов Сартра поставила его в самую тяжелую из всех ситуаций, возможных для творческой личности и общественного деятеля.

В самом деле, что может быть парадоксальнее того факта, что автор монументальных философских трактатов ополчается против интеллектуализма. Что, будучи деятелем культуры, он выступает против накопленного веками культурного наследия человечества, объявляя его целиком «буржуазными ценностями» и доходя в этом до таких крайностей, как призыв к уничтожению мировых шедевров, в частности, на том основании, что в условиях капитализма они становятся объектом коммерческих спекуляций. Отождествляя культуру буржуазного общества с его официальной, господствующей культурой, Сартр игнорирует то обстоятельство, что в каждой нации, как отмечал Ленин, есть и элементы демократической, социалистической культуры, являющиеся достижением прогрессивных слоев общества, трудящихся масс.

Сартр, чьи труды изучаются во всех крупнейших университетах мира, готов согласиться с практикой «культурной революции» в Китае во всем, даже не останавливаясь перед оправданием физической расправы с профессорами!

Еще недавно он ратовал за свободу личности и творчества, теперь он отказывает в свободе всем тем, кто не разделяет взглядов узкого круга его фанатичных единомышленников. Логика политического поведения Сартра привела к тому, что на склоне лет он оказался в плену ограниченных представлений оторванной от масс группы «леваков», чья крикливая и провокационная практика идет во вред подлинно революционному движению, используется буржуазией для его дискредитации и подрыва.

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СПЕКТАКЛЬ»

Сартр приводит в качестве примера «непосредственного, спонтанного творчества масс» сыгранную на улицах группой бульвары, зрители ясно видят, что все это не более как безвредная для буржуазии, но вредная для пролетариата «игра в революцию». Впрочем, на этот счет не заблуждается, пожалуй, никто, кроме самих актеров, да еще конкурирующих с ними других левоэкстремистских групп, не сумевших своевременно обзавестись такой «звездой», как Сартр.

Ныне многие на Западе размышляют о том, какая роль отведена Сартру в «левацком» движении во Франции. Один говорят о «неспокойной совести», о гипертрофированном комплексе вины перед молодым поколением за тот западный мир, который оно отказывается принять ныне в наследство. Говорят о «драме интеллектуала», жаждущего искупления своей вины даже ценой «Великого Отказа» от всего, что дорого его уму и сердцу.

Другие считают, что в наши дни Сартр претендует на роль духовного вождя «санкюлотов XX века», подражая идеологу широких народных масс Франции XVIII века Жан-Жаку Руссо. Отмечают, что он явно пытается усвоить не только его «бескомпромиссные взгляды», но даже манеру поведения, приводившую в отчаяние близких друзей Руссо.

Действительно, некоторые параллели буквально напрашиваются сами собой. Но если помыслы великого просветителя были проникнуты страстным желанием утвердить величайшие ценности гуманизма и свободы, то действия его нынешнего последователя, ниспровергателя всего и вся, проникнуты бесплодным нигилизмом, скрытым за многословным псевдореволюционным фразерством. Отсюда сходство при ближайшем рассмотрении превращается в позу, шарж. И разве дело в том, насколько удается Сартру роль Руссо? В свое время Маркс высмеял тех мелкобуржуазных экстремистов, которые в 1848 году пытались, вопреки конкретной исторической ситуации, повторить революцию 1789 года и высокопарно именовали себя монтаньярами и якобинцами, игнорируя роль пролетариата. Но тем наивнее и абсурднее выглядит такая попытка в середине XX века, когда рабочий класс превратился в ведущую политическую силу нашей эпохи и когда его возглавляют марксистско-ленинские коммунистические партии.

ВОЖДЬ БЕЗ ВОЙСКА

Сартр много говорит о «молодежи», которая «всегда права», о «массе», о необходимости «слиться» с ней, говорить языком, прислушиваться к ее голосу. Но как абстрактны и спекулятивны у него эти категории! По сути дела, «массой» у него оказываются не те десять миллионов французов, отдавших свои голоса на последних выборах за коммунистов и социалистов, а узкая группка псевдореволюционных сектантов, на чьи политические взгляды и художественные вкусы он и предлагает ориентироваться, чье расположение он пытается завоевать.

Поистине надо быть в высшей степени политически безответственным, чтобы выдавать авантюристические акции «левых» экстремистов, направленные на дискредитацию идеи революции, раскол и подрыв подлинно левых сил и прежде всего возглавляемого коммунистами пролетариата, за бескорыстное и идеалистическое служение революции.

Руководители «левацких» организаций отнюдь не такие прямодушные и бесхитростные натуры, какими их хотел бы представить Сартр. Они весьма умело спекулируют его именем. Именно поэтому при всей своей неприязни к «старшему поколению» они сделали для него исключение, признав «своим». Несмотря на их презрение к «авторитетам», им нужен авторитет, нужно имя, потому что само их движение авторитетом не пользуется.

Но позволительно спросить: зачем они нужны Сартру? Ответ на этот вопрос, интересующий многих, не столь прост. Тем не менее он существует.

В своем интервью Сартр пытается изобразить себя человеком без всяких политических амбиций, смирившимся со скромной ролью исполнителя чужой воли. Однако не следует спешить с выводами.

Ни для кого не секрет, что сам Сартр никогда не удовлетворялся ролью «ангажированного интеллектуала». Провозглашая время от времени, что он стоит на позициях пролетариата и даже марксизма, Сартр, в сущности, настойчиво стремился к тому, чтобы быть идеологом не только интеллигенции, но и широких масс, навязать им свои теоретические и политические позиции. Отсюда его заигрывание с марксизмом, попытка «обогатить» его экзистенциализмом. И все же сколько бы раз за эти десятилетия Сартр ни провозглашал себя «марксистом», что, кстати, он делает и в последнем интервью, он, конечно, никогда не был им. В событиях 1968 года во Франции Сартр усмотрел шанс стать идеологическим вождем широкого движения, всколыхнувшего страну, а в бунтующей молодежи — ту политическую силу, которую он мог бы возглавить в качестве альтернативы рабочему движению и компартии. Именно этим обстоятельством во многом объясняются нынешний рецидив его антикоммунизма, возобновление нападок на Французскую компартию, его политический флирт с экстремистской молодежью. Ирония, однако, состоит в том, что ради этой весьма сомнительной роли ему пришлось пожертвовать многими своими демократическими и гуманистическими убеждениями. Вместо духовного вождя масс он превратился в добровольного заложника узкой группы псевдореволюционных сектантов.

На протяжении всего года западная печать неоднократно возвращалась к этому интервью, побуждая Сартра развивать высказанные им идеи и выступать со все новыми политическими «откровениями». В свою очередь он и сам считает своим долгом сообщать свое мнение по любому политическому поводу.

Недавно читатели могли ознакомиться с мнением Сартра о событиях, которые волнуют сегодня всю мировую общественность, а именно — о ближневосточном конфликте. И на сей раз идеолог «крайне левых» оправдал ожидания правых сил. Заняв откровенно пронаральскую позицию, «борец за свободу и независимость» выступил не в защиту грубо нарушаемых прав арабского народа, а в поддержку агрессора. И это не удивительно. Ведь в политических оценках Сартра антикоммунизм и антисоветизм (а именно такого курса придерживаются сионисты) давно уже перевешивают все остальные факторы.

Путь, на который вступил и по которому продолжает следовать Сартр, с неумолимой логикой ведет его в лагерь противников прогресса и социальной справедливости. Как долго и как далеко будет идти он по этому пути?

КТО, ГДЕ, КОГДА

Писательские контакты

«Во что я верю как писатель, как человек своего времени, как гражданин эпохи» — такова тема международной дискуссии, которую провело на своих ежегодных октябрьских встречах, приуроченных к годовщине освобождения Белграда от фашистских захватчиков, общество писателей Сербии. В дискуссии приняли участие, помимо югославских писателей, представители 25 стран, в том числе СССР, Чехословакии, Польши, ГДР, Венгрии, Румынии, Кубы, США, Франции, ФРГ, Бельгии, Голландии, Норвегии и др.

Советский Союз представляла писательская делегация, в которую входили секретарь правления СП СССР А. Салынский, критики К. Амбрасас (Литва), Л. Каюмов (Узбекистан), Ф. Кузнецов (Москва). Все они приняли участие в дискуссии. Их выступления были посвящены утверждению советского образа жизни, духовных и нравственных ценностей литературы социалистического реализма, марксистско-ленинской идеологии, принципов интернационализма.

Последняя роль Габена?

Один из крупнейших французских актеров современности Жан Габен приступает в январе к съемкам своего 94-го фильма «Тигрица и слон», где исполняет роль старого председателя суда.

Его партнершей будет Софи Лорен. Она играет вдову, которая ведет яростную борьбу за спасение сына, ложно обвиненного в изнасиловании и убийстве.

Как сообщает печать, 69-летний Жан Габен решил на этом фильме закончить свою кинематографическую карьеру.

На снимке: Жан Габен.

«Егор Булычов» в Швейцарии

Пьесы А. М. Горького все чаще появляются на сценах западноевропейских стран. Любителям театра хорошо знакомы «На дне», «Враги», «Мещане». А недавно в Цюрихском драматическом театре с успехом прошла премьера спектакля «Егор Булычов и другие» в постановке режиссера Манфреда Венверта (ГДР). В главных ролях наряду с местными актерами выступили актеры ГДР и ФРГ.

На снимке: сцена из спектакля. В роли Егора Булычова Траугот Буре (ФРГ).

Нобелевская премия — Патрику Уайту

Лауреатом Нобелевской премии 1973 года по литературе стал Патрик Уайт, первым среди австралийских писателей увостоенный этой награды «за эпическое и психологическое повествовательное искусство, которое открыло новый континент в литературе».

Уайт родился в 1912 году в семье австралийского землевладельца-скваттера. Учился в Кембридже. Литературную деятельность начал за несколько лет до второй мировой войны, во время которой служил в разведотделе английских ВВС.

Автор девяти романов, в том числе «Восса» (1957), «Мчащихся на колеснице» (1961), «Вивисектора» (1970), а также ряда рассказов, пьес и стихотворений, Патрик Уайт является крупнейшим в Австралии представителем модернистского направления, сформировавшимся под влиянием Дж. Джойса, Д. Г. Лоуренса и английской «психологической школы». Его творчество не раз использовалось буржуазной критикой для наступления на демократическую и реалистическую традиции в австралийской литературе.

Взгляд писателя устремлен в глубины человеческого сознания, но сознания асоциального, замкнутого в себе, часто патологически ущербного. В произведениях Уайта зло, саркастически изображается буржуазное мещанство с его вульгарным практицизмом и бездуховностью, осуждаются фашизм, расизм, насилие. Однако критика ведется не с позиций жизнеутверждения и социального преобразования. Мировосприятие Уайта пропитано горечью разочарования и пессимизмом. Он возвышает над абсурдным обществом избранников духа, носителей религиозно-мистической идеи, будь то простая душа или ницшеански утверждающая свою волю сильная личность.

Уайт мастерски владеет словом, он выработал своеобразную стилистическую интонацию с неожиданными и точными метафорами. И все-таки созданные им образы лишены подлинной полнокровности — слишком субъективен срез бытия, в котором они заключены.

В лучшем произведении этого сложного и противоречивого художника — романе «Древо человеческое» (1955), где рассказана история жизни австралийского фермера-пионера и его жены, сохраняются связи с реалистическим искусством.

«Под грушевым деревом»

Кинематографисты ГДР экранизировали повесть «Под грушевым деревом» известного немецкого писателя Теодора Фонтане, 75-летие со дня смерти которого недавно отмечалось в стране.

Повесть рассказывает о преступлении, совершенном в небольшой деревеньке более ста лет назад. Однако авторов фильма привлек не только занимательный сюжет, но и возможность воссоздать картину политической и общественной жизни Пруссии середины прошлого века. Наряду с неизбежным для детективного фильма вопросом «кто убийца?» большое внимание уделено социальным мотивам преступления.

Режиссер фильма «Под грушевым деревом», снятого на киностудии «ДЕФА», — Ральф Кирстен. В главных ролях Ангелика Домрезе и Эрик Клейн (см. фото).

Марсо — киноактер

Известный французский мим Марсель Марсо решил доказать, что владеет не только искусством пантомимы, но и может выступить как говорящий актер. Он снимается сейчас в Голливуде, где играет одновременно две роли — глухонемого нукольника и 80-летнего ученого.

На снимке: Марсель Марсо.

У ПОЛКИ С ПЕРЕВОДАМИ

ЛИРИКА ПЕЙО ЯВОРОВА

В издательстве «Художественная литература» (в серии «Сокровища лирической поэзии») вышла книга стихотворений болгарского поэта Пейо Яворова «Лирика». Это вторая книга поэта на русском языке.

Пейо Яворов прожил недолгую жизнь, но его вклад в болгарскую литературу значителен. Мастерству поэт учился у народных песен, крупнейших писателей родной литературы — Ботева и Вазова. Несомненное влияние на его творчество оказали и русские классики: произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Достоевского он читал в подлиннике.

«В Яворова надо вчитаться, — пишет в предисловии Лев Озеров, — Это сложный, я бы сказал, многосложный поэт, натура глубоко впечатлительная и интеллектуальная, ставшая в силу высокой художественной одаренности органом, выражающим противоречия самой жизни, диалектика которой живо явлена нам в образах поэта».

Перевести эти стихи, которые, как писал П. Яворов, чаще всего рождаются в душе поэта в виде песни без слов, на другой язык — задача нелегкая, и тем большей признательности заслуживает работа переводчиков, сумевших бережно донести до советского читателя лирику болгарского поэта, ее «вечное беспокойство, святое беспокойство человеческого духа, его бескомпромиссность и непримиримость [illegible] вечной жажде совершен[illegible]».

Составитель [illegible]ника — болгарский поэт [illegible]елин Андреев, автор пр[illegible]ловия и переводчик м[illegible] произведений П. Яворо[illegible] Л. Озеров вместе с коллективом переводчиков с большой бережностью и ответственностью отнеслись к своей работе. Книга дает хорошее представление о творчестве одного из интереснейших поэтов Болгарии. Об этом свидетельствуют и отклики болгарской печати. Известный болгарский поэт Божидар Божилов в своей рецензии «Яворов на русском», опубликованной в газете «Работническо дело», с большой похвалой отозвался о книге, отмечая качество переводов, предисловие, которое, «несмотря на краткость, обладает бесспорной критико-исследовательской ценностью». Божидар Божилов пишет: «За яворовской строкой — он, и только он, — завершает предисловие Лев Озеров. Нужно с удовлетворением добавить, что Яворов — он, и только он, и в новом издании на русском языке, в серии «Сокровища лирической поэзии».

В одном из своих стихотворений Пейо Яворов писал:

Слава! Если славят,
знают — не забыли...
Славу ведь не совместишь
с забвеньем.

«Лирика Пейо Яворова» — еще одно свидетельство глубокого интереса к болгарской литературе в СССР.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

Борис ЛАСКИН

СМЕЙСЯ, ПАЯЦ!

РАССКАЗ

ВСЕ ШЛО нормально. Эпизод «Производственное совещание» разворачивался в лучшем виде. Мотылев, создавший яркий образ технолога, исполнил свой монолог с большой внутренней силой.

Я выступал в роли передового токаря Василия Гнутова, у которого на заводе все в полном ажуре. Рационализаторское предложение Гнутова получило авторитетное одобрение. Человеку, как говорится, только жить да радоваться. Ан нет! Драматург поставил перед собой цель испытать Гнутова на прочность. Не согнется ли он, не сломается ли, когда в момент своего наивысшего взлета он узнает о том, что его любимая супруга Варвара неожиданно решила бросить своего Василия и уехать к матери в Воронежскую область?

Драматург пожелал столкнуть общественное с личным и наметил для этого сцену производственного совещания, когда в конце Гнутову передают записку от Варвары.

Режиссер Андрей Александрович все развел, расставил смысловые акценты, определил сверхзадачу. Гнутов на взлете, у него отличное настроение, и именно в этот самый момент входит работник завкома Сыромятников и подает мне, то есть токарю Гнутову, записку. А в ней жестокие слова: «Вася, нам лучше с тобой расстаться. Я уезжаю к маме». И подпись — «Варвара».

Когда мы еще готовили спектакль, на одной из первых репетиций я предложил свой рисунок, примерно такой.

Я, радостный и довольный, сижу на производственном совещании, принимаю поздравления товарищей по работе, и вдруг — трах!.. Появляется Сыромятников и вручает мне записку от Варвары. Я ее читаю и говорю: «Извините, у меня срочное дело», — и сразу же направляюсь к выходу, но на полпути останавливаюсь и, сжав, как говорится, в кулак свою волю, иду обратно тяжелой походкой. И тут технолог Мотылев подает свою реплику: «Что случилось, если не секрет?» Я отвечаю не сразу, я выдерживаю небольшую паузу, даю смену эмоций и тихо говорю: «Жизнь, товарищи, полна противоречий, но человек всегда должен верить в хорошее. Я не имею секретов от коллектива. Меня только что бросила жена».

Все присутствующие играют крайнее удивление, и Мотылев говорит: «Прямо скажу: этого я никогда не ожидал. Продолжим нашу работу, товарищи».

Сыромятников резко критикует меня за то, что я не уделял должного внимания супруге и вот к какому грустному итогу это привело. Идет несколько реплик на моральную тему, а я сижу один в стороне, узкий луч — «пистолет» высвечивает мое лицо, и на нем наглядно отражается большое человеческое волнение, сознание вины и все такое прочее.

В конце я встаю и говорю: «Да, я был виноват, и вот закономерный результат».

Режиссер в основном одобрил мою творческую экспликацию, но со своей стороны указал, чтобы я посочней сыграл доминанту, а именно — печаль и некоторый элемент страдания. В данном решении, говорит, будет обнажена гражданская позиция вашего героя.

В этом сезоне сыграли мы наш спектакль тридцать один раз, и все было на высоком художественном уровне. Правда, один рецензент заметил, что в сцене производственного совещания я излишне педалирую грусть, между тем в воле человека и в его возможностях заставить жизнь обернуться к нему своей светлой стороной.

А теперь я расскажу про последний спектакль, про то, какая на нем получилась интересная ситуация.

Играем мы спектакль, и когда я нахожусь на сцене и участвую в этом самом производственном совещании, в театр звонят из родильного дома и говорят: «Поздравьте вашего товарища артиста Конокотина. Только что его супруга родила прекрасного малыша».

И вот играем мы свою сцену, у меня по роли отличное настроение, но тут входит работник завкома Сыромятников, входит и просто-таки весь сияет.

Я в соответствии с моей трактовкой образа спокойненько беру у него записку и читаю, конечно, не вслух: «Твоя Лариса родила наследника. С тебя причитается. Поздравляем! Группа товарищей».

Я поднимаю глаза, делаю большую паузу — даю легкое обалдение, как, между прочим, и должно быть по роли, и потом, не хочу хвалиться, иду на актерский подвиг.

Сперва я исполняю личную скорбь, потом говорю всем: «Извините, у меня срочное дело», — иду к выходу, потом останавливаюсь, как всегда, сжимаю в кулак свою волю и возвращаюсь.

Мотылев — он пока не знает, что в записке, — подает свою реплику: «Что случилось, если не секрет?»

Тут у меня опять идет большая пауза, затем смена эмоций, и я говорю свою реплику, но не всю, а только вторую ее часть: «Человек всегда должен верить в хорошее. Я не имею секретов от коллектива. У меня только что... верней, меня только что бросила жена».

Тут все удивляются, смотрят на меня, выражают сочувствие, а у меня такое радостное лицо, что всем понятно и на сцене, и в зале, что ни в каком сочувствии я не нуждаюсь, такой я необыкновенно бодрый, такой веселый, что я, того гляди, сейчас запою.

Все идет своим чередом. Сыромятников кроет меня по роли, а я на его слова абсолютно не реагирую. Получается, что с меня его критика, как с гуся вода. Но в конце сцены я свою реплику все же произнес: «Да, я был виноват, и вот закономерный результат».

Честно сказать, не помню, как уж я доиграл тот спектакль. Говорят, хорошо, с исключительным подъемом.

Через три дня в городской газете появилась рецензия.

Обо мне критик так написал. Читаю: «Ярко выразил гражданскую позицию своего героя артист Конокотин. Сцену, когда Гнутов узнает, что его оставила жена Варвара (артистка Э. Чепурная), Конокотин решает очень своеобразно. Он играет не растерянность, а спокойствие, даже веселость. Такое решение могло бы показаться несколько парадоксальным, но это не так. Артист как бы предвосхищает свою программу: «Человек должен всегда верить в хорошее». И эта стойкая вера не обманывает Гнутова — Варвара в финале возвращается к мужу».

Дальше в рецензии говорится об очередных задачах современной драматургии, но это прямо ко мне уже не относится.

ЧУДАКИ

— Значит, так: ты, меньшая, начинаешь первым голосом, а ты, большая, — вторым.

М. УШАЦ

Н. КАПУСТА (ДОНЕЦК)

А. ШЕР

ФРАЗЫ

● КПД Сизифа равен нулю? Зато он всегда при деле!

М. ГЕНИН

● День открытых дверей: всех впускать, никого не выпускать.

● Не у каждого хватит интеллекта жить чужим умом.

● «Для меня работа — всегда праздник», — говорил тунеядец.

Олег СЕНН

КИЕВ

РОГА И КОПЫТА

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

● НОВОСТИ

Житель города Новозбруевска слесарь Дубов, находясь в нетрезвом состоянии, выпал с балкона, но чудом зацепился подтяжками за балконные перила и провисел так до прихода своей жены. Она-то и дала высокую оценку продукции местной галантерейной фабрики.

● ЗАМЕТКИ ОРНИТОЛОГА

Куры денег не клюют.

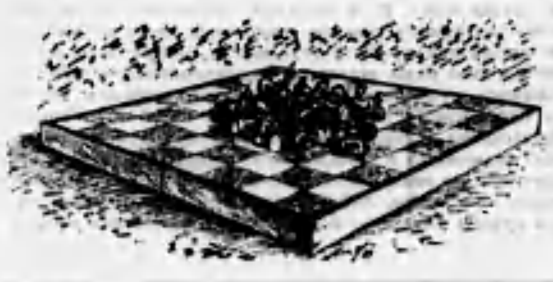
● КРИК ДУШИ

— Милиция!

● НОВЫЕ ТОВАРЫ

Безразмерные школьные костюмчики, пригодные для носки с 1-го по 10-й класс, начала выпускать фабрика № 31. «А чего? — сказал в беседе с нашим корреспондентом ее директор. — Все одно берут».

● ШАХМАТЫ



Белые начинают и выигрывают.

ТЭС «Клуба ДС»

АЛЛОПАТ (мед.) — телефонный маньяк.

ВАРИАЦИЯ (кухон.) — приготовление пищи.

КАПРЕМОНТ (бытов.) — недоброкачественный ремонт крыши.

В. БУРОВ

ГАСТРИТ (иностр.), — улица площадью 1 га.

Борис НИСОНОВ

НЕВИННЫЙ (торг.) — магазин «Мясо—молоко».

Александр МИЛАШЕНОК
ВЛАДИВОСТОК

ХЛЕБНУТЬ (общепит.) — откусить хлеба.

БЕДОКУРИТЬ (бытов.) — закурить в тяжелую минуту.

ВАРВАР (техн.) — вар двойной переработки.

ВЕТРОГОН (ласкат.) — напиток, изготовляемый с помощью энергии ветровой мельницы.

Иван НЕКРАСОВ
РОСТОВ-на-ДОНУ

ФОТО-АТЕЛЬЕ

Фотография Э. Тылинека («ЛГ», № 42), несмотря на внешнюю простоту сюжета, что, как правило, тормозит творческие порывы читателей, вызвала 1127 писем.

Три читателя уловили в сюжете «габровские» мотивы, предложив подписи: «Габровские будни» (Е. Зайцева, Алма-Ата), «Перенимая опыт габровцев» (А. Котов, Саратов), «Кандидат в габровские коты» (Н. Кораблев, Уфа).

Около 20 процентов дали очевидные, напрашивающиеся подписи, причем все их угадал в своем письме Р. Рамазанов из Челябинска: «Ну, рыжий, погоди!», «Как дети», «Отдай кость!» и «Не виновата я, не виновата!».

Из остальных подписей наиболее любопытные: «У сильного всегда бессильный виноват» (Ф. Акмалова, Первоуральск Свердловской обл.), «В эту минуту передо мной пронеслась вся моя кошачья жизнь» (В. Ермишев, Москва), «Барышня и хулиган», «Ревность — звериное чувство» (А. Пыжова, гор. Вырица Ленинградской обл.), «А если это любовь?» (В. Вишну, Новосибирск), «Ты постой, постой, красавица моя» (Н. Бергер, Симферополь), «Бобик+Муся= любовь» (Э. Воржова, Нальчик), «Язык животных» (С. Гапапольский, Киев), «А все-таки — кот или кошка?» (П. С., Херсон), «Что ты делаешь! Ведь я же тигр» (Т. и С. Масловы, Кинешма Ивановской обл.), «Как много кошечек хороших» (З. Абрамов, Баку), «Вечер отдыха служебных собак» (Е. Гареева, Алма-Ата), «Шерше ля фам!» (В. Ефимов, Ленинград), «Не лезь на чужое генеалогическое древо!» (В. Федотов, Саратов), «Не тяни кота за хвост» (Г. Владимиров, Жостово Московской обл.).

Вот именно, дорогой читатель. Всем спасибо за внимание.

Что бы это значило?
Фото А. КОНДРАТЬЕВА

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Мих. МИШИН

ШЕЛ ПО УЛИЦЕ ТРОЛЛЕЙБУС...

МАРЦИПАНОВ удобно уселся на место для инвалидов и пассажиров с детьми. Потом неспешно лег, высунув грязные башмаки в проход между сиденьями. Марципанов запел. Исполнив «Клен ты мой опавший», Марципанов сказал со смехом: «На кого бог пошлет!» — и плюнул через спинку сиденья.

Бог послал на худого гражданина в очках.

— Зачем же вы плюетесь? — сказал гражданин, вытирая рукав пальто. — Не надо плеваться.

Такие слова Марципанову не понравились.

— Т-ты, гад, — нахмурился он и уже прицельно плюнул в худого.

— Видать, выпил человек, — сказала про Марципанова какая-то наблюдательная старушка.

Троллейбус тряхнуло, и Марципанов чуть не свалился с сиденья.

— Плюх! — сказал он и дернул за платье девушку, сидящую впереди.

Девушка встала и ушла к кабине водителя. Марципанов начал стаскивать с ноги ботинок.

— Безобразие, — сказала дама, сидевшая позади Марципанова. — Столько народу — и никто его не одернет!

— Хулиганство, — неуверенно поддержал ее оплеванный гражданин.

Марципанов кинул в него ботинок.

— Вот бедолага, — огорчилась за Марципанова старушка с сумкой. — Эдак нога у тебя застынет. Нынче, поди, холодно.

— Ух ты, Маруська, вобла зеленая, — зевнул он и сейчас же заснул.

Пассажиры троллейбуса повеселели. Однако ровно через минуту Марципанов ожил. Он встал со своего места, отыскал в проходе ботинок и сказал трезвым голосом:

— Граждане, прошу внимания. Я должен извиниться. Но это был эксперимент — сколько вы будете терпеть безобразие от пьяного человека. И что же вышло? Вышло, что вы все стерпели. Где же, товарищи, — возвысил голос Марципанов, — ваше сознание?

Досказать Марципанову не дали оправившиеся от шока граждане.

— Вы, вы... наглец! — выкрикнул худой гражданин в очках.

— Вот, — довольно кивнул Марципанов. — Вот так и надо было сказать.

— Но ведь это же издевательство! — воскликнула дама, что сидела позади Марципанова. — Бандитская выходка!

— Правильно, — сказал Марципанов. — Только чего же вы раньше-то молчали?

— Обманул! — ахнула старушка с сумкой. — Я-то, дура, думаю, он пьяный, а он...

Широколицый мужчина взял Марципанова за локоть.

— Все, — громко сказал он. — Нечего над людьми измываться. Еще кабы пьяный был... Граждане, кто в милиции свидетелем будет?

— Что вы! — сказал Марципанов, пытаясь выдернуть руку. — Я же сказал, не пил я. Это эксперимент был, понятно?

— Раз не пили, в милиции объяснитесь, — дернул шеей худой гражданин в очках. — Раз трезвый плевали.

— Перед вами я особо извиняюсь, — сказал Марципанов, — но ведь для опыта же!

— Выходи! — потянул Марципанова широколицый.

Марципанов опечалился. Он повертел головой. Вокруг были нелюбезные, недружественные лица. Марципанов вздохнул. В милицию не хотелось, и выход был только один. Марципанов наклонил голову, колени его подогнулись, и он стал валиться на широколицего мужчину.

— Ну-ну! — закричал тот, стараясь удержать Марципанова. — Не прикидывайся!

Марципанов горько зарыдал, бия головой по твердому колену широколицего.

— Все ж таки он пьяный! — сказала старушка с сумкой.

— Паз-варрастали стежки-дар-рожки! — завыл вдруг Марципанов, подняв голову.

— Ну, — с торжеством сказала старушка, глядя на сидящего в проходе Марципанова. — Нешто трезвый так валяться-то будет? Как есть нажрался!

— А чего ж он про эксперименты излагал? — спросил с сомнением широколицый мужчина.

— Господи, да по пьянке-то чего не скажешь, — разъяснила умная старушка.

— Понюхать надо, — сказал кто-то. — Пахнет от него водкой?

— Одеколоном пахнет, — сообщил широколицый, посопев возле Марципанова. — Одеколон, наверное, и пил.

— Я бы все же позвал милицию, — без энтузиазма сказал худой гражданин в очках.

— А ведь, наверное, семья у него, дети, — сказала дама, сидевшая позади Марципанова.

Старушка с сумкой наклонилась над Марципановым и потрясла его за плечо:

— Тебе выходить-то где? Слышь, парень? Едешь-то ты куда?

— Любовь — кольцо, — произнес, зажмурившись, Марципанов. — А у кольца я сам овца...

— Ну вот, — сказала старушка. — Кто до кольца едет — помогите выйти ему. А то, неровен час, под колеса попадет. Пьяный ведь.

Николай ЕЛИН, Владимир КАШАЕВ

КАПРИЗЫ СЛАВЫ

«Сегодня у меня праздник! Выучил петь крокодила Клаву. Сам удивляюсь, до чего же способный паренек этот Клава! Вполне сносно исполняет «Ой, цветет калина», умеет пользоваться микрофоном, притоптывает лапой в такт пению да еще по ходу дела слезу пускает. Никогда бы не подумал, что среди крокодилов такие таланты могут быть. Через месяц премьера. Вот будет сенсация! Представляю себе, что напишут газеты...»

(Из дневника дрессировщика)

«На фоне в целом удачной цирковой программы резким диссонансом прозвучало выступление поющего крокодила. Голос певца слаб, невыразителен, остро ощущается отсутствие школы. Сколько ни писали о «микрофонных певцах», безголосых шептунах, а воз и ныне там. «Шептуны» не переводятся, и имя им — легион, примером чему может служить пение Клавы. Нельзя не сказать и о том, что репертуар у крокодила — столетней давности, манера держаться — эпигонская. К месту и не к месту притоптывая ногами и щелкая зубами, певец старается подражать модным западным исполнителям шлягеров. Дешевый, слезливый мелодраматизм в сочетании с развязностью и пошловатостью не может удовлетворить взыскательного, интеллигентного зрителя».

(Из рецензии в местной газете)

«Главное — не сдаваться! Мы еще себя покажем! После долгих репетиций Клава научился рисовать красками. Изображает джунгли, разных животных, свою родную речку. Один раз даже автопортрет нарисовал с цыпленком во рту. А может, это портрет его любимой девушки. Точно не знаю, но получилось очень похоже. Однако на публику я Клаву раньше нового года не выпущу. Пусть отшлифует мастерство как следует. Посмотрим, что тогда критики скажут!»

(Из дневника дрессировщика)

«Снова, в который уж раз, приходится писать о промахах дрессировщика. Разве то, что показал нам на манеже его воспитанник, — это искусство? Где в его картинах биение мысли? Где размах чувств? Где экспрессия, наконец?! Ничего этого нет, есть только фотографическое отображение действительности, механическое, бездушное перенесение на холст всего увиденного.

Поражает в дрессировщике отсутствие творческой смелости...»

(Из рецензии)

«Целый месяц не репетировал — лечился у невропатолога. За это время крокодил растерял все навыки. На вчерашнем представлении опозорился: вышел на манеж, два раза хвостом махнул и уполз. Теперь меня критики уничтожат...»

(Из дневника дрессировщика)

«Одним из самых запоминающихся номеров было выступление дрессировщика крокодилов. По команде укротителя хищник ползал по манежу, разворачивался и махал хвостом. За четкими движениями крокодила, за размеренными взмахами его хвоста видна большая и кропотливая работа дрессировщика. Трюки четвероногого артиста надолго запомнятся всем, кто присутствовал в этот вечер в цирке. Пожелаем же талантливому дрессировщику новых успехов в его нелегком труде!»

(Из рецензии)

КРАМС — КРАТКИЕ МЕМУАРЫ САТИРИКА

Гр. РЫКЛИН

БЕЛАЯ ЛОШАДЬ

ОБ ЭТОЙ белой лошади мне рассказала поэтесса Л. К. Татьяничева. Недавно побывала она в городе Кургане. И вот...

Но лучше предоставлю слово самой Людмиле Константиновне:

«Иду я по городу. Дело было вечером. Добавлю: темным вечером. И вдобавок сизый туман. Городские фонари работают лениво.

Вдруг вижу, навстречу мне движется что-то белое. Что-то белое, а что именно, неизвестно. Я подошла ближе — оказывается, лошадь. Белая лошадь. И рядом с нею что-то черное. Присмотрелась — человек. Подошла еще ближе и вижу: этот человек — молодой цыган. Он ведет за повод лошадь. Куда?

— Гражданочка, здравствуйте, — обратился ко мне цыган. — Скажите, будьте ласковы: где тут в городе стол находок?

— А зачем вам стол находок? — поинтересовалась я.

— Видите ли, какое дело. К нашему табору пристала вот эта лошадь. Смотрели туда-сюда — хозяина нет. Что же делать? Вот мы и решили: сдать лошадь в стол находок. Думаем, что хозяин найдется...»

— Цыган. Лошадь. Стол находок... Я думаю, товарищ фельетонист, это тема?

— Тема! Спасибо, Людмила Константиновна!

Обдумывая эпизод с белой лошадью, я вспомнил об одном интересном редакционном совещании.

...В комнату, где происходит совещание, входит Иван Иванович Скворцов-Степанов. В руках у него несколько читательских писем.

— Лариса Михайловна здесь? — спрашивает Иван Иванович.

Это наша очеркистка Лариса Рейснер.

— Нет ее? Жаль. Вот все эти письма касаются ее последнего очерка. Один читатель пишет, что фраза «Колеса автомобиля — это катушки, на которых намотано пространство» уж слишком изысканна и отдает старомодной красивостью. Но это, по-моему, дело вкуса. А вот другие письма, против которых трудно что-нибудь возразить. В очерке Ларисы Михайловны сказано про одного молодого человека: «У него были воровские, цыганские глаза». Я получил несколько писем от оседлых цыган. Цыгане шумною толпой протестуют против этой фразы. Она оскорбляет всех цыган поголовно. Конечно, они правы. И нельзя пройти мимо такого явления: цыгане газеты читают, пишут в газету. Ей-ей, это тема для нового очерка... Кстати, недавно в редакцию поступила заметка работницы «Шарикоподшипника» Полины Мартыновой. Она цыганка. Пишет о своей новой жизни. Заметка озаглавлена: «Цыганка перестала гадать».

Уважаемые товарищи!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на «Литературную газету» на 1974 год

Стоимость подписки:

на 12 месяцев	—	7 руб. 80 коп.
на 6 месяцев	—	3 руб. 90 коп.
на 3 месяца	—	1 руб. 95 коп.
на 1 месяц	—	65 коп.

Подписку можно оформить БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ в пунктах подписки «Союзпечать», у ответственных распространителей на предприятиях, в колхозах, совхозах, в учреждениях, учебных заведениях, а также в отделениях связи и на почтамтах с любого месяца и на любой срок.

В розницу газета поступает в ограниченном количестве.

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар, 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А—07701 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 725 ИНДЕКС 50067